

Научный журнал
«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»
№ 3 (41) 2013
ISSN 1996-0522

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

РЕДАКЦИОННО-ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ**Философия**

С.В. Борисов – д.ф.н., профессор
Ю.Г. Ершов – д.ф.н., профессор
А.В. Павлов – д.ф.н., профессор
В.Д. Попов – д.ф.н., профессор
А.С. Чупров – д.ф.н., профессор

Политология

С.Г. Зырянов – д.полит.н., профессор
А.В. Понеделков – д.полит.н., профессор
О.Ф. Русакова – д.полит.н., профессор
А.Ю. Сунгуров – д. полит. н., профессор

Социология

Е.В. Грунт – д.ф.н., профессор
Н.Б. Костина – д.с.н., профессор

Юриспруденция

В.Г. Графский – д.ю.н., профессор
С.В. Кодан – д.ю.н., профессор
А.Б. Сергеев – д.ю.н., профессор

Экономика

О.В. Артемова – д.э.н., профессор
Т.Ю. Савченко – к.э.н., доцент

Культурология

С.С. Загребин – д.и.н., профессор
Л.Б. Зубанова – д.культурологии, доцент
А.Н. Лукин – к.культурологии, доцент

История

С.В. Нечаева – к.и.н., доцент
В.Н. Новоселов – д.и.н., профессор
С.С. Смирнов – д.и.н., профессор

Главный редактор

доктор политических наук,
профессор С.Г. Зырянов

Заместитель главного редактора

доктор философских наук,
профессор А.С. Чупров

Редакция

А.Н. Лукин – зав. рубрикой философии
С.Г. Зырянов – зав. рубрикой политологии
Е.В. Грунт – зав. рубрикой социологии
А.В. Ильиных – зав. рубрикой
государства и права
Т.Ю. Савченко – зав. рубрикой
экономики и управления
С.С. Загребин – зав. рубрикой культуры
В.Н. Новоселов – зав. рубрикой истории
А.В. Павлов – ответственный
за международные контакты

Ответственный секретарь

кандидат философских наук А.А. Бобрин

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Подписано в печать 11.06.2013 г.

Формат 70×108^{1/16}.

Усл.п.л. 8,75. Тираж 1000 экз.

Заказ № 3077

Издание подготовлено к печати

и отпечатано

в ОАО «Челябинский Дом печати»

454080, г. Челябинск,

Свердловский пр., 60

Цена свободная

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Академической политической науке
на Урале – 25 лет 5

ВЛАСТЬ

О.Ф. Русакова, Д.М. Ковалева
«Мягкая сила» и «умная власть»:
концептуальный анализ 15

М.С. Ильченко
Инерция в развитии российской
политической системы: подходы к анализу..... 20

В.О. Лобовиков
Исторический материализм в «цифровом
формате» (сравнительный анализ
интеллектуальных концепций и трендов
социально-политических наук в связи
с попытками осмысления модернизационных
тенденций) 25

И.Б. Фан
Политико-правовой статус личности
эпохи Московского царства: архаика или
современность? 31

Е.Г. Дьякова
Переход к электронному правительству и
национальная специфика: чему учит опыт Китая? 36

М.А. Трусов
Бельгийские политические партии как фактор
влияния на взаимоотношения субъектов
федерации 40

Д.С. Рыжий
Сетевые структуры и политические
организации 45

СОЦИУМ

Н.Б. Костина, Д.П. Попов
Социальные оценки реформирования
высшего профессионального образования:
показатели для измерения 51

В.Н. Киселев
Факторы формирования трудовых ценностей
молодых рабочих в современных условиях ... 56

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

А.В. Савоськин, А.В. Литвинова
Институт обращений депутатов
в конституционные (уставные) суды
субъектов Российской Федерации
нуждается в совершенствовании 61

Е.В. Елфимова
Совершенствование соотношения чинов,
званий и рангов в системе государственной
службы Российской Федерации 66

В.А. Васильев
Некоторые вопросы конституционно-
правового регулирования представительства
в сфере труда: исторический опыт
и современное видение 70

В.В. Эмих
Омбудсмены, содействующие защите прав
предпринимателей: тенденции и перспективы
развития..... 74

**ИНФОРМАЦИЯ
ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ****Научный журнал
«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»**

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала и касаться различных (политического, социального, экономического, правового и др.) аспектов состояния социума и его взаимоотношений с государственной и муниципальной властью.

В соответствии с решением президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Социум и власть» включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по направлениям: философия, политология, социология, юриспруденция, экономика, культурология, история.

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 139.

**Ваши материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

454071, г. Челябинск, а/я 6511

Телефон редакции:
(351) 771-42-30

E-mail: kushnym@rane74.ru

Адрес в Интернете
<http://rane74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке
ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 6 раз в год,
распространяется по подписке
в отделениях почтовой связи.

**Подписной индекс
по Российской Федерации
46536**

**Е.О. Никулочкин, К.А. Сергеев,
А.Б. Сергеев**

Конфискация имущества: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты 77

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ**Ю.С. Пиньковецкая**

Анализ уровня предпринимательской активности в регионах 80

А.А. Якушев

Эконометрическая модель прогнозирования предпринимательской деятельности торговой организации 84

КУЛЬТУРА**Е.А. Иванова**

Сартрианские истоки концепции политической субъектности Фредрика Джеймисона 91

ИСТОРИЯ**А.С. Чупров**

Еще раз о так называемой новой хронологии 95

Б.Н. Карипов

Интерпретация либеральными мыслителями и учеными принципа разделения властей в России второй половины XIX – начала XX вв. 100

Е.В. Тышта

Эволюция законодательной работы регионального парламента в 1990–2000-е годы (на примере Республики Хакасия) 104

М.А. Мишина

Социальное обеспечение семей военнослужащих в 1920-е гг. на территории Южного Урала 108

А.Г. Подмарицын

Уполномоченные Совета по делам Русской православной церкви при СНК/СМ СССР по Куйбышевской области в 1943–1965 годах 111

ДИСКУССИИ И ПОЛЕМИКА**Г.Л. Тульчинский**

Современность и субъективность 116

С.В. Борисов

Что значит быть современным (в контексте статьи А.В. Павлова «Заметки о современности и субъективности») 123

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ**М.А. Фадеичева**

Центр и регионы: историко-теоретический анализ нового российского имперского порядка 127

**Scientific journal
«SOCIUM and POWER»**

№ 3 (41) 2013
ISSN 1996-0522

Founded by

The Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration

Published by

Chelyabinsk branch of
the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

S.V. Borisov – Ph.D., professor
Yu.G. Ershov – Ph.D., professor
A.V. Pavlov – Ph.D., Professor
V.D. Popov – Ph.D., Professor
A.S. Chuprov – Ph.D., Professor

Political Science

S.G. Zyrianov – Dr. Sc. (Political Science),
Professor
A.V. Ponedelkov – Dr. Sc. (Political Science),
Professor
O.F. Rusakova – Dr. Sc. (Political Science),
Professor

A.Yu. Sungurov – Ph.D. in political science,
Professor

Sociology

E.V. Grunt – Ph.D., Professor
N.B. Kostina – Dr.Sc. (Sociology), Professor

Law

V.G. Grafskiy – LL.D, Professor
S.V. Kodan – LL.D, Professor
A.B. Sergeev – LL.D, Professor

Economics and Administration

O.V. Artyomova – Dr. Sc. (Economics),
Professor
T.Yu. Savchenko – Cand. Sc. (Economics),
Assistant Professor

Cultural Studies

S.S. Zagrebin – Dr. Sc. (History), Professor
L.B. Zubanova – Dr. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor
A.N. Lukin – Cand. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor

History

S.V. Nechaeva – Cand. Sc. (History), Assistant
Professor
V.N. Novoselov – Dr. Sc. (History), Professor
S.S. Smirnov – Dr. Sc. (History), Professor

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprov

Editorial board

A.N. Lukin – Head of Philosophy Dept
S.G. Zyrianov – Head of Political Science Dept
E.V. Grunt – Head of Sociology Dept
A.V. Ylyinykh – Head of Law and State Dept
T.Yu. Savchenko – Economics and management
S.S. Zagrebin – Head of Cultural Studies Dept
V.N. Novoselov – Head of History Dept
A.V. Pavlov – International Relations

Executive editor

Cand. Sc. (Philosophy)
A.A. Bobrik

Certificate of Registration

PI № FS 77-48298 of 24.01.2012
Issued by Russian Surveillance Service for
Mass Media and Communications

Passed for printing on 11.06.2013.

Format 70×108^{1/16}

Reference sheet area. 8,75. Issues – 1000.

Order № 3077.

This edition has been designed and printed at
454080, Chelyabinsk,
Sverdlovskiy prospekt, 60.
Free price

SCIENTIFIC LIFE

Academic political science in Ural turns 25..... 5

POWER

O.F. Rusakova, D.M. Kovaleva

«Soft power» and «Smart power»:
conceptual analysis 15

M.S. Ilchenko

Inertia in the development of the Russian
political system: approaches to the analysis 20

V.O. Lobovikov

Historical materialism in the «digital
format» (Comparative analysis of intellectual
conceptions and trends of social-political
sciences in relation to attempts to
understand modernization tendencies) 25

I.B. Fan

Political and legal status of a person during
the period of Muscovy: archaic or modern? 31

E.G. Dyakova

E-Government implementation and national
specifity: what can we learn from the
experience of China? 36

M.A. Trusov

The influence of Belgian political parties on
the relations of the federation subjects 40

D.S. Ryzhiy

Network structures and political organizations... 45

SOCIUM

N.B. Kostina, D.P. Popov

Social evaluations of higher professional
education reformation: indicators of
measurement 51

V.N. Kiselev

Factors of formation of labor values of
young workers under current conditions 56

STATE AND LAW

A.V. Savoskin, A.V. Litvinova

Institute of deputies' appeals to
constitutional (statutory) courts of the
Russian Federation needs to be improved 61

E.V. Elfimova

Improvement of the correspondence
between officials, classes and ranks in the
state service system of Russian Federation 66

V.A. Vasiliev

Some issues of constitutional and legal
regulation of representation in the world of
work..... 70

V.V. Emikh

Ombudsmen contributing to business
rights protection: tendencies and perspectives
of development 74

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included in the **list of leading reviewed scientific journals and publications**,

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, sociology, law, economics, cultural studies, history.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 140

Please send your articles to the editor's office at:

454071, Chelyabinsk, PO 6511
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: kushtym@rane74.ru

Website:
<http://rane74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved.

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices

**Subscription index in
Russia
46536**

E.O. Nikulochkin, K.A. Sergeev, A.B. Sergeev

Forfeiture of property: criminal legal and criminal procedure aspects 77

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Yu.S. Pinkovetskaya

Analysis of the level of entrepreneurial activity in regions 80

A.A. Yakushev

Econometric model of forecasting business activity of commercial organization 84

CULTURE

E.A. Ivanova

Sartrean Origins of Fredric Jameson's Concept of Political Subjectivity 91

HISTORY

A.S.Chuprov

Once again on the so-called new chronology 95

B.N. Karipov

Interpretation of the principle of separation of powers in Russia by liberal thinkers and scientists in the second half of the XIX – early XX century 100

E.V. Tyshta

The evolution of the legislative work of the regional Parliament in 1990-2000 (on the example of the Republic of Khakassia) 104

M.A. Mishina

Social security of families of military men in 1920-s in Chelyabinsk region 108

A.G. Podmaritsyn

Representatives of Council for Russian Orthodox Church affairs at Council of People's Commissars/Council of Ministers of the USSR in Kuibyshev area 1943–1965 111

DISCUSSIONS AND DEBATES

G.L. Tulchinskiy

Modernity and subjectivity 116

S.V. Borisov

What being modern means (in the context of A.V. Pavlov's article «Notes about modernity and subjectivity») 123

CRITICISM AND REVIEWS

M.A. Fadeicheva

Center and regions: historical and theoretical analysis of the new Russian imperial order127

От имени преподавателей, сотрудников, студентов и слушателей Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ поздравляю коллектив Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук с 25-летием со дня основания!

Пусть успешное сочетание лучших научных традиций, бесценного исследовательского опыта и творческой энергии служит постоянным импульсом к развитию Института.

Пользуясь случаем, благодарю руководство и коллектив Института за многолетнее сотрудничество с журналом «Социум и власть» и с Челябинским филиалом РАНХиГС в целом. Уверен, что оно и в дальнейшем будет эффективным и взаимовыгодным, послужит делу развития и укрепления авторитета академической науки.

Желаю коллективу Института творческого вдохновения, инновационных решений и осуществления перспективных проектов.

Успехов и процветания!

АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ НА УРАЛЕ – 25 ЛЕТ

УДК 32

Академическая политическая наука Урала: институциональное становление

1 марта 1988 года во исполнение Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 26.09.1987 г. № 1088 был учрежден Институт философии и права Уральского научного центра АН СССР (ныне УрО РАН). Изначально в институте сформировался коллектив с незаурядным составом единомышленников во главе с членом-корреспондентом РАН С.С. Алексеевым – одним из крупнейших российских юристов и самым цитируемым российским обществоведом – 7,5 тыс. цитирований в базе РИНЦ на начало 2013 года. В связи с переходом С.С. Алексеева на должность Председателя Комитета конституционного надзора СССР, а затем на ряд иных высоких государственных должностей в Москве, в 1993 г. директором института был избран доктор философских наук, профессор А.В. Гайда, позже также перешедший на работу в органы государственной власти. С 2002 года по настоящее время институт возглавляет член-корреспондент РАН, доктор юридических наук В.Н. Руденко.

Институт специализируется на исследованиях в области права и политической философии, современных политических теорий, истории и методологии политической науки. Особое внимание уделяется изучению правовых и политических институтов и процессов в России и мире, включая проблемы гражданского участия. Несмотря

на профессиональное признание философских и правовых направлений деятельности института именно политическая наука стала визитной карточкой академического учреждения и принесла ему широкую известность на территории Уральского региона, в России и за ее пределами.

При институте действует аспирантура по двум политологическим специальностям (23.00.01, 23.00.02) и докторантура (23.00.01), а с 1994 г. – диссертационный совет по защите докторских диссертаций по специальностям 09.00.03 – «История философии» и 23.00.01 – «Теория и философия политики, история и методология политической науки».

С 2000 г. издается научный ежегодник Института философии и права УрО РАН, включенный ВАК Минобрнауки в перечень ведущих рецензируемых изданий. Научный ежегодник находится в свободном доступе по адресу: <http://www.ifp.uran.ru/ezh/about/>.

В 2003–2005 гг. в институте под руководством доктора политических наук, профессора О.Ф. Русаковой сложилась признанная научным сообществом школа дискурс-анализа, поддержанная грантом Президента РФ [14], с 2001 года выходит научно-практический альманах «Дискурс-Пи» – <http://www.madipi.ru>.

С 2007 года заработал новый сайт института, на котором в свободном доступе размещены отдельные труды сотрудников – <http://www.ifp.uran.ru>.

**Эволюция
магистральных направлений
политических исследований:
теории, методы, результаты**

Фундаментальные политологические исследования проводятся в институте с начала 1990-х гг. После открытия в 1994 г. аспирантуры и диссертационного совета политологическое направление начинает быстро институционализироваться. Начало политическим исследованиям было положено циклом коллективных монографий, комплексно осмысляющих философско-политическое наследие марксизма в постсоветской России [32, 34, 88]. Развивая эти исследования, сотрудниками А.В. Гайдой, К.Н. Любутиным, С.В. Мошкиным и др. была выпущена уникальная серия очерков «Российские версии марксизма», в которой раскрыты особенности философско-политических взглядов А.А. Богданова, Н.И. Бухарина, А.М. Горького, В.И. Ленина, А.В. Луначарского, И.В. Сталина [см. подр. 51]. Близка к этой проблематике и работа Ю.Г. Ершова [18]. Общую исследовательскую повестку института определяют фундаментальные труды, посвященные исторической природе марксизма [33] и критическому переосмыслению марксистской социально-политической философии [87].

К знаковой теоретической работе того времени можно отнести монографию, посвященную политическим аспектам морали [110]. В 1990-е годы в фокусе внимания ученых института находились проблемы трансформации взаимодействия гражданина и власти [13], формирования в России гражданского общества [12] и гражданской культуры, механизмы гражданского лидерства [58]. Результаты исследований получили дальнейшее развитие в обобщающей коллективной монографии «Судьбы гражданского общества в России» [89].

В течение короткого времени круг интересов политологов института значительно расширился, произошла дифференциация основных направлений научного поиска, проводившегося теперь практически по всему идеологическому спектру современности. Передовыми работами того времени стали новаторские труды, осмысляющие проблемы политического радикализма [85] и популизма [81]. Были разработаны теоретические основы и типология консерватизма как мировоззрения и политической идеологии [1]. Рассмотрены теоретические основы экспансионистской доктрины, положенной в основу внешней политики советского государства [59].

Широкий профессиональный и общественный резонанс в России и за рубежом в указанный период получил цикл работ, посвященный анализу детского политического сознания [60; 61; 62; 63]. Особое место и в российской политике, и в политологической тематике института 1990-х годов занимали проблемы федеративных отношений. Учитывая маятниковый характер развития этих отношений в России, в институте были реализованы проекты по их всестороннему анализу в условиях децентрализации [101] и централизации власти в стране [102]. Специалистами института разработана универсальная дистрибутивная модель федерализма, снимающая противоречия акторного и институционального подходов [68].

Выход политических исследований института на новый уровень связан с началом издания институтом с 2002 г. самой успешной серии авторских научных монографий «Феноменология политического пространства». К настоящему времени в рамках серии вышло 17 монографий, 13 из них написаны и выпущены молодыми учеными. Серия сразу же обратила на себя внимание специалистов. Две монографии серии удостоены в 2005 и 2006 гг. медалей РАН для молодых ученых (В.С. Мартыанов, А.Б. Белоусов), отдельные монографии цикла отмечены премией губернатора Свердловской области (В.В. Эмих), премией им. члена-корреспондента П.И. Рычкова (Н.В. Панкевич), премией Европейской академии (Academia Europaea) для молодых ученых (В.С. Мартыанов), премиями «Белое крыло», «Общественная мысль», «Держава», дипломами Российской ассоциации политической науки и иными научными наградами.

В данной серии монографий сформулирован ряд оригинальных, новаторских, принципиальных идей и концепций современной политической науки.

Было введено понятие метапарадигмы социально-политических наук как места «встречи» и динамического взаимодействия онтологических («фоновых») представлений и специфических приемов, практикуемых человеком с целью овладения социальной реальностью и ее познания [105]. На широком материале проанализирована роль фантастического жанра как зеркала российской политики. На предмете отечественной фантастики исследованы проблемы «воспитания нового человека», прогрессорства и цивилизационного конфликта ценностей, противостояния идеологий и утопий [109].

Разработана общая политическая концепция Модерна [37] и постмодерна [46; 93;

108], исследовано соотношение Модерна и теорий модернизации [21, 47]. Критически рассмотрена теория множественной модерности [42], предложена гипотеза о глобализации раннего индустриально-классового Модерна как необходимости его этико-политического совершенствования в условиях опережающего развития экономических институтов [35; 40]. Показано, что наибольшие проблемы с модернизацией в постсоветский период обусловлены отсутствием у проектов новой модернизации внятных и справедливых этических оснований. Современная Россия приняла донельзя огрубленную версию либерального морального минимума – мораль «дикого рыночного капитализма». В ситуации отказа от проекта Модерна в политической практике возникают феномены «локальных моралей», которые выражаются то в попытках создания национальной идеологии, то в провозглашении себя энергетической сверхдержавой, то в символическом возрождении советского и имперского наследия, то в попытках вновь выдвинуть на роль государственной религии православие. Обосновывается общий вывод, что эта модель локальной морали – явно тупиковая [54].

Выделен метаязык политической науки как искусственный язык второго уровня [38]. Рассмотрена двойственность статуса политической науки, связанная со столкновением в ее дискурсе кодов научного знания и политической власти. Описаны дискурсы исторически сложившихся метаязыков политической науки: тавтологического, парадоксального и нарративного. На их основании выделены и рассмотрены содержательные особенности ключевых теорий российского политического универсума: модернизационной, цивилизационной и глобальной [43].

Предложено более дифференцированное, чем традиционное, противопоставление идеологии и утопии, классификация современных российских политических дискурсов. Выявлены и описаны доминирующий «дискурс нормального общества и здравого смысла», дискурс социальной рациональности, «политический проективизм», дискурс социального эксперимента [107]. В русле разрабатываемой проблематики также была предпринята попытка выявить специфику и историческую роль дискурса правды и справедливости как органичной части российских политических дискурсов [41]. Было показано, что теория справедливости не имеет самостоятельного значения и является лишь частью более

широких ценностных политических проектов, устанавливающих ее критерии.

Комплексно исследованы современные подходы к правам человека в контексте культурных различий. Проведен сравнительный анализ современных политологических концепций, в ходе которого выделены универсалистские и релятивистские группы теорий прав человека в политике [56]. Сформулирована модель политической оппозиции как организованной борьбы за доминирующие властные ресурсы; выделены основные факторы политической системы, оказывающие влияние на формирование той или иной модели политической оппозиции: культурная гомогенность общества и число претендующих на власть субъектов политической системы. Предложены основные модели политической оппозиции, образующиеся в рамках различных типов политических систем: гомогенные системы с одним, двумя и несколькими доминирующими политическими акторами, а также поляризованные системы с тем же количеством политических акторов [11].

Разработана дискретная модель лоббизма. В ней по-новому рассмотрена роль представителей власти в лоббистских процессах на методологической основе модели К. Шеннона и В. Уивера [4]. Комплексно рассмотрены парадигмы лоббистской деятельности [27], лоббистские стратегии в области образования [26], формы и методы отраслевого лоббизма [23].

Все большее институциональное признание получает разработанная в институте теория символической политики [31; 25], доказавшая свою релевантность на примере контент-анализа политических слоганов [29; 30], политических граффити [79], выборов и политической рекламы [24], посланий Президента РФ [36] и др.

Вне книжных серий в 2000-х гг. опубликован ряд значимых работ, закрепивших новаторские позиции института в разработке таких фундаментальных направлений современного политического знания, как политическая этика, теория масс-медиа, теория национализма и этнополитика. Рассмотрена макроисторическая эволюция геополитического положения России с позиций миросистемного анализа [48], представлена оригинальная концепция историософии [84].

Особое внимание исследователей было уделено политологическому анализу проблем конструирования реальности в процессах массовой коммуникации [16]. Проблемы взаимодействия массовой

коммуникации и власти были проанализированы посредством исследования двух основных конкурирующих концептуальных моделей – модели доминирования и плюралистической модели [15]. Особое внимание уделено изучению социокультурной специфики перехода к электронному правительству в отечественных реалиях [17; 91]. Предложена гипотеза установления повестки дня («agenda-setting») и ее практической применимости в современных российских условиях. Проанализированы завышенные утопические ожидания, связанные с распространением Интернета [90]. Показано, что в Интернете политическая борьба принимает форму семантической (смысловой) партизанской войны против доминантного культурного кода.

Новаторским предметом специального исследования в отечественной политической науке стала проблема исторического становления феномена гражданина [99]. Проанализировано соотношение частного и публичного в бытии современного российского гражданина [98, 100]. Рассмотрена историческая эволюция частной и публичной жизни в России (семьи, ролей мужчины и женщины, сущности российской власти), а также особенности взаимодействия частной и публичной сфер в современной России.

В работах политологов института представлены варианты теоретического решения национального вопроса в России как политическом государстве [94]. Предложена современная типология этнонациональных концепций, рассмотрен индивид в его политическом, этнонациональном бытии [97], в том числе в составе этнических диаспор [92]. Проанализированы особенности дискурса модернистских и постмодернистских теорий наций, обоснована необходимость конструирования новых дискурсов современной этнопологии [96]. Рассмотрены парадигмальные основания и теоретико-практические противоречия гражданской (консолидирующей) и этнической (конфликтогенной) моделей национализма [95]. Аргументирована мысль, что условием успешного построения гражданской нации-государства является «деполитизация этнического» в российской политике [49]. Изучен опыт решения этнических противоречий в федеративных государствах [22].

В области междисциплинарных политико-правовых исследований в цикле оригинальных авторских работ проанализированы место и роль института жребия в реализации принципов объективности и

беспристрастности в деятельности органов власти и правосудия. Рассмотрен метод кластерной рендомизации, применяемый при формировании состава суда в античной Греции, а также случаи его использования в современной политике и праве [73]. Исследованы методы кластерной рендомизации, применяющиеся при формировании составов судов присяжных, составов консультативных общественных советов, распределении дел в судах [75].

Осуществлен системный анализ правовых моделей представительства субнациональных интересов в верхних палатах парламентов федеративных государств. Обосновано выделение двух моделей представительства – делегативной и функциональной. Обоснована стратегия реформирования Совета Федерации с учетом делегативных и функциональных аспектов представительства публичных интересов в парламенте [103].

Во второй половине 2000-х институт обозначил лидерство в новой, все более востребованной временем тематике – изучении институтов современной демократии, обеспечивающих участие граждан в осуществлении публичной власти. Были обоснованы новаторские идеи, методы и механизмы самоограничения власти посредством институтов гражданского участия. Под руководством члена-корреспондента РАН В.Н. Руденко впервые была разработана концепция прямой демократии, основанная на разграничении мобилизационных и согласительных политических систем [80; 77]. Была развита и усовершенствована концепция делиберативной демократии (демократии обсуждения) в части политико-правовых институтов гражданского участия, таких как публичные слушания [65; 74], консультативные общественные советы [76; 111] и др.

Отдельное внимание было уделено разработке механизмов электронной демократии в современном обществе, обоснованы ее позитивные политико-управленческие возможности и утопические черты, проистекающие из завышенных ожиданий общества [78]. В рамках данного направления в институте впервые был осуществлен комплексный анализ всех форм участия граждан в отправлении правосудия в современном мире. Данное исследование не имеет аналогов, так как им были охвачены более 140 стран мира и более 30 зависимых территорий. На широком социологическом материале был обоснован вывод о том, что в недемократических странах, где

затруднен доступ граждан к правосудию, доминирующей формой участия граждан в отправлении правосудия является участие в работе судов обычного права и в работе религиозных судов. В странах развитой демократии такой формой являются суды присяжных и смешанные суды. Показано, что развитие суда присяжных требует высочайшей степени доверия со стороны органов государственной власти к гражданам [82].

В последние годы институт осваивает новые перспективные темы и направления политических исследований. В работах последних лет сотрудниками института обоснована взаимосвязь политической концепции Модерна с зарождением и глобальным развитием капиталистической миросистемы. Проанализирован ее генезис из морального дефицита христианской морали [55]. Сделан вывод о том, что все более интенсивное взаимодействие и взаимозависимость человечества на глобальном уровне требуют вслед за капиталистической мирозкономикой создания мирополитики как заботы об интересах человечества в целом [35].

Исследован дискурсивный поворот современной политической философии [83]. В области исследований политических идеологий предложена принципиально новая классификация политического экстремизма, опровергающая его собственное идеологическое содержание и рассматривающая родовые признаки экстремизма только в категории действия [50; 53]. Обоснован тезис об опасном сближении идеологии и мифа в популистских дискурсах политики постмодерна [106]. Исследуются причины актуального поворота политической этики от универсальных принципов к этике добродетели [104]. Особое внимание уделено идеологическим основаниям современного партийного проектирования в России [28; 39].

Комплексно анализируются альтернативы доминирующим территориальным формам организации политического пространства, связанным с концепцией нацигосударства [70]. Исследованы механизмы и эффективность институциональных политико-правовых переносов (трансплантатов) в глобальном мире [66]. Отдельно рассмотрены потенциальные механизмы гражданского политического контроля за деятельностью ТНК в условиях глобализации [71]. Ведутся комплексные исследования трансформации локальных [6; 7], национальных и глобальных сетей городов

[52; 69]. Предложены новаторские механизмы выравнивания диспропорций регионального развития в России [67].

В аспекте образов будущей России рассмотрены теории глобального транзита человечества к постиндустриальному обществу, к новой общественной формации «основанной на знаниях» (knowledge society). Показано, что все актуальные достижения постиндустриализма относятся, прежде всего, к изменению внешних условий жизни общества, когда технологический прогресс действительно увеличивает сумму доступных возможностей, удобств и удовольствий, располагаемых каждым членом общества. Однако данные изменения нельзя трактовать как переход к кардинально новому типу общества, так как мировоззрение и ценности этого общества, его цели и структура существенно от всего этого не меняются, да и принципиально новые цели тоже не ставятся [45]. В частности, в сравнительном ключе переосмыслены факторы, препятствующие модернизации арабского Востока [20].

В 2003 году институтом был открыт Пермский филиал по исследованию политических институтов и процессов, внесший существенный вклад в изучение ряда актуальных вопросов современной политической теории. Были разработаны проблемы имперского наследия России и проблемы консервативной идеологии на Западе и в России. Разработана новаторская не только для отечественных, но и мировых исследований проблематика сравнительного анализа российского и испанского консерватизма [8]. В области изучения империализма предложена трактовка «имперской сердцевины», согласно которой следует разграничивать имперский «центр», «метрополию» и «историческое ядро» империи. Показано, что имперское сознание играет роль компенсатора в отношении представлений о странах постсоветского пространства как «несостоявшихся государствах» [72].

Была исследована современная политическая мифология [86], проанализировано соотношение религии и политики на примере современного ислама [57]. В Пермском филиале института на основе комплексных исследований [3] впервые в стране была подготовлена обобщающая монография об истории выборов губернаторов в России [2]. В настоящее время в филиале ведутся перспективные прикладные исследования локальных и региональных политических режимов в России [9].

Начата разработка методологии анализа региональной идентичности, проведен сравнительный анализ ресурсов идентичности российских регионов [64].

Развитие научных сетей

Институт с начала своего существования активно сотрудничает с зарубежными учеными из университетов Эмори (Атланта), Нью-Мексико (США), Центра славянских исследований Хоккайдского университета (Япония), из Макс-Планк института иностранного и международного частного права (г. Гамбург, ФРГ), из Института сравнительных исследований государства и права (Париж, Франция), из университета в Лодзи (Польша), Карлова университета в Праге (Чехия), из университета Мурсии (Испания) и др.

В рамках ряда политологических школ, проведенных с целью повышения качества преподавания политических наук в России, странах СНГ и странах Восточной Европы были прочитаны лекции такими известными обществоведами, как профессор, декан факультета политологии Кентского университета Р. Саква (Великобритания); профессор Южно-Иллинойского университета С. Шульман (г. Карбондейл, США); профессор Центра славяноведения Хоккайдского университета (Япония) К. Мацузато, профессор Университета Эмори Р. Ремингтон (США) и др.

Особое внимание в институте уделяется механизмам интеграции и координации политических исследований. При поддержке института и на его основе в 2002 г. была создана Евразийская сеть политических исследований (ЕСПИ), объединившая ученых из 20 стран мира (с 2007 г. сеть функционирует в Москве). В последние годы труды сотрудников института в соответствии с велениями времени все активнее публикуются в зарубежных изданиях. В частности, труды института были широко представлены в тематическом выпуске журнала «Perspectives of European Politics

and Society» [114; 118; 120], циклах статей в журналах «Russian Politics and Law» [112, 115, 117], «Russian Social Science Review» [113], «Coatepec» [119], «Zeitschrift für Europäisches Privatrecht» [116] и др.

С 2009 года институтом развивается проект «Экспертная сеть по исследованию идентичности» (<http://identity.ucoz.ru/>). Это международный коммуникационный ресурс для координации исследователей, разрабатывающих тематику идентичности. Интернет-платформа в настоящее время объединяет более 170 специалистов из разных областей научного знания (географы, философы, культурологи, политологи, социологи), чьи интересы связаны с проблемами изучения идентичности. В данный момент в состав Сети входят исследователи из США, стран ЕС, Японии, постсоветских стран.

В последние годы инициирована работа по созданию базы ресурсов по региональной идентичности в России, осуществляется новаторский проект создания карты идентичности Арктического макрорегиона России. Сотрудники института принимают активное участие в деятельности Клуба уральских политологов [5; 10; 19], объединяющего профессиональное политологическое сообщество Большого Урала, а также публикуются в научных журналах Уральского федерального округа, признанных Высшей аттестационной комиссией.

К своему 25-летию ИФИП УрО РАН сложился как хорошо известный за рубежом и авторитетный в России центр академических исследований в области фундаментальной и прикладной политической теории. Политологическая школа, сформировавшаяся в институте, является ведущим центром академической политической науки от Волги до Дальнего Востока. Коллектив института по «гамбургскому счету» доказал свою состоятельность и востребованность, имея в запасе множество интересных, но пока нереализованных проектов и идей, которые планируется осуществить в ближайшем будущем.

С.Г. Зырянов

1. Абелинскас, Э.Ю. Консерватизм как мировоззрение и политическая идеология (опыт обоснования) [Текст] / Э.Ю. Абелинскас. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. 100 с.

2. Ашихмина, Я.Г. Выборы губернаторов в России: конкурентность и предсказуемость (1991–2005 гг.) [Текст] / Я.Г. Ашихмина. Екатеринбург: УрО РАН, 2010. 167 с.

3. Ашихмина, Я.Г. Губернаторские выборы как индикатор политических тенденций в регионах-донорах [Текст] / Я.Г. Ашихмина, П.В. Панов, О.Б. Подвинцев // Россия и современный мир. 2004. № 2. С. 52–76.

4. Белоусов, А.Б. Лоббизм как политическая коммуникация [Текст] / А.Б. Белоусов. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 216 с.
5. Белоусов, А.Б. Уральская школа политологии [Текст] / А.Б. Белоусов, Н.В. Зубаревич, С.Г. Зырянов, С.В. Кондратьев, А.В. Семенов, С.Ю. Шишкина // Социум и власть. 2010. № 2. С. 111–129.
6. Бердникова, Н.С. Трансформация моделей управления в крупных российских городах на рубеже 2000–2010-х гг.: Пермь, Екатеринбург, Омск [Текст] / Н.С. Бердникова, О.Б. Подвинцев // Социум и власть. 2012. № 2. С. 43–50.
7. Бердникова, Н.С. Трансформация моделей управления в крупных российских городах на рубеже 2000–2010-х гг.: Пермь, Екатеринбург, Омск [Текст] / Н.С. Бердникова, О.Б. Подвинцев // Социум и власть. 2012. № 3. С. 20–24.
8. Василенко, Ю.В. Идеино-ценностные уровни испанского консерватизма [Текст] / Ю.В. Василенко // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2008. Вып. 8. С. 293–311.
9. Витковская, Т.Б. Моногорода Среднего Урала: локальные элиты и политические процессы [Текст] / Т.Б. Витковская, О.А. Рябова. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 284 с.
10. Воронцов, В.С. Уральская школа политологии [Текст] / В.С. Воронцов, К.В. Киселев, П.В. Панов, К.А. Сулимов, О.Б. Подвинцев // Социум и власть. 2010. № 3. С. 121–129.
11. Гаврилов, Г.А. Модели политической оппозиции: теоретико-методологический анализ [Текст] / Г.А. Гаврилов. Екатеринбург: УрО РАН, 2003. 154 с.
12. Гайда, А.В. Гражданское общество и государство [Текст] / А.В. Гайда // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 1999. Вып. 1. С. 5–16.
13. Гайда, А.В. Власть и человек [Текст] / А.В. Гайда, В.В. Китаев. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 158 с.
14. Дискурсология: методология, теория практика [Текст] / под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006. 177 с.
15. Дьякова, Е.Г. Массовая коммуникация и власть [Текст] / Дьякова Е.Г. Екатеринбург: УрО РАН, 2002. 278 с.
16. Дьякова, Е.Г. Политологическая рефлексия над политематической научной дисциплиной: политология и теория массовой коммуникации [Текст] / Е.Г. Дьякова // Полис (Политические исследования). 2006. № 4. С. 17–25.
17. Дьякова, Е.Г. Процесс перехода к электронному правительству как объект теоретического моделирования [Текст] / Е.Г. Дьякова // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. № 10. С. 204–224.
18. Ершов, Ю.Г. Человек. Социум. История [Текст] / Ю.Г. Ершов. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1990. 154 с.
19. Зырянов, С.Г. 20-летие уральской школы политологии: испытание кризисами [Текст] / С.Г. Зырянов, С.В. Нечаева // Социум и власть. 2009. № 2. С.112–113.
20. Иванова, Е.А. Политическая модернизация арабского Востока: между государством и консервативной революцией [Текст] / Е.А. Иванова // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2011. № 11. С. 419–433.
21. Иванова, Е.А. Современность как политическая проблема: преодолевая границы модернизационной парадигмы [Текст] / Е.А. Иванова // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. № 10. С. 160–172.
22. Ильченко, М.С. Федеративные механизмы в разрешении этнических конфликтов: переговорный процесс за рамками формальных правил [Текст] / М.С. Ильченко // Политическая наука. 2011. № 1. С. 170–190.
23. Казакова, В. Региональное объединение отраслевого типа как субъект лоббистской деятельности: цели, структура, правовые основания взаимоотношений с органами государственной власти субъектов РФ [Текст] / В. Казакова, К. Киселев // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2002. № 3. С. 359–377.
24. Киселев, К. Выборы и символическая политика в Российской Федерации [Текст] / К. Киселев // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2005. № 3.
25. Киселев, К.В. Динамика символической политики власти в электоральном цикле 2011–2012 гг. [Текст] / К.В. Киселев // ПОЛИТЭКС. 2012. № 4. С. 205–217.
26. Киселев, К.В. Лоббизм и образование [Текст] / К.В. Киселев // Университетское управление: практика и анализ. 2000. № 2. С. 67–73.
27. Киселев, К.В. Лоббизм: некоторые исследовательские парадигмы [Текст] / К.В. Киселев // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2005. № 6. С. 313–335.
28. Киселев, К.В. Партийное проектирование в современной России: роль идеологии [Текст] / К.В. Киселев // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2007. № 7. С. 231–239.
29. Киселев, К.В. Политический слоган: проблемы семантической политики и коммуникативная техника [Текст] / К.В. Киселев. Екатеринбург: УрО РАН, 2002. 243 с.
30. Киселев, К.В. Предвыборный слоган в проблемном поле семантической политики [Текст] / К.В. Киселев // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2001. № 2. С. 211–248.

31. Киселев, К.В. Символическая политика: власть vs общество [Текст] / К.В. Киселев Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2006. 131 с.
32. Ленинизм и Россия [Текст] / отв. ред. А.В. Гайда, К.Н. Любутин. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 320 с.
33. Лоскутов, В.А. Историческая природа марксизма: основания и система развития [Текст] / В.А. Лоскутов. Свердловск: УрГУ. 1990. 308 с.
34. Марксизм и Россия [Текст] / отв. ред. В.А. Лоскутов. М.: ФО СССР, 1990. 286 с.
35. Мартянов, В.С. Глобальный Модерн: от мирэкономики к мирополитике [Текст] / В.С. Мартянов // МЭМО. 2012. №6. С. 80–89.
36. Мартянов, В.С. Идеология В.В. Путина: концептуализация посланий Президента РФ [Текст] / В.С. Мартянов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2007. Том 3. № 1. С. 152–179.
37. Мартянов, В.С. Метаморфозы российского Модерна: выживет ли Россия в глобализирующемся мире [Текст] / В.С. Мартянов. Екатеринбург: УрО РАН, 2007. 348 с.
38. Мартянов, В.С. Метаязык политической науки [Текст] / В.С. Мартянов. Екатеринбург: УрО РАН. 2003. 238 с.
39. Мартянов, В. Многопартийная партия власти [Текст] / В. Мартянов // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2007. № 3. С. 12–22.
40. Мартянов, В.С. Модерн продолжается? [Текст] / В.С. Мартянов // ПОЛИС. 2012. № 3. С. 108–122.
41. Мартянов, В.С. Об условиях возникновения теории справедливости в российской политике [Текст] / В.С. Мартянов // ПОЛИС. 2006. №4. С. 61–73.
42. Мартянов, В.С. Один модерн или «множество»? [Текст] / В.С. Мартянов // Полис (Политические исследования). 2010. № 6. С. 41–53.
43. Мартянов, В.С. Парадигмы российской политологии [Текст] / В.С. Мартянов // Полития. 2009. №1. С. 167–181.
44. Мартянов, В.С. Политический проект Модерна. От мирэкономики к мирополитике: стратегия России в глобализирующемся мире [Текст] / В.С. Мартянов. М.: РОССПЭН. 2010. 360 с.
45. Мартянов, В.С. Постиндустриальное общество для России: миф, теория, реальная перспектива? [Текст] / В.С. Мартянов // Логос. 2008. № 1 (64). С. 32–47.
46. Мартянов, В.С. Постмодерн – реванш «проклятой стороны Модерна» [Текст] / В.С. Мартянов // ПОЛИС. 2005. № 2. С. 147–157.
47. Мартянов, В.С. Ремодернизация российского модерна: теория, практика и/или риторика? [Текст] / В.С. Мартянов // Неприкосновенный запас. 2010. № 6 (74). С. 338–355.
48. Мартянов, В.С. Россия в меняющемся мире [Текст] / В. Мартянов // Свободная мысль. 2007. № 6. С. 7–22.
49. Мартянов, В.С. Строительство политической нации и этнонационализм [Текст] / В.С. Мартянов // Логос. № 2 (53). 2006. С. 94–109.
50. Мартянов, В.С. Умножение зла добром [Текст] / В.С. Мартянов // Свободная мысль. 2008. № 5. С. 83–96.
51. Мартянов, В.С. Институт философии и права УрО РАН: 25 лет философских, социологических, политологических исследований [Текст] / В.С. Мартянов, В.Н. Руденко // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер. «Философия». 2012. Т. 10. Вып. 3. С. 205–214.
52. Мартянов, В.С. Российские мегаполисы: от индустриальных городов к стратегии многофункциональных агломераций [Текст] / В.С. Мартянов, В.Н. Руденко // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Вып.12. С. 314–330.
53. Мартянов, В.С. Быть свободным или «бороться с экстремизмом»? [Текст] / В.С. Мартянов, Л.Г. Фишман // Новый мир. 2008. № 11. С. 132–152.
54. Мартянов, В.С. Моральный тупик цивилизационной парадигмы [Текст] / В.С. Мартянов, Л.Г. Фишман // Полития. 2006–2007. № 4 (43). С. 72–87.
55. Мартянов, В.С. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. [Текст] / В.С. Мартянов, Л.Г. Фишман. М.: Весь мир. 2010. 256 с.
56. Меркушев, В.Н. Права человека в контексте культурных различий [Текст] / В.Н. Меркушев. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 148 с.
57. Михалева, А.В. Исламская конференция в Германии: новые способы решения старых проблем [Текст] / А.В. Михалева // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2009. № 9. С. 354–376.
58. Модель, И.М. Власть и гражданское сообщество России: от социального взаимодействия – к социальному партнерству. [Текст] / И.М. Модель, Б.С. Модель. Екатеринбург: УрО РАН, 1998. 158 с.
59. Мошкин, С.В. Революция извне: историко-политологические очерки [Текст] / С.В. Мошкин. Екатеринбург: УрО РАН, 1997. 292 с.
60. Мошкин, С.В. Дети как взрослые? [Текст] / С.В. Мошкин, В.Н. Руденко // Социс: Соц. исслед., 1994. № 1. С. 153–155.
61. Мошкин, С.В. Дети смуты: (Социол. очерк). [Текст] / С.В. Мошкин, В.Н. Руденко. Екатеринбург: УрО РАН, 1993. 92 с.
62. Мошкин, С.В. Детский политический анекдот [Текст] / С.В. Мошкин, В.Н. Руденко // Социс: Соц. исслед., 1995. № 7. С. 133–137.
63. Мошкин, С.В. За кулисами свободы: ориентиры нового поколения [Текст] / С.В. Мошкин, В.Н. Руденко // Социс: Соц. исслед. 1994. № 11. С. 82–89.

64. Назукина, М.В. Столичные амбиции как отражение регионализации современной России [Текст] / М.В. Назукина, О.Б. Подвинцев // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2009. Вып. 9. С. 290–302.
65. Очеретина, М.А. Понятие и типология института публичных слушаний [Текст] / М.А. Очеретина // Конституционное и муниципальное право. 2008. №23. С. 22-25.
66. Панкевич, Н.В. Взаимодействие и трансформация правовых систем в процессе глобализации [Текст] / Н.В. Панкевич // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2010. Т. 6. № 3. С. 115–132.
67. Панкевич, Н.В. Диспропорции регионального развития РФ: проблема без решения? [Текст] / Н.В. Панкевич // Россия и современный мир. 2010. № 1. С. 97–109.
68. Панкевич, Н.В. Модели федеративного устройства: закономерности политической трансформации. [Текст] / Н.В. Панкевич. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 194 с.
69. Панкевич, Н.В. Политическая стратегия российской урбанизации: от мировых городов к национальной сетевой платформе [Текст] / Н.В. Панкевич // ПОЛИС. 2013. № 1. С. 72–85.
70. Панкевич, Н.В. Территориальная организация политического пространства: в поисках альтернатив [Текст] / Н.В. Панкевич // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2009. № 9. С. 275–289.
71. Панкевич, Н.В. ТНК: гражданско-политический контроль в условиях денационализации [Текст] / Н.В. Панкевич // МЭМО. 2012. № 3. С. 34–42.
72. Подвинцев, О.Б. Идея «несостоявшихся государств» в российском постимперском контексте [Текст] / О.Б. Подвинцев // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2007. № 7. С. 204–214.
73. Руденко, В.Н. Демократия и жребий [Текст] / В.Н. Руденко // Свободная мысль. 2007. № 6. – С. 95–106.
74. Руденко, В.Н. Институт народной правотворческой инициативы в современном конституционализме [Текст] / В.Н. Руденко // Конституционное и муниципальное право. 2002. № 2. С. 4–8.
75. Руденко, В.Н. Клеротерия: практика и перспективы применения [Текст] / В.Н. Руденко // Правоведение. 2007. № 1. С. 214–224.
76. Руденко, В.Н. Консультативные общественные советы: особенности организации и деятельности [Текст] / В.Н. Руденко // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2006. Т. 2. № 3. С. 143–155.
77. Руденко, В.Н. Методология исследования институтов прямой демократии в современном обществе [Текст] / В.Н. Руденко // Правоведение. 2003. № 4. С. 38–51.
78. Руденко, В.Н. Новые Афины, или Электронная республика (О перспективах развития прямой демократии в современном обществе) [Текст] / В.Н. Руденко // Полис (полит. исслед.). 2006. № 4. С. 7–17.
79. Руденко, В.Н. Политическое граффити [Текст] / В.Н. Руденко // Социс: Соц. исслед., 1997. № 10. С. 50–55.
80. Руденко, В.Н. Прямая демократия: модели правления, конституционно-правовые институты. [Текст] / В.Н. Руденко. Екатеринбург: УрО РАН, 2003. 476 с.
81. Руденко, В.Н. Русский популизм: истоки, смысл, судьба [Текст] / В.Н. Руденко. Екатеринбург, 1993. 98 с.
82. Руденко, В.Н. Участие граждан в отправлении правосудия в современном мире [Текст] / В.Н. Руденко. Екатеринбург, РИО УрО РАН, 2011. 648 с.
83. Русакова, О.Ф. Интеллектуальные вехи и дискурсивные повороты в истории современной политической философии [Текст] / О.Ф. Русакова // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2011. № 11. С. 7–22.
84. Русакова, О.Ф. Историсофия: структура предмета и дискурса [Текст] / О.Ф. Русакова // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 48–59.
85. Русакова, О.Ф. Радикализм в России и современном мире: вопросы типологии [Текст] / О.Ф. Русакова. Екатеринбург. Изд-во УрГСХА, 2001. 352 с.
86. Рязанова, С.В. Политическая мифология как актуальная проблема гуманитарных дисциплин [Текст] / С.В. Рязанова // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 86–96.
87. Скоробогачкий, В.В. По ту сторону марксизма [Текст] / В.В. Скоробогачкий. Свердловск: УрГУ. 1991. 272 с.
88. Социализм и Россия [Текст] / отв. ред. А.В. Гайда, К.Н. Любутин. М.: ФО СССР, 1990.
89. Судьбы гражданского общества в России [Текст] / под ред. О.Ф. Русаковой / в 2 т. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. Т. 1. 224 с.; Т. 2. 288 с.
90. Трахтенберг, А.Д. Интернет как возвышенный объект идеологии в антикапиталистической риторике [Текст] / А.Д. Трахтенберг // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2008. № 8. С. 241-256.
91. Трахтенберг, А.Д. Электронное правительство: технократическая утопия или востребованная структура [Текст] / А.Д. Трахтенберг // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2011. № 11. С. 253–269.
92. Фадеичева, М.А. Диаспора и состояние этнического индивида [Текст] / М.А. Фадеичева // Диаспоры. 2004. № 2. С. 140–154.
93. Фадеичева, М.А. Истина в социально-политической науке постмодерна: возможности поиска [Текст] / М.А. Фадеичева // Социум и власть. 2012. № 5. С. 48–51.

94. Фадеичева, М.А. Легитимность власти и стратегия государства в управлении этнополитическими процессами [Текст] / М.А. Фадеичева // Вопросы политологии и социологии. Уральский институт-филиал РАНХ и ГС. 2011. №1 (1). С. 46–51.
95. Фадеичева, М.А. Парадигмальные основания этнической политики неопостсоветской России [Текст] / М.А. Фадеичева // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2008. № 8. С. 215–225.
96. Фадеичева, М.А. Университетская политология ad marginem [Текст] / М.А. Фадеичева // Полис. 2007. № 6. С. 52–63.
97. Фадеичева, М.А. Человек в этнополитике. Концепция этнонационального бытия [Текст] / М.А. Фадеичева. Екатеринбург: УрО РАН, 2003. 248 с.
98. Фан, И.Б. В поисках достоинства и ценности жизни российского гражданина [Текст] / И.Б. Фан // Социум и власть. 2010. № 1. С. 89–93.
99. Фан, И.Б. От героя до статиста: метаморфозы западноевропейского гражданина. [Текст] / И.Б. Фан. Екатеринбург: УрО РАН, 2006. 314 с.
100. Фан, И.Б. Частное и публичное в жизни российского гражданина [Текст] / И.Б. Фан // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. № 10. С. 243–258.
101. Федерализм и децентрализация [Текст] / отв. ред. А.В. Гайда, В.Н. Руденко. Екатеринбург: УрО РАН, 1998. 416 с.
102. Федерализм и централизация [Текст] / отв. ред. К.В. Киселев. Екатеринбург: УрО РАН, 2007. 374 с.
103. Филиппова, Н.А. Право публичного представительства [Текст] / Н.А. Филиппова // Конституционное и муниципальное право. 2010. №7. С. 17–24.
104. Фишман, Л.Г. А теперь добродетель! [Текст] / Л.Г. Фишман // Полития. 2012. № 2. С. 89–97.
105. Фишман, Л.Г. В ожидании Птолемея. Трансформация метапарадигмы социально-политических наук. [Текст] / Л.Г. Фишман. Екатеринбург: УрО РАН. 2004. 155 с.
106. Фишман, Л.Г. Политический миф и идеология: опасное сближение? [Текст] / Л.Г. Фишман // ПОЛИС. 2006. № 4. С. 74–86.
107. Фишман, Л.Г. Постмодернистская ловушка: путь туда и обратно [Текст] / Л.Г. Фишман. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 236 с.
108. Фишман, Л.Г. Постмодерн как возврат к Просвещению [Текст] / Л.Г. Фишман // Вопросы философии. 2006. № 10. С. 69–79.
109. Фишман, Л.Г. Фантастика и гражданское общество [Текст] / Л.Г. Фишман. Екатеринбург: УрО РАН, 2002. 168 с.
110. Франц, А.Б. Политическая анатомия морали: (опыт философии этоса) [Текст] / А.Б. Франц. Екатеринбург: УрО РАН, 1993. 314 с.
111. Эмих, В.В. Общественные советы в системе Следственного комитета Российской Федерации [Текст] / В.В. Эмих // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. № 12. С. 452–466.
112. Belousov, A. Political propaganda in contemporary Russia [Текст] / А.Б. Белоусов // Russian Politics and Law. 2012. Т. 50. № 3. Р. 56–69.
113. Fadeicheva, M.A. The Ideology and Discourse Practices of “Us-ism” in Contemporary Russia [Текст] / М.А. Фадеичева // Russian Social Science Review. 2009. Vol. 50. № 5. Р. 4–15.
114. Fishman, L. The Formation of a Predominating Discourse in Russian Politics [Текст] / Л. Фишман // Perspectives on European Politics and Society, 2005. Vol. 2. Р. 193–208.
115. Il'chenko, M. Inercia in Russian politics [Текст] / М. Ильченко // Russian Politics and Law. 2012. Т. 50. № 3. Р. 70–81.
116. Kurzynsky-Singer, E. Dispositionsmaxime im russischen Zivilprozessrecht [Текст] / Е. Курчински-Сингер, Н. Панкевич // Zeitschrift für Europäisches Privatrecht. 2012. № 1. 7–22.
117. Martianov, V. The decline of public politics in Russia: from public politics to political administration: the depoliticization of the regions [Текст] / В.С. Мартьянов // Russian Politics and Law. 2007. № 5. Р. 67–82.
118. Martyanov, V. The Evolution of Key Russian Political Discourse from “Western Democracy” to “The Quality of Democracy” [Текст] / В. Мартьянов // Perspectives on European Politics and Society, 2005. Vol. 2. Р. 175–191.
119. Rudenko, V.N. La ciberrepública y el futuro de la democracia [Текст] / В.Н. Руденко // Coatepec. 2009. № 16. Р. 165–176.
120. Trakhtenberg, A.D. Quality of Democracy and Quality of Mass-Media: Being Different or Backward? [Текст] / А.Д. Трахтенберг // Perspectives on European Politics and Society, 2005. Vol. 2. Р. 271–282.

«МЯГКАЯ СИЛА» И «УМНАЯ ВЛАСТЬ»: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

*Посвящается 25-летию Института философии и права
Уральского отделения РАН*

УДК 141.411

О.Ф. РУСАКОВА, Д.М. КОВАЛЕВА

В последние годы немногие научные концепты вызвали в академических и политических кругах такой же большой интерес, как «мягкая сила» (soft power) и «умная власть» (smart power).

Впервые термин «soft power» был введен в лексикон американским исследователем Дж. Наем в 1990 г. [13]. В своей наиболее известной работе «Soft power: the means to success in world politics», изданной в 2004 г. (в русском переводе книга вышла под названием «Гибкая власть: средства достижения успеха в мировой политике») исследователь определял soft power как способность добиваться того, что тебе нужно через привлекательность (attraction) более, чем через принуждение или плату. По Дж. Наю, «мягкая сила» изначально опирается на три ресурса: культуру (в тех ее частях, которые привлекательны для других), политические ценности (когда они жизнеспособны как внутри страны, так и за рубежом), внешнюю политику (когда она легитимна и моральна) [14, с. 11].

«Мягкой силе» как ресурсу и инструменту власти противопоставляется «жесткая сила» (hard power). К ресурсам hard power относятся военная мощь, экономические санкции, дипломатическое давление. Инструменты hard power – диктат, угрозы, принуждение, подкуп.

Необходимо отметить, что идея использования в целях властвования привлекательных образов в противовес грубому насилию не нова. Ее можно встретить у различных мыслителей прошлого (учения древнекитайского философа Лао-Цзы, учение о гегемонии А. Грамши и других). Однако считается, что именно Дж. Най на протяжении многолетней работы над концептом soft power дал его развернутую характеристику, обосновал важность использования стратегии «мягкой силы», а также активно способствовал введению данного концепта в теоретический и практический обороты.

Ученые США, Китая, Японии, Кореи и других стран в последние годы стали активно заниматься теоретическим истолкованием концепта «мягкой силы», оценкой его когнитивного и политического потенциала для формирования стратегии государственного развития.

В России концепт «мягкой силы» вошел в состав современного политического дискурса совсем недавно. Между тем, на сегодняшний день уже сложился круг авторов, сделавших концепт soft power специальным предметом своих исследований. В числе трудов на данную тему – работы В.М. Капицына [1], М.М. Лебедевой [4], Е.Г. Пономаревой [6], О.Ф. Русаковой [7], О.В. Столетова [8] и др. В настоящее время в МГИМО (Москва) и в Институте философии и права УрО РАН (Екатеринбург) формируются научные центры по изучению soft power.

Российскими исследователями ведется поиск концептуального ядра «мягкой силы», выявляются препятствия на пути использования стратегии soft power в политических практиках. Характерно, что в некоторых статьях (см., например, В.М. Капицын [1]) «мягкая сила» оценивается не как механизм, которым Россия уже овладела, а как угроза, исходящая от Запада и ряда восточных государств. Кроме того, подчеркивается необходимость восстановить влияние России в странах бывшего СССР (поддержка интереса к русскому языку и культуре – см. Г.Б. Касирин [2]).

Данный термин встречается в «Концепции внешней политики РФ» от 12 февраля 2013 г. В ней «мягкая сила» определяется как «комплексный инструментальный решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии» [3]. Положительным моментом является

*Статья подготовлена при поддержке Уральского отделения Российской академии наук в рамках конкурсных программ фундаментальных научных исследований: проект № 12-У-6-1002.

осознание того, что совершенствование системы применения «мягкой силы» должно идти не только с учетом международного опыта, но и национальной специфики. Как и любой программный документ, «Концепция...» лишь провозглашает необходимость овладения механизмами «мягкой силы», не раскрывая конкретных шагов. Вместе с тем, прослеживается и негативный посыл, связанный с защитой суверенитета, невмешательством во внутренние дела государств. Речь идет об опасности, исходящей от деструктивного использования «мягкой силы» в целях дестабилизации «обстановки, манипулирования общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках финансирования гуманитарных проектов и проектов, связанных с защитой прав человека, за рубежом» [3].

При анализе исторической динамики соотношения ресурсов «мягкой» и «жесткой силы» в современной литературе принято подчеркивать такой тренд, как уменьшение значения в международных коммуникациях «жесткой силы» и увеличение важности «мягкой силы». Это связывается с тем, что после Второй мировой войны была создана система регулирования международных отношений – ООН, основная цель которой – избавление грядущих поколений от бедствий войны. С этого времени приоритетом развития государства стало повышение собственной конкурентоспособности с использованием преимущественно невоенных методов.

В целом оценки «мягкой силы» и ее вес по сравнению с «жесткой силой» выглядят следующим образом: а) «жесткая» и «мягкая сила» являются полноценными заместителями; б) данные виды силы дополняют друг друга, поэтому их надо использовать комплексно; в) они не заменяют и не дополняют друг друга – их характеризуют сложные отношения, а применять их надо ситуационно, ориентируясь на культурный, поведенческий, национальный контекст. При этом представители конструктивизма и неолиберализма полагают, что в современных условиях глобализации и либерализации гораздо большее значение должна иметь «мягкая сила», а ученые, придерживающиеся реалистической точки зрения, напротив, считают, что опасно переоценивать потенциал «мягкой силы», решающую роль должны играть методы военного и экономического принуждения.

Разные авторы предлагают различные теоретико-методологические подходы к интерпретации концепта soft power. Рас-

смотрим подробнее взгляды таких исследователей, как Джулио Галларотти (Уэслианский университет, США) и Колина Грея (Университет Реддинг, Англия) на проблематику «мягкой силы».

Д.М. Галларотти – профессор, преподаватель колледжа Социальных исследований при Уэслианском университете. К числу последних книг Д.М. Галларотти относятся «Проклятие власти: влияние и иллюзия в мировой политике» (2010 г.), «Космополитическая власть в международных отношениях: синтез реализма, неолиберализма и конструктивизма» (2010 г.). В своих оценках ресурсов soft power Д.М. Галларотти придерживается космополитической теории власти, основанной на интеграции трех ведущих парадигм международных отношений: реализма, неолиберализма и конструктивизма. Он считает, что изменения в мировой политике подняли ценность «мягкой силы» по отношению к «жесткой силе», а также настоятельно советует лицам, принимающим решения, эффективно использовать «мягкую силу» в международных стратегиях. К.С. Грей, стоя на позициях реализма, очень скептически относится к «мягкой силе» и советует политическим деятелям ориентироваться, прежде всего, на «жесткую силу».

В одной из своих статей [12] Д.М. Галларотти выделяет два основных источника «мягкой силы»:

1) внутренний: культура (ярко выраженная социальная сплоченность, высокое качество жизни, свобода, достаточные возможности, толерантность, притягательный образ жизни) и политические институты (демократия, конституционализм, либерализм, плюрализм, хорошо функционирующее правительство);

2) внешний: уважение международных законов, норм и институтов, поддержка многостороннего подхода, соблюдение международных договоров и союзнических обязательств, готовность жертвовать краткосрочными национальными интересами ради общего блага, либеральная внешнеэкономическая политика).

Автор убежден, что отношения между «мягкой» и «жесткой силой» едва ли простые: они ни идеально заменяют друг друга, ни строго дополняют. Часто они действительно могут усилить или ослабить одна другую. Сильный положительный имидж государства помогает привлечь союзников, которые, в свою очередь, укрепят оборону. Предоставление войск для обороны страны от иностранного вторжения будет спо-

способствовать положительному имиджу государства-защитника. Реалисты убеждены, что серьезный военный потенциал страны может создавать активы «мягкой силы», т.к. он способствует увеличению уважения и восхищения со стороны мирового сообщества. Однако, подчеркивает Д.М. Галларотти, применение «жесткой силы» может способствовать укреплению мягкой силы, только если оно не идет вразрез с либеральными политическими принципами (способствует защите государства от агрессии, поддержанию мира, освобождению от тирании). Кроме того, последствия от применения обоих видов силы детерминированы политическим контекстом.

Растущее значение «мягкой силы», согласно Д.М. Галларотти, определяют следующие обстоятельства: глобализация (характеризуется взаимозависимостью стран, огромной скоростью передачи информации); демократизация и распространение либеральных принципов (не только сами по себе несут приверженность «мягким принципам», но и ограничивают лидеров в использовании силы, подкупа); огромные затраты при использовании ядерного оружия; тяга к процветанию и стабильности современных западных обществ; рост международных организаций, приоритет многосторонности перед односторонним подходом.

Наконец, Д.М. Галларотти советует политикам чаще прибегать к ресурсу «мягкой силы». Он полагает, что необходимо постоянно проводить переоценку текущих государственных стратегий: от механизмов «мягкой» и «жесткой силы», которые плохо функционируют на практике, следует отказываться. «Жесткую силу» надо оценивать особенно трезво, т.к. она может иметь гипнотическое очарование за счет своей материальности. Очень важно судить власть, основанную на результатах, а не на ресурсах. Д.М. Галларотти подчеркивает необходимость учитывать и предугадывать косвенные последствия, возникающие при чрезмерной зависимости от «жесткой силы».

В целом Д.М. Галларотти дает довольно высокую оценку ресурсам «мягкой силы», хотя и подчеркивает непростые отношения между *soft power* и *hard power*, говорит о необходимости учета контекста при их применении.

К.С. Грей придерживается иной позиции относительно «мягкой силы»: он предостерегает от переоценки ее потенциала [10]. В различные периоды своей жизни он работал в научных центрах и организациях,

занимающихся вопросами военных стратегий и обороны: Международный институт стратегических исследований (Лондон), Национальный институт публичной политики (США), Генеральный консультативный комитет по контролю вооружений и разоружения в администрации Рейгана и др. Это сказалось на научных интересах ученого: К.С. Грей занимается исследованиями ядерных, морских и космических стратегий, контроля над вооружением.

Как исследователь *soft power* К.С. Грей убежден, что, несмотря на то, что концепт «мягкой силы» превосходно выглядит в теории, на практике он гораздо менее ценен. Данный концепт может ввести в заблуждение политиков и великих стратегов. Так, американская «мягкая сила» – не просто инструмент, а элемент веры, благодаря которому политическим деятелям трудно трезво оценивать ситуацию. Взгляды К.С. Грея представлены следующими тезисами:

1. «Жесткую военную силу» сегодня действительно сложнее применять, чем в прошлом, из-за сравнительно недавно выросшего уважения к универсальным гуманитарным ценностям. Трудность обоснования необходимости использования военных методов увеличилась, но это вовсе не означает, что «жесткая сила» стала анахронизмом. Существуют конфликты, которые не могут быть разрешены дипломатическими или другими невоенными средствами.

2. Сегодняшние политические и иные контексты в будущем могут коренным образом измениться. История не обязательно линейна. Нельзя однозначно утверждать, что военные методы не будут играть значимой роли в будущем.

3. С одной стороны, очень важно, чтобы военные силы применялись в соответствии с разумной интерпретацией принципов «справедливой войны», но с другой, интерпретации данных принципов не должны уничтожать способность государства действовать, когда это действительно необходимо.

4. Недостаток «мягкой силы» как инструмента политики, состоит в том, что ею очень сложно овладеть и контролировать, в отличие от военной силы, которая строго подчиняется центральной власти (американская «мягкая сила» характеризуется независимостью от амбиций политических деятелей). «Мягкая сила» – опасный концепт, т.к. он выглядит гораздо более удобным, чем является на самом деле.

5. При применении мягких стратегий, скорее всего, придется настраиваться на

долгосрочный результат, поэтому их проблематично использовать, когда перед государством стоит необходимость немедленных действий.

б. Локальный контекст (культура, ценности, привычки) накладывает отпечаток на то, как могут быть восприняты те или иные проекты soft power. Нельзя с абсолютной вероятностью предсказать, будут ли стратегии эффективны в том или ином регионе мира.

И К.С. Грей, и Д.М. Галларотти считают, что soft power и hard power не заменяют и не дополняют друг друга. Авторы сходятся в том, что времена действительно изменились: применение «жесткой силы» стало более дорогостоящим и требует серьезных оправданий. Д.М. Галларотти в целом положительно оценивает «мягкую силу», советует политикам чаще принимать ее во внимание, а чрезмерную приверженность к стратегиям hard power объясняет удобством их применения, нежеланием серьезных когнитивных затрат, сложностью овладения новыми «мягкими» инструментами. К.С. Грей, напротив, указывает на серьезные недостатки «мягкой силы». К.С. Грей убежден, что государства, имеющие положительный миролюбивый имидж, должны иметь возможность иногда прибегать к военным инструментам насилия. Не стоит попадать в ловушку добродетели, когда использование «жесткой силы» продиктовано конкретным политическим контекстом.

Представленные точки зрения ученых наглядно демонстрируют повышенный интерес политических и академических кругов к концепту soft power, к его аналитическому и практическому потенциалу. Оба исследователя критически относятся к идеализации данного концепта, указывают на его неоднозначность. Вместе с тем, по нашему мнению, идеи Д.М. Галларотти больше отвечают вызовам нашего времени: в современную эпоху прямое использование «жестких стратегий» для решения задач, отличных от оборонительных, наверняка повлекут за собой осуждение. Существуют ситуации, в которых невозможно обойтись без привлечения «мягкой силы». Так, практика показывает, что демократические ценности, насаждаемые методом принуждения, если не отвергаются, то ведут к созданию исключительно формальных институтов власти. Конечно, не следует абсолютизировать значимость «мягкой силы» в международных отношениях, поскольку степень влияния государства по-прежнему определяется его совокупной мощностью,

представляющей соединение ресурсов hard power с ресурсами soft power.

Понимание важности комплексного применения «мягкой» и «жесткой силы» для усиления влияния государства в мировом пространстве послужило толчком для разработки нового концепта — концепта smart power, то есть «умной власти».

Одним из авторов концепта «умной власти» является всем хорошо известный по разработке теории soft power Дж. Най. В своем эссе под названием «Умная сила» Най определяет smart power как способность превращать ресурсы «мягкой» и «жесткой силы» в стратегию, ведущую к желаемым результатам в форме предпочитаемого поведения других людей и государств. В качестве политической стратегии «умная сила» дает ответы на пять вопросов. Во-первых, какие цели или результаты являются желаемыми? Во-вторых, какие ресурсы имеются в наличии, и как их наличие может измениться в зависимости от ситуации? Третий вопрос касается положения и предпочтений тех целевых объектов, на которые будет предпринята попытка повлиять. Четвертый вопрос: каковы шансы на успех в том случае, если вы прибегнете к «жесткой», или «мягкой силе», или будете использовать определенную их комбинацию? И, наконец, пятый вопрос: какова вероятность успеха и какими могут быть его последствия? «Здесь нужна осмотрительность, которую реалисты справедливо ставят на первое место в стратегии «умной силы» [5].

Если кратко сформулировать суть стратегии smart power, то она состоит в разумном и предусмотрительном комбинировании и попеременном применении ресурсов «мягкой» и «жесткой силы» с учетом различных обстоятельств.

В своем эссе Най приводит целый ряд исторических и современных примеров успешной стратегической комбинаторики «жесткой» и «мягкой силы», смены их использования как проявлений smart power. Один из таких примеров — умная стратегия Бисмарка. В XIX веке Бисмарк использовал агрессивную военную стратегию, чтобы победить Данию, Австрию и Францию в трех войнах, которые в итоге привели к созданию объединенной Германии. Однако как только Бисмарк добился своей цели, он направил усилия немецкой дипломатии на создание союза с соседними странами для мирного урегулирования конфликтов [5].

В настоящее время концепт «умной власти» положен в основу внешнеполити-

ческого курса нынешнего президента США Б. Обамы. Понятие *smart power* активно используется в политическом дискурсе его администрации. В официальных американских кругах часто цитируют слова бывшего госсекретаря США Х. Клинтон: «Мы должны использовать то, что получило название “*smart power*”: полный набор инструментов, имеющихся в нашем распоряжении – дипломатических, экономических, политических, правовых и культурных – выбирая правильное средство или их комбинацию для каждой конкретной ситуации» [9].

В последнее время проблемы «умной власти» широко обсуждаются на страницах научных изданий [11], на конференциях и семинарах, проходящих, главным образом, в США. В целях планомерной реализации американской стратегии *smart power* в 2012 г. в бюджете США были увеличены расходы одновременно на *hard power* (военный бюджет) и на *soft power* (расходы на содержание Госдепа, на инициативу в области невоенной стабилизации – *Civilian Stabilization Initiative*).

Государственная стратегия «умной власти» сегодня берется на вооружение рядом стран Европы, Азии, а также Россией. В настоящее время концепция «умной власти» положена в основу развития российской культурной дипломатии и реализации про-

грамм международного обмена образовательными услугами.

В целом, концепт «умной власти» следует рассматривать, с одной стороны, как новый этап в развитии идей «жесткой» и «мягкой силы», а с другой – как теоретическую основу внешнеполитической стратегии государства.

В стратегическом плане *smart power* представляет собой искусство политического субъекта грамотно комбинировать элементы «жесткой» и «мягкой силы» в целях усиления собственного влияния в коммуникативном пространстве.

Методологическим ядром концепта умной власти, на наш взгляд, выступают следующие принципы: 1) принцип диалектического соединения и комбинирования ресурсов *hard power* и *soft power* (метод «злого и доброго полицейского»); 2) принцип гибкого контекстуализма, требующий в зависимости от исторического, политического и ситуативного контекстов менять акценты либо в сторону усиления жесткости, либо мягкости; 3) принцип баланса сил, требующий отказа от крайностей в применении инструментов *soft power* и *hard power*; 4) принцип синергии, предлагающий использовать элементы жесткого и мягкого влияния таким образом, чтобы в своей стратегической комбинации они могли взаимно усиливать эффективность друг друга.

1. Капицын, В.М. Космополитизм – компоненты «мягкой силы» и глобального управления [Текст] / В.М. Капицын // Обозреватель. 2009. № 10. С. 70–79.

2. Касирин, Г.Б. «Для России приоритет пространства СНГ очевиден...» [Текст] / Г.Б. Касирин // Свободная мысль. 2010. №12. С. 65–76.

3. Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом РФ В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. [Электронный ресурс] // МИД России. Официальный сайт. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 07.05.2013).

4. Лебедева, М.М. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России [Текст] / М.М. Лебедева, Ж. Фор // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 6 (9). С. 200–205.

5. Най, Дж. С.-мл. Умная сила: эссе [Текст] / Дж.С.-мл. Най // Политическая наука, 2012. № 4. С. 179–182.

6. Пономарева, Е.Г. Железная хватка «мягкой силы» [Электронный ресурс] / Е. Пономарева // URL: www.Rustfact.ru/node/6256 (дата обращения: 13.03.2013).

7. Русакова, О.Ф. Концепт «мягкой силы» в современной политической философии [Текст] / О.Ф. Русакова // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. Выпуск 10. С. 173–192.

8. Столетов, О.В. Тренды трансформации властных отношений в мировой политике: *smart power*? [Текст] / О.В. Столетов // Полис. 2009. №4. С. 173–178.

9. Clinton, H.R. Nomination Hearings to be Secretary of State [Электронный ресурс] / H.R. Clinton // URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2009a/01/115196.htm> (дата обращения: 01.02.2013).

10. Colin, S. Gray Hard power and soft power: the utility of military force as an instrument of policy in the 21st century [Электронный ресурс] / G. Colin // Strategic studies institute Monograph. URL: <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdf/files/PUB1059.pdf> (дата обращения: 02.02.2013).

11. Ernest, J. Hard Power, Soft Power, Smart Power [Электронный ресурс] / J. Ernest, Wilson // The Annals of the American Academy of Political and Social Science: Sage, 2008. Feb 13. URL: <http://ann.sagepub.com/content/616/1/110> (дата обращения: 13.02.2013).

12. Gallarotti, G.M. Soft Power: What is it, why it is important, and the conditions under which it can be effectively used [Электронный ресурс] / G.M. Gallarotti // Wesleyan University, WesScholar. URL: <http://wescholar.wesleyan.edu/div2facpubs/57/> (дата обращения: 15.03.2013).

13. Nye, J.S. Soft power [Text] / J.S. Nye // Foreign Policy. 1990. № 80. P. 153–171.

14. Nye, J.S. Soft power: the means to success in world politics [Text] / J.S. Nye // New York: Public Affairs. 2004. 191 p.

ИНЕРЦИЯ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ*

Посвящается 25-летию Института философии и права Уральского отделения РАН

УДК 316.4.06

М.С. ИЛЬЧЕНКО

Рассмотрение инерционности как одной из ключевых характеристик развития российской политической системы уже давно стало привычным для отечественных исследователей. К этому фактору в своих объяснительных схемах апеллируют представители различных подходов и методологических традиций. Вместе с тем, на фоне выявления эффектов «замедленного» и «тормозящего» развития при анализе разнообразных явлений российской политики трактовка понятия инерционности нередко становится предельно размытой. В него вкладываются смыслы и значения, указывающие на процессы, качественно различные по своему характеру. Причём в каждом случае фактор инерционности встраивается в особую логику объяснения развития политической системы, подчёркивая значимость различных механизмов её воспроизводства. Рассмотрение этих логических схем позволяет выявить утвердившиеся в исследовательской практике способы интерпретации инерционных явлений в российской политике, оценить их преимущества и недостатки, а также адекватность использования в современной ситуации.

Концепции зависимости от исторического пути: почему прошлое имеет значение

Изучение инерционных явлений в политической жизни сопряжено с очевидными методологическими трудностями. Проблему представляет не только поиск инструментов выявления и фиксации инерционных эффектов, но и определение изначальных критериев при анализе самого явления инерции: в каких временных границах рассматривать инерционные процессы, в какой форме анализировать соответствующую последовательность со-

бытий и что, в конечном итоге, считать самой единицей анализа. Основной методологический ракурс рассмотрения инерции в социально-политических науках был сформирован теорией path dependence (зависимости от исторического пути развития). Заимствованная из экономической науки, эта теория попыталась адаптировать в политических исследованиях свой ключевой принцип – «история имеет значение» [6, с. 120]. Однако утверждение о том, что «отдельные события прошлого в состоянии вызывать значимые эффекты в будущем» [11, с. 457] давало поле для широкого круга интерпретаций. Подобные рамки позволяли усматривать «значимость истории» в совершенно различных исторических процессах как с точки зрения их масштабов, так и логики развития. В результате под определение «зависимости от предшествующего пути» попали процессы, принципиально отличные по самой своей природе. Так, в одних случаях речь шла о траектории развития, которая задаётся устойчивым воспроизводством определённого институционального образца (результата), т.е. процессах, основанных на положительной обратной связи [12]. А в других – о цепи исторических событий, каждое из которых выступает реакцией на другое, образуя событийную последовательность, скрепляемую «внутренней логикой» развития [9, с. 445].

В строгом смысле слова, об инерции можно говорить лишь в отношении процессов первого типа, когда сама траектория развития определяется действием устойчивых механизмов воспроизводства, обнаруживающих зависимость прошлого в повторяющемся и «длящемся» присутствии его эффектов. Но для многих исследователей инерция оказалась различима и в более широком историческом контексте. Её эффекты стали видеть в самом форми-

*Материал подготовлен при финансовой поддержке гранта Президента РФ (МК-7073.2013.6).

ровании цепочки исторических событий и действию механизмов встречной реакции при «столкновении» этих событий друг с другом [10, с. 511].

Несмотря на все различия в трактовках «зависимости от исторического пути», вхождение этой концепции в исследовательское поле политической науки обозначило, по крайней мере, два обязательных условия для изучения инерционных явлений. Во-первых, рассмотрение инерции оказалось неразрывно связано с анализом фактора истории, который предполагал выявление в ходе исследования тех устойчивых эффектов, которые предшествующие события в состоянии производить на текущее состояние процесса. Во-вторых, и это особенно значимо, инерция стала рассматриваться в качестве «природного» свойства институтов. Именно институты позволили увидеть связь между прошлым и настоящим, дающую возможность говорить о «траектории» и «историческом пути». Тем самым стал очевиден основной объект анализа при изучении инерционных явлений, а заодно и ключевой посыл нового направления исследований: прошлое не просто влияет на существующее положение вещей, но и неизменно присутствует в настоящем.

Инерционные эффекты и «русская колея»

Объяснение особенностей развития российской политической системы опытом недавнего исторического прошлого стало общеупотребительным, начиная с формирования новых государственных институтов в начале 1990-х годов. Неожиданно возникающие эффекты в функционировании новых механизмов управления, не согласующиеся с логикой демократических преобразований, списывались на счёт специфики политической традиции. Утверждение в исследовательской практике концепций зависимости от исторического пути придало этим рассуждениям более строгий упорядоченный вид. Специфика национально-исторического опыта оказалась помещена в методологические рамки особой «траектории развития», эффект которой вынуждены неизбежно воспроизводить государственные институты под давлением практически не изменяющихся социальных структур. Для различных подходов такая постановка проблемы объясняла различные явления: «особость» российского случая трансформации, трудности в реализации социально-экономических

реформ, общую неготовность населения к восприятию новых демократических ценностей. Принцип «история имеет значение» получал в этом контексте почти буквальную трактовку. В роли «эффектов прошлого» выступал сам ход исторического процесса, а инерционность политической системы определялась неизбежным следованием общей колеи развития [7]. Получив распространение среди исследователей различных направлений, такой взгляд на инерционность развития политических институтов в России особенно прочно утвердился в объяснительных схемах сторонников социокультурных концепций с их традиционными акцентами на «исторических циклах» [1] и социетальных структурах [4].

Основная особенность сложившегося в этих методологических рамках подхода к инерции – её рассмотрение в качестве естественной, исходно присущей политической системе черты. Инерция оказывается заложенной в саму культурную матрицу общества, являясь частью сформировавшегося за столетия комплекса ценностей и привычек. В этом смысле она выступает трудно измеримым феноменом. Ведь инерционные эффекты проявляют себя не в форме механизмов воспроизводства, а приобретают характер «врождённого свойства» самой системы. При этом под институтами в данном случае понимаются скорее макроисторические структуры, нежели конкретные модели взаимодействия. В условиях, когда «общество движется по глубокой и вязкой колее, из которой неимоверно трудно выбраться» [3, с. 94], режимы функционирования системных механизмов отходят на второй план. Взгляд исследователя оказывается направленным, прежде всего, на рассмотрение общих факторов формирования этой колеи и лишь во вторую очередь – на поиск причин сохранения её устойчивости в меняющихся исторических обстоятельствах.

Недостатки подобного взгляда вполне очевидны. Прошлое в его фокусе предстаёт тяжёлым наследием, устойчивой доминантой, довлеющей над развитием политической системы. Зависимость от предшествующего пути становится зависимостью от самого хода исторического процесса во всём масштабе его проявлений. Как следствие, это ведёт либо к предельной обобщённости выводов, либо к их описательности. Так, например, объясняя инертность российских политических институтов устойчивостью принципов патернализма, исследователи, работающие

в рамках обозначенной традиции, обычно связывают эти принципы с ментальными структурами и свойствами политической культуры. При этом в стороне остаются как раз те области, анализ которых в состоянии объяснить институциональную природу патерналистских форм власти: утверждение практик государственного управления, воспроизводство институтов бюрократической организации, изменение моделей межэлитных взаимодействий и пр.

Стоит заметить, что попытка увязать инерционные явления с понятиями менталитета, политической культуры и исторической колеи изначально делает оценку роли инерции в воспроизводстве политического порядка современной России достаточно односторонней. Сдерживающая, тормозящая роль инерционных механизмов в становлении новых политических институтов не вызывает сомнений. Однако, во-первых, это не отменяет необходимости анализировать такие механизмы в их изменении, выявляя особенности режимов их функционирования в различных институциональных условиях. А, во-вторых, фактор «торможения» не исключает способности инерционных механизмов производить определённый стабилизирующий эффект на систему политических институтов. И та и другая характеристика являются принципиально важными при анализе трансформации российского политического порядка, однако они попадают в фокус внимания других подходов.

Инерция и рациональный выбор в российской политике: границы возможностей

Отличительной особенностью анализа инерции в рамках теории рационального выбора и сопряжённых с ней «экономических» подходов стало её рассмотрение в качестве фактора взаимодействия политических субъектов. Вместо свойства, присущего абстрактному, довлеющему над политической системой «прошлому», инерция предстала в виде исходного ограничения, накладываемого на политических акторов и возможности их политического выбора. Это вполне соответствовало духу концепций, рассматривающих взаимодействия рациональных субъектов: инерционные явления воспринимались в качестве сдерживающего фактора в становлении новой институциональной системы, но, в сравнении с социокультурными подходами, оказывались более осязаемыми и опре-

делёнными. Прошлые с накопленным им «наследием» становилось наблюдаемым «здесь и сейчас», приобретая вполне функциональный смысл. Воздействия прошлого рассматривались как основная преграда в формировании системы новых эффективных институтов. Как следствие, ключевым условием нормального функционирования политической системы виделось «преодоление устойчивой инертной институциональной среды» [5, с. 6].

Такой взгляд не позволял увидеть особенности закрепления инерционных механизмов и формы их существования, но при этом давал возможность оценить их эффекты и воздействие на функционирование новых институтов. Для исследователя оказывалось неважно, какой именно тип клиентелистских и персоналистских отношений препятствует установлению универсальных правил игры во взаимодействии элитных групп, и какие изменения он успел претерпеть. Главное, что теперь перед ним открывалась полная картина относительно «стартовых возможностей» конкретного политического актора, которая давала представление о том, чем ограничен его выбор, какой набор ресурсов и средств находится в его распоряжении, и что именно затрудняет использование той или иной стратегии.

Принципиально важно, что несмотря на всю мощь сдерживающего фактора инерционность институтов в таком контексте перестала восприниматься в качестве непреодолимой силы. Даже если субъекты по-прежнему оказывались не в состоянии изменить институциональные условия их существования, они уже не рассматривались в качестве тех, кто обречённо следует заданной колее развития. Кроме того, и сама колея стала оцениваться не столь однозначно. Сохраняя за собой свойство предопределять общее направление развития системы, она всё чаще стала рассматриваться как траектория, следование которой может быть объяснено не только исторической обусловленностью, но и вопросом выгоды в конкретной ситуации. За подчинением устойчивой логике развития появилась возможность угадывать стратегии конкретных политических субъектов. В инерционном воспроизводстве институциональной среды, таким образом, могло прочитываться не только действие «эффектов прошлого», но и «заинтересованность в сохранении стабильной последовательности неэффективных институтов» [5, с. 14]. Сохранение такого состояния, помимо прочего, могло быть объяснено и излишне высокими из-

держками в случае отступления от заданной траектории развития [13, с. 252].

Ситуация, когда следование «неэффективным» институтам оказывается предпочтительнее использования новых формальных правил игры, обнаруживает себя в анализе стратегий российской политической элиты как периода 1990-х годов, так и в настоящий момент. Очевидно, что использование многочисленных «договорных» практик «советского наследия» в качестве регуляторов взаимодействия существенно помогло политическим элитам сначала адаптироваться в условиях неопределённости, а затем вполне удачно скорректировать «под себя» новый институциональный дизайн.

Несмотря на придание фактору инерционного развития строгого функционального значения, «экономические» подходы отводят рассмотрению инерции далеко не главную роль. Инерционные эффекты оказываются значимы лишь в той мере, в какой определяют стратегию конкретного политического субъекта в конкретной ситуации. Они могут быть выявлены и подробно проанализированы, но в общем контексте институционального развития останутся лишь «ограничительными рамками» во взаимодействии акторов. Вместе с тем, именно благодаря теории рационального выбора инерция стала восприниматься не только как «тяжёлое наследие» прошлого, но и как комплекс устойчивых механизмов, которые способны производить на развитие политической системы различные эффекты. Для изучения режима воспроизводства современного российского политического порядка это представляется особенно важным.

Институциональная инерция и контуры российского политического порядка

Большинство подходов, так или иначе рассматривающих роль инерции в российской политике, как правило, упускают из внимания тот факт, что за последние два десятилетия в развитии политической системы успели сформироваться новые эффекты «торможения», которые уже невозможно объяснить одним лишь влиянием «советского прошлого». Эти эффекты стали результатом сложного процесса вживания, адаптации и постепенной модификации устойчивых практик «наследия» в новой реальности. «Прошлой», представлявшееся статичным и неизменным, оказалось способным принимать новые формы, ос-

ваиваясь в «незнакомой» институциональной среде.

Рассматривая очертания политического порядка, сложившегося сегодня в России, трудно удержаться от параллели с контурами той политической системы, которая характеризовала поздний этап развития советского государства. При анализе основных институциональных механизмов функционирования современной государственной машины отсылка к соответствующему историческому опыту напрашивается сама собой. Формы воспроизводства бюрократии, практики административного управления и клиентелизма, институты внутриэлитных взаимодействий заставляют искать истоки своей устойчивости в недавнем политическом прошлом страны и его институциональном «наследии». При этом вполне очевидно, что само это «наследие» за последнее время существенно преобразилось, пройдя через трансформации «переходного периода» и частые изменения в структурах государственного управления. В этом смысле сегодня мы имеем дело с другими институтами, практиками и моделями поведения, которые не теряют преемственной связи с прошлым, но при этом функционируют в новом режиме.

Роль инерции в таких условиях трудно свести к фактору простого ограничителя. Сохраняя своё сдерживающее воздействие, она одновременно приобретает свойство механизма, способного производить новые эффекты и обеспечивать устойчивость институционального порядка.

Наиболее полно эта идея раскрывается в рамках традиции исторического институционализма. В его логике влияние «наследия прошлого» на политический процесс значимо с точки зрения длительности присутствия в нём. Задачей исследователя становится обнаружение следов и формы такого присутствия. Поскольку влияние «наследия» воплощается в устойчивом воспроизводстве институтов, то именно институциональные связи становятся тем фактором, который обеспечивает преемственность эпох и их внутреннюю целостность.

Проявляя себя в длительности существования институциональных форм, инерция тем самым естественным образом выполняет структурирующую и упорядочивающую роль. Эта функция инерционных механизмов позволяет объяснить многие явления, возникающие в «переходных состояниях» трансформирующихся обществ. Так, в частности, не столь однозначной становится оценка «советского наследия» как тормозящего фактора в ста-

новлении и развитии новой российской политической системы. Если в условиях общей неопределённости, неясности заявленных стратегий развития и слабости формальных институтов система продолжает функционировать, сохраняя свою целостность, то причины этому стоит искать как раз в предшествующем опыте развития и устойчивости выработанных им регуляторов.

Но даже если акцентировать внимание исключительно на присущих инерционным механизмам эффектах «торможения», то в случае современной российской ситуации характер возникновения таких эффектов потребует дополнительного объяснения. Ведь появление новых форм «институциональных ловушек и блокировок» [8] в сегодняшних условиях довольно трудно интерпретировать через простое воспроизводство «устойчивых культурных матриц». На фоне общей смены институционального дизайна и многочисленных корректировок правил игры, произошедших за два последних десятилетия, отложенные эффекты «прошлого» настолько гармонично вписались в современный политический ландшафт, что оказались в нём едва различимы.

Стоит заметить, что анализ инерции в таком контексте в состоянии изменить саму оптику рассмотрения развития российской политической системы. Институциональная преемственность с советским прошлым кажется здесь настолько неразрывной, что заставляет задаться вопросом о том, где

заканчиваются границы «старого» и складываются очертания «нового». В этой связи вполне закономерным выглядит вывод, согласно которому два последних десятилетия мы наблюдаем не столько формирование новой политической системы, сколько постепенный распад прежней, имея дело с «болезненным и противоречивым процессом разложения тоталитарного режима» [2].

Безусловно, рассмотрение политического развития в ракурсе исторического институционализма имеет очевидные недостатки. Этот подход оказывается уязвим при объяснении институциональных изменений и порой не в состоянии разглядеть за длительностью исторических этапов и влиянием инерции предпосылки будущих системных сдвигов. Однако при анализе инерционных процессов в современной России его использование представляется наиболее оправданным. Как показывает опыт последнего десятилетия, институциональное влияние прошлого в российской политике не только не ослабевает, но, наоборот, ощущается всё сильнее, производя совершенно неожиданные воздействия. Представляется, что сегодня анализ воспроизводства инерционных механизмов в российской политической системе может не только предложить более полную картину её функционирования, но и дать ответ на вопрос о том, стоит ли в ближайшем будущем ждать новых форм влияния неэффективных институтов на ход её развития.

1. Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) [Текст] / А.С. Ахиезер. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.
2. Гудков, Л. Проблема абортивной модернизации и мораль [Электронный ресурс] / Л. Гудков. URL: <http://polit.ru/article/2008/11/21/gudkov/> (дата обращения: 10.04.2013).
3. Красин, Ю.А. Феномен уличных протестов и колея российского выбора [Текст] / Ю.А. Красин // Мониторинг общественного мнения. 2012. Май-июнь. № 3. С. 92–99.
4. Лапин, Н.И. Социокультурная трансформация России: либерализация vs традиционализация [Текст] / Н.И. Лапин // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том III. № 3. С. 32–39.
5. Либман, А.М. «Вторая трансформация» в постсоветских странах [Текст] / А.М. Либман // Общественные науки и современность. 2007. № 3. С. 5–17.
6. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики [Текст] / Д. Норт. М.: Фонд эконом. книги «Начала», 1997.
7. Олейник, А.Н. Преемственность и изменчивость превалирующей модели власти: «Эффект колеи» в российской истории [Текст] / А.Н. Олейник // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 52–66.
8. Патрушев, С.В. Кликократический порядок как институциональная ловушка российской модернизации [Текст] / С.В. Патрушев // Полис. 2011. № 6. С. 120–133.
9. Abbott, A. From Causes to Events: Notes on Narrative Positivism [Text] / A. Abbott // Sociological Methods and Research. 1992. Vol. 20, May, № 4. P. 428–455.
10. Mahoney, J. Path Dependence in Historical Sociology [Text] / J. Mahoney // Theory and Society. 2000. Vol. 29, May, № 4. P. 507–548.
11. Mahoney, J. Historical Context and Path Dependence [Text] / J. Mahoney, D. Schensul // The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis / R.E. Goodin, C. Tilly (ed.). Oxford, 2008. P. 454–471.
12. Orren, K. Belated Feudalism: Labor, the Law, and Liberal Development in the United States [Text] / K. Orren. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
13. Pierson, P. Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics [Text] / P. Pierson // The American Political Science Review. 2000. Vol. 94, June, № 2. P. 251–267.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ В «ЦИФРОВОМ ФОРМАТЕ»

*(сравнительный анализ интеллектуальных концепций и трендов социально-политических наук в связи с попытками осмысления модернизационных тенденций)**

*Посвящается 25-летию Института философии и права
Уральского отделения РАН*

УДК 1 (091)+16+17

В.О. ЛОБОВИКОВ

1. Историко-философское введение

В начале второй половины XX века английский философ Морис Корнфорт предпринял впечатляющий по систематичности и классово-политической определенности сравнительный анализ двух очень влиятельных философско-политических трендов. Его интересовало всестороннее сопоставление марксизма и лингвистической (аналитической) философии [2–5]. Будучи марксистом, Корнфорт «дал классово-политическую оценку тлетворному влиянию аналитической философии на ум, честь и совесть той эпохи». Настоящая статья представляет собой учитывающее современную ситуацию продолжение сравнительного исследования тех двух философско-политических трендов, взаимоотношение которых было предметом анализа в трудах Корнфорта.

Сейчас – в начале второй декады XXI века – ситуация существенно отличается от той, в которой создавал свои концептуально-полемиические сочинения Корнфорт. Отличие состоит не только в снижении философско-политического авторитета марксизма (и как теоретической доктрины и как практической деятельности). Отличие состоит еще и в том, что за это время лингвистическая философия претерпела качественное изменение: в ней произошли многочисленные инновации: *аналитическая философия* (в XX веке ставшая доминирующей в англоязычной литературе) разделилась на традиционную, т.е. логико-лингвистическую философию в узком смысле слова, и аналитическую в широком

смысле. В силу известных научно-технических причин в некогда единой аналитической философии (логико-лингвистического анализа) произошел раскол, известный в наши дни как “digital divide” («цифровой раскол»).

Наряду с традиционным философско-лингвистическим анализом в наши дни существует и неуклонно развивается его «цифровой» аналог – качественно новый тренд в развитии лингвистической философии, ориентирующий на систематическое использование искусственных языков и методов дискретной математики, а также на возможность и целесообразность применения современной компьютерной техники. Информационные технологии наших дней и перспективы их развития в будущем предъявляют принципиально новые требования к гуманитарному знанию XXI века. Вызов, брошенный ему бурным развитием робототехники, особенно тенденцией к построению, непрерывному совершенствованию и повсеместному использованию относительно автономных «очувствленных роботов с искусственным интеллектом» должен быть адекватно осмыслен. Этого требует инстинкт самосохранения человечества. Необходимо обеспечить совместимость упомянутых традиций и новаций как на уровне практической деятельности, так и на уровне интеллекта. Если на уровне любой деятельности (в частности, интеллектуальной) должна быть «предустановленная гармония» между интеллектуальными роботами и людьми, то *в значительной мере автономные ИИ-роботы должны иметь «метафизиче-*

*Статья подготовлена при поддержке научного проекта 12-П-6-1007 «Общественные науки и модернизационные вызовы XXI века».

ский блок (философскую подсистему)» искусственного интеллекта. В таком случае *метафизику как систему можно и нужно «оцифровать»*. Но как «оцифровывать» конкретные философские концепции? В самом общем виде ответы на эти вопросы даны в монографии [8] и продемонстрированы в ней на конкретном примере «оцифровки» философии Ф. Ницше. (Также построению и систематическому исследованию дискретных математических моделей философских и социально-политических систем посвящены публикации [6; 7; 10]). В настоящей статье «оцифровке» подвергается *формально-аксиологический аспект «исторического материализма»* как материалистической философии истории, не полностью отождествляемой с марксистской доктриной исторического материализма, а трактуемой в более широком (обобщенном) *ценностно-функциональном* смысле, включающем в себя, например, концепции Ф. Бэкона, Ф. Ницше и Р. Штаммлера.

2. «Исторический материализм» с точки зрения двузначной алгебры естественного права: «история» и «материя» как морально-правовые ценностные функции; единство истории и материи как их формально-аксиологическая эквивалентность

Карл Маркс и Фридрих Энгельс относились к естественному праву отрицательно, полагая, что оно логически противоречит историческому материализму. В отличие от них Рудольф Штаммлер относился к естественному праву положительно. Более того, он связывал естественное право с историческим материализмом, считая, что формально-логического противоречия между ними нет, так как *естественное право является формальным: оно относится к неизменной форме деятельности, а исторический материализм относится к ее изменяющемуся содержанию* [14; 15].

Вполне обоснованно полагая, что *естественное право оперирует с неизменными морально-правовыми формами деятельности, отвлекаясь от ее изменчивого конкретного содержания*, Р. Штаммлер, к сожалению, не развил эту идею дальше. Он не построил математическую модель естественного права (его алгебру), так как был ограничен рамками естественного языка. В настоящей работе указанное ог-

раничение снимается: искусственный язык двузначной алгебры естественного права систематически используется для построения дискретной математической модели «исторического материализма». Очевидно, что в той формально-аксиологической интерпретации, которая предлагается и развивается в данной работе, это уже не тот исторический материализм, который предлагался и развивался в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, Г.В. Плеханова, В. И. Ленина, использовавших «истмат» как средство достижения своих вполне определенных политических целей. Тем не менее, центральное *положение о тождестве (равноценности) истории и материи* (в некотором фундаментальном отношении) объединяет все упомянутые выше концепции исторического материализма друг с другом и с формально-аксиологической концепцией, обсуждаемой ниже.

Отношение к истории может быть двояким: (1) формально-логическая связь фактов; (2) формально-аксиологическая связь оценок. Исторический позитивизм сводит историю к аспекту (1). Вообще говоря, это неверно: аксиологический (ценностный) аспект истории тоже очень важен; и только при некоторых специфических условиях от него можно отвлечься вполне обоснованно. Если от аксиологического аспекта не отвлекаться, то возможны два варианта: ценности постоянны; ценности являются переменными. Если принимается двузначная система оценки (хорошо-плохо), то в первом случае для историка самоубийству подобно признание истории злом (отрицательной ценностью); он склонен настаивать на том, что история (историзм) – благо (ценность положительная). Ф. Ницше в своей скандально знаменитой работе «О пользе и вреде истории для жизни» [12] обращает внимание на то, что объективно существует и отрицательная ценность истории: в некотором отношении история есть антиценность (зло): полная история – смерть; если жизнь есть ценность положительная, то история – отрицательная. Оставаясь в рамках исключительно естественного языка (любого), выбраться из этого затруднительного положения невозможно: все мы люди ограниченные: границы нашего мира суть границы нашего языка и наоборот; границы нашего языка – границы нашего мира (Л. Витгенштейн [1]). Но ведь можно отчасти преодолеть (изменить) свою ограниченность, передвинув границы – выйдя за пределы естественных языков в сферу

языков искусственных, например, начал систематически использовать искусственные языки дискретной математики и логики. Автор данной работы стремится реализовать именно эту возможность, предлагая и развивая простейшую дискретную математическую модель (двухзначную алгебру) формальной аксиологии в качестве средства (метода) исследования истории как ценности и ценностного отношения к истории [9].

В дополнение к тем дефинициям, которые уже даны выше, определим значения следующих символов, используемых ниже в данной работе.

Глоссарий для следующей ниже таблицы 1. Символ $B'a$ обозначает морально-правовую ценностную функцию «память, воспоминание о (чем, ком) a ». B^0a – «память (чего, кого, чья) a ». $G'a$ – «полнота (чего, кого) a или полное (что, кто) a ». S^0a – «пустота (чего, кого) a ». $J'a$ – «суд (чего, кого, чей) a ». J^0a – «суд над (чем, кем) a ». F^0a – «осуждение (чего, кого) a ». $F'a$ – «осуждение (чем, кем) a ». Z^0a – «забвение или предание забвению (чего, кого) a ». $Z'a$ – «забвение или предание забвению (чем, кем, чье) a ». Ценностно-функциональный смысл упомянутых выше унарных морально-правовых операций точно определяется ниже таблицей 1.

Таблица 1

Унарные операции

a	$B'a$	B^0a	$G'a$	S^0a	$J'a$	J^0a	F^0a	$F'a$	Z^0a	$Z'a$
х	х	п	х	п	х	п	п	х	п	х
п	п	х	п	х	п	х	х	п	х	п

Глоссарий для следующей ниже таблицы 2. Символ $Я'a$ обозначает морально-правовую ценностную функцию «интерпретация (чем, кем, чья) a ». $Я^0a$ – «интерпретация (чего, кого) a ». B^0a – «вред, вредность для (чего, кого) a ». $U'a$ – «польза, полезность для (чего, кого) a ». K^1a – «(алетическое) знание (чего, кого) a ». K^0a – «(алетическое) знание (чье) a , или знание (кем) a ». $Э'a$ – «эмпирическое знание (чье) a , или (кем) a ». $Э^0a$ – «эмпирическое знание (чего, кого) a , или о (чем, ком) a ». Z^0a – «трансформация, преобразование, искажение (чего, кого) a ». $Z'a$ – «трансформация, преобразование, искажение (чем,

кем) a ». Ценностно-функциональный смысл упомянутых выше унарных операций точно определяется ниже таблицей 2.

Таблица 2

Унарные операции: продолжение

a	$Я'a$	$Я^0a$	B^0a	$U'a$	K^1a	K^0a	$Э'a$	$Э^0a$	Z^0a	$Z'a$
х	х	п	п	х	х	п	х	п	п	х
п	п	х	х	п	п	х	п	х	х	п

Глоссарий для следующей ниже таблицы 3: $W'a$ – «оружие (чье) a ». W^0a – «оружие против (чего, кого) a ». $I'a$ – «стремление к (чему, кому) a ». R^0a – «враг для a ». $T'a$ – «тайна (чего, кого, чья) a ». T^0a – «тайна от (чего, кого) a ». P^0a – «раскрытие, открытие, вскрытие (чего, кого) a ». $У^0a$ – «уничтожение, ликвидация (чего, кого) a ». $Ш'a$ – «защита, оборона (чего, кого) a ». $Ш^0a$ – «защита, оборона от (чего, кого) a ». Эти операции определяются таблицей 3.

Таблица 3

Унарные операции: продолжение

a	$W'a$	W^0a	$I'a$	R^0a	$T'a$	T^0a	P^0a	$У^0a$	$Ш'a$	$Ш^0a$
х	х	п	х	п	х	п	п	п	х	п
п	п	х	п	х	п	х	х	х	п	х

Глоссарий для следующей таблицы 4: A^0a – «атака, нападение, наступление на a ». A^1a – «атака, нападение, наступление (чего, кого) a ». $Ба$ – «бытие, жизнь (чего, кого) a ». Na – «небытие, смерть, смертность (чего, кого) a ». N^1a – «история для (чего, кого) a ». N^0a – «история, историчность (чего, кого, чья) a ». M^0a – «материя, материальность (чего, кого, чья) a ». M^1a – «материя (материал) для (чего, кого) a ». C^1a – «средство для a ». C^0a – «средство от a ». $Π^0a$ – «противоположность для a ». Эти операции определяются табл. 4.

Таблица 4

Унарные операции: продолжение

a	A^0a	A^1a	$Ба$	Na	I^0a	I^1a	M^0a	M^1a	C^1a	C^0a	$Π^0a$
х	п	х	х	п	х	п	п	х	х	п	п
п	х	п	п	х	п	х	х	п	п	х	х

ОПРЕДЕЛЕНИЕ DF-1: ценностные функции Ω и Δ называются *формально-аксиологически эквивалентными*, если и только если они (Ω и Δ) принимают одинаковые ценностные значения из множества $\{x$ (хорошо); p (плохо) $\}$ при любой возможной комбинации ценностных значений (x или p) переменных. Отношение *формально-аксиологической эквивалентности* ценностных функций Ω и Δ обозначается символом « $\Omega=+=\Delta$ ». В естественном русском языке отношение формально-аксиологического тождества ($\Omega=+=\Delta$) выражается разными средствами, например, словами «эквивалентно», «значит», «означает», «является», «есть», иногда заменяемыми тире. Поскольку эти же самые слова-ОМОНИМЫ имеют вполне определенные значения в формальной логике, не совпадающие с их формально-аксиологическими значениями, постольку на стыке формальной аксиологии и логики необходимо употреблять указанные омонимы осторожно, чтобы исключить возможность нечаянной «подмены понятий и тезисов».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ DF-2: законом алгебры формальной аксиологии является любая такая и только такая ценностная функция, которая принимает значение «хорошо» при любой возможной комбинации ценностных значений своих переменных. Иначе говоря, закон алгебры аксиологии есть ценностная функция-константа, принимающая значение «хорошо». Если Ω есть некая ценностная функция, то она есть закон метафизики, если и только если $\Omega=+=x$.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ DF-3: формально-аксиологическим противоречием в алгебре аксиологии называется ценностная функция, принимающая значение «плохо» при любой возможной комбинации ценностных значений своих переменных. Иначе говоря, формально-аксиологическое противоречие есть ценностная функция-константа, принимающая значение «плохо». Если Ω есть некая ценностная функция, то она есть формально-аксиологическое противоречие, если и только если $\Omega=+=p$.

С помощью данных выше дефиниций нетрудно получить следующие уравнения алгебры формальной аксиологии. Однако, знакомясь с помещенными после знака «двоеточие» переводами этих уравнений с символического языка алгебры аксиологии на естественный русский язык, очень важно иметь в виду *омонимию* слова «есть» (и заменяющего его тире) в естественном языке. Указанное слово в упомянутых пере-

водах обозначает не общеизвестную логическую связку, а точно определенное выше отношение формально-аксиологической эквивалентности « $=+=$ ». Хаотическое смешивание упомянутых различных значений слова-омонима «есть» – источник недоразумений и иллюзий парадоксальности.

1) $I^1a=+=B^1a$: история для (чего, кого) a есть память о (чем, ком) a .

2) $I^0a=+=B^0a$: история, историчность (чего, кого, чья) a есть память (чего, кого, чья) a .

3) $I^0a=+=M^0a$: история, историчность (чего, кого, чья) a есть материя, материальность (чего, кого) a .

4) $I^1a=+=M^1a$: история для a есть материя (материал) для a .

Последние два уравнения – дискретная математическая модель формально-аксиологических оснований философии исторического материализма, которую можно игнорировать, замалчивать, но от которой невозможно отделаться раз и навсегда. Конечно же, ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин, ни их многочисленные сторонники и противники не могли даже предположить, что исторический материализм имеет серьезные *формально-аксиологические* основания, которые могут быть адекватно представлены на уровне алгебры ценностей. Но, тем не менее, на мой взгляд, дело обстоит именно так; по крайней мере, необходимо основательно исследовать такую возможность на уровне дискретной математической модели. Более того, в данной связи интересно, что и философия истории Ницше тоже имеет серьезные *формально-аксиологические* основания, которые могут быть адекватно представлены на уровне алгебры ценностей, что сам Ницше не мог бы представить себе даже в бреду сумасшедшего. Приведенные ниже уравнения – дискретная математическая модель ницшеанской философии истории.

5) $I^0a=+=Na$: история, историчность (чего, кого, чья) a – небытие, смерть, смертность (чего, кого) a .

6) $G^1I^0a=+=Na$: полная история (чего, кого, чья) a – небытие, смерть (чего, кого) a .

7) $G^1K^1I^0a=+=Na$: полнота знания истории (чего, кого, чьей) a – небытие, смерть (чего, кого) a .

8) $I^1G^1K^1I^0a=+=I^1Na$: стремление к полноте знания истории (чего, кого, чьей) a – стремление к смерти (чего, кого, чьей) a .

9) $K^1I^0a=+=V^0Ba$: знание истории (чего, кого, чьей) a – вред для жизни (чего, кого, чьей) a .

10) $Z^0I^0a=+=U^1Ba$: забвение истории (чего, кого, чьей) a – польза для жизни (чего, кого, чьей) a .

11) $Y^0a=+=Z^0a$: интерпретация, истолкование (чего, кого) a – искажение (чего, кого) a .

12) $Ba=+=Z^0I^0a$: жизнь (чего, кого, чья) a – искажение истории (чего, кого, чьей) a .

13) $Ba=+=Y^0I^0a$: жизнь (чего, кого, чья) a – интерпретация (истолкование) истории (чего, кого, чьей) a .

14) $I^0a=+=W^0a$: история, историчность (чего, кого, чья) a – оружие против (чего, кого) a .

15) $K^1I^0a=+=W^0a$: знание истории (чего, кого, чьей) a – оружие против (чего, кого) a .

16) $K^1I^0a=+=W^1R^0a$: знание истории (чего, кого, чьей) a – оружие врага (чего, кого, чье) a .

17) $Y^0I^0a=+=W^1a$: интерпретация (истолкование) истории (чего, кого) a – оружие (чего, кого, чье) a .

18) $Y^0I^0a=+=Ba$: интерпретация истории (чего, кого) a – бытие, жизнь (чего, кого) a .

19) $I^1N^0I^0a=+=I^1Na$: стремление к небытию интерпретации истории (чего, кого) a – стремление к смерти (чего, кого, чьей) a .

20) $I^1N^0I^0a=+=W^1R^0a$: стремление к небытию интерпретации истории (чего, кого) a – оружие врага (чего, кого, чье) a .

Настоящая работа – не критика и не пропаганда марксистско-ленинских или ницшеанских взглядов на историю как таковых; она представляет собой дискретную математическую модель «рациональных зерен истины», содержащихся в *ценностном* (формально-аксиологическом) аспекте упомянутых учений.

Когда К. Поппер пишет о «нищете историцизма» [13], он *неосознанно* подразумевает под словом «история» некоторую вполне определенную ценностную функцию (*осознанного* обсуждения *таких* функций у него нет), но он не отдает отчет (ни себе, ни читателям) в том, что слово «история» – омоним. Формально-аксиологическими значениями этого слова могут быть качественно различные морально-право-

вые ценностные функции, а не только та (якобы единственно возможная), которую *подсознательно* имеет в виду К. Поппер. Судя по его текстам, Поппер не осознает, что история – *не являющаяся константой* морально-правовая ценностная функция (в собственном математическом значении слова «функция»). Когда Маркс и Энгельс начали свою классово-политическую борьбу с капиталистическим строем общества, они вполне осознанно и систематически использовали *знание истории* класса буржуазии как *оружие против* класса буржуазии [11] (см. уравнения 15–17). Глубинные философские (формально-аксиологические) основания стратегии борьбы Маркса и Энгельса с капиталистическим строем общества адекватно моделируются следующими уравнениями алгебры ценностей.

21) $Ba=+=T^1a$: жизнь (чего, кого, чья) a – тайна (чего, кого, чья) a .

22) $P^0T^1a=+=Y^0a$: раскрытие тайны (чьей) a – уничтожение (чего, кого) a .

23) $K^1I^0a=+=P^0T^1a$: знание истории (чьей) a – раскрытие тайны (чьей) a .

24) $K^1I^0a=+=C^1A^0a$: знание истории (чего, кого) a – средство нападения, наступления на (что, кого) a .

25) $K^1I^0a=+=C^1Y^0a$: знание истории (чего, кого) a – средство уничтожения (чего, кого) a .

Эти уравнения объясняют, почему материализм Маркса и Энгельса был именно историческим материализмом. *Историцизм* был *необходим* марксистам как *средство (оружие) для борьбы* с классовым врагом. Ницше, особо подчеркивая существование *отрицательного ценностного значения* слова-омонима «история», тем не менее, признавал также существование *положительного ценностного значения* этого слова-омонима. Взаимоотношение этих двух *противоположных* ценностных значений слова «история» моделируется следующими уравнениями алгебры ценностей.

26) $I^1a=+=Y^0I^0a$: история для (чего, кого) a – интерпретация (истолкование) истории (чего, кого) a .

27) $I^1a=+=P^0I^0a$: история для (чего, кого) a – противоположность для истории (чего, кого) a .

28) $I^1a=+=T^1a$: история для (чего, кого) a – тайна (чего, кого, чья) a .

29) $I^1a=+=III^1a$: история для a – защита, оборона (чего, кого, чья) a .

30) $I'a \neq Ba$: история для a – жизнь (чего, кого, чья) a .

Вывод из сказанного выше – *ценность истории есть ценностная функция* (в строго математическом смысле слова «функция»). Особенно интересны ценностные функции, не являющиеся константами; их две; и они противоположны друг другу. Следовательно, вообще говоря, *ценностное отношение к истории может и должно быть немонотонным*.

Рассмотренные выше интеллектуальные инновации означают, что *монотонная чисто содержательная* аксиология уже неадекватна специфическим задачам гуманитарной науки XXI века. Этим задачам адекватна *немонотонная формальная* аксиология, дающая возможность осуществить сравнительный анализ интеллектуальных концепций и трендов социально-политических наук на уровне дискретных математических моделей их ценностного аспекта.

1. Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. 520 с.
2. Корнфорт М. Диалектический материализм. М.: Иностранная литература, 1956. 498 с.
3. Корнфорт М. Наука против идеализма. М.: Иностранная литература, 1957. 547 с.
4. Корнфорт М. Марксизм и лингвистическая философия. М.: Прогресс, 1968. 456 с.
5. Корнфорт М. Открытая философия и открытое общество. М.: Прогресс, 1972. 531 с.
6. Лобовиков, В.О. Математическая логика естественного права и политической экономики (Математическая философия экономики и права) [Текст] / В.О. Лобовиков. Части 1, 2. Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, 2005. 660 с.
7. Лобовиков, В.О. Математическая этика, метафизика и естественное право (Алгебра метафизики как алгебра формальной аксиологии) [Текст] / В.О. Лобовиков. Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, 2007. 408 с.
8. Лобовиков, В.О. «Ниццета философии» и ее преодоление «цифровой метафизикой»: Дискретная математическая модель ницшеанской философии сознания, религии, морали, права и преступления [Текст] / В.О. Лобовиков. Екатеринбург: УрО РАН, 2009. 468 с.
9. Лобовиков, В.О. История как ценность и ценностное отношение к истории: формально-аксиологический аспект [Текст] / В.О. Лобовиков // Материалы конференции «История как ценность и ценностное отношение к истории» (XIV Всероссийские историко-педагогические чтения 25–27 марта 2010 г.). Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2010. Часть 1. С. 6–11.
10. Лобовиков, В.О. Дискретное математическое моделирование («оцифровка») формально-аксиологического аспекта метафизики (Парменид, Мелисс, Платон, Аристотель) и материалистической диалектики [Текст] / В.О. Лобовиков // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Вып. 11. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. С.114–133.
11. Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 419–459.
12. Ницше, Ф. О пользе и вреде истории для жизни. Сумерки кумиров, или как философствовать молотом. О философах. Об истине и лжи во вне-нравственном смысле [Текст] / Ф. Ницше. Минск: Харвест, 2003. 384 с.
13. Поппер К. Ниццета историцизма. М.: Прогресс, 1993. 185 с.
14. Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. СПб.: «Начало», 1907. Т.1. 347 с.
15. Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. М.: Издание И.Д. Сытина, 1908. 144 с.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛИЧНОСТИ ЭПОХИ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА: АРХАИКА ИЛИ СОВРЕМЕННОСТЬ?

Посвящается 25-летию Института философии и права Уральского отделения РАН

УДК 321.01

И.Б. ФАН

Одной из серьезных проблем настоящего времени является определение характера связи личности и государства в современной России. Многочисленные нарушения политических и иных прав гражданина ставят под вопрос реальное наполнение института гражданства в нашей стране. Действительно ли конституционно декларируемое гражданство является взаимной двусторонней правовой связью индивида и государства, где каждая из сторон выступает в качестве субъекта права? Это проблема качества правовой и политической систем в России, соотношения публичного и частного права, от которого зависит реальный объем правосубъектности каждого лица, объем его гражданских прав в качестве частного лица и публичных политических прав гражданина как члена государства.

Одним из путей решения этой проблемы является анализ исторических оснований становления правовой связи индивида и государства в России. Мы предполагаем, что исторический процесс изменения статуса личности в России – это генезис и консервация особой формы подданства в контексте становления российской государственности. С эпохи Московского царства и до сих пор, несмотря на внешнюю трансформацию подданства в гражданство, в фактических отношениях российского государства и отдельного лица действует архетип господства и подчинения. Попытаемся раскрыть качество реальной связи государства и индивида в период Московского царства, поскольку именно в это время сложилась система «Русской Власти» [2, с. 180], то есть система тех неформальных политических институтов, традиций и режима их функционирования, которые периодически «восстают из прошлого» и воспроизводятся в последующей российской истории.

В нашем анализе мы будем опираться на периодизацию формирования сословий в России, данную В.О. Ключевским. Основанием деления общества на сословия с IX до конца XII в. служило «завоевание или вооруженное давление». В удельные века (XIII–XV) основанием был «хозяйственный договор свободного лица с удельным князем». В период формирования Московского государства (XVI–XVII вв.) таким основанием служило «различие государственного тягла, разверстанного между классами общества по их хозяйственным положениям». В XVIII в. основанием стало «различие прав, распределяемых между сословиями по их политическому значению» [1, с. 251]. Эту периодизацию В.О. Ключевского можно рассмотреть как основу для выделения этапов изменения политического статуса личности.

В удельный период российской истории (XII–XIV вв.) и вплоть до правления Ивана IV существовали два основных типа отношений между личностью и властью. Первый тип составляла личная власть одного (свободного) лица над другим (холопом). Это отношения господства, где на стороне одного лица абсолютная субъектность, произвол, на стороне другого – абсолютная зависимость, отсутствие правосубъектности. Холоп находился в полной личной собственности любого свободного лица. Это своего рода частное подданство, частная власть как порабощение одного лица другим. Общественные отношения, включая властные и сословные связи, носили характер семейных, имущественных, наследственных отношений. «Верховная власть и земля делятся и дробятся по наследству как частное имущество; отношения верховной власти к подчиненным определяются либо частными обязательствами, либо личной зависимостью...» [4, с. 236]. Второй тип отношений предполагал

временное подчинение одного свободного лица другому по личному гражданскому договору. Таковы отношения между князьями как частными лицами, определяемые временным соглашением, на основе свободной воли каждой из сторон относительно взаимных обязательств. Б.Н. Чичерин характеризует гражданское общество удельного времени как «совокупность частных отношений между лицами, управляемых гражданским или частным правом» [5, с. 257]. Отношения свободных лиц друг к другу в целом были отношениями личной независимости и определялись договорами, следовательно, не носили характера государственных отношений. Именно из второго типа отношений вырастают государственные отношения, но они были оформлены по образцу первого типа.

В эпоху Московского государства XIV–XVII вв. формируются и развиваются отношения качественно иного типа – подданства в государстве. При изменении содержания отношений между лицом и властью форма их, то есть подданство, была взята государством из частного права, из отношений холопства. Поэтому подданство имело характер холопства, равной личной зависимости всего населения от государя, начиная от служебного подчинения бывших удельных князей, ставших сначала служивыми князьями, а затем и холопами великого князя (царя). Эта форма подданства постепенно была распространена и на низшие разряды населения. Политическая власть носила характер частной собственности государя, распространявшейся на всех подданных. Тождество власти и собственности можно считать наследием удельного времени, сохраненным в московский период. Великий князь стал господином, подданные – холопами. Это отношения постоянного полного подчинения. Понятие подданства носило личный, а не публичный характер, из него вытекало неограниченное право князя распоряжаться лицом и имуществом подданных. В этом заключается коренное отличие российского способа формирования государственности. Подданство государю по типу частного владения стало рассматриваться в качестве государственного. От этого варианта отношения к подданным с тех пор не смогла отказаться верховная власть ни одного из последующих периодов российской истории. Очевидно, в силу простоты данного способа обращения с подданными и соблазна тотальности такой власти.

Деление общества стало строиться на политических основаниях, ядром которых был особый характер верховной власти. Пространство и содержание власти московского

государя стало определяться государственными требованиями и политической необходимостью. Объединение Северо-восточной Руси превратило московского государя во властителя великорусской народности, блюстителя национальных интересов. Зависимость подданных от государя приобрела безусловный, постоянный политический характер. Отменялось право свободного передвижения. Самостоятельное выселение лиц за пределы государства было приравнено к политическому преступлению и национально-религиозной измене. Новый тип верховной власти соединил в себе признаки двух предшествующих типов – московский государь стал и наследственным владельцем государственной территории, и политическим правителем жившего на ней населения. Идея национального единства легла в основание действительной политической власти московского государя, он стал ее единоличным носителем. Принятие государем титула «царя и великого князя всяя Руси» означало сложение следующих значений: 1) царь (цесарь – римский император) – независимый самостоятельный государь, никому не платящий дани и не дающий ни в чем отчета; 2) самодержец (автократор) – обладатель единоличной верховной власти с территориальным и политическим значением. Однако в понятии государя московского периода сохранилось значение понятия «государь» удельного времени. Поэтому слово «государство» (или господарство – от «господарь», хозяин) означает хозяйство единоличного политического и территориального властителя; это личное господство, собственность государя.

Изменения характера верховной власти привели, во-первых, к превращению вольных контрагентов удельного князя в политических подданных московского государя, во-вторых, к исчезновению личного гражданского подданства [1, с.307]. Личное подданство холопа удельного князя превратилось в государственное подданство. По Московскому государственному праву личные крепостные холопы государя, слившись с его свободными подданными, передали им свое юридическое звание «государевых холопов». Новому политическому отношению государя и населения был присвоен привычный термин частного права. Звание государственных холопов означало превращение бояр и вольных слуг из временных вольных наемников государя в его вечнообязанных подданных. Отношения разных классов общества к государю стали строиться на основе публичного права. Связь между государем и свободным лицом трансформировалась в политическое,

принудительное, одностороннее подчинение второго первому, или в абсолютную власть государя над населением.

Политический порядок в Московском государстве был основан на государственной разверстке, то есть распределении между всеми классами обязанностей, не связанных с правами. Исполнение государственных обязанностей сопровождалось выплатой экономических пособий для их несения. Сложить с себя обязанности было невозможно даже в случае отказа от соответствующих выгод. Охрана внешней безопасности территории как основа политического объединения Московского государства оказывала решающее влияние на характер государственного права. Государство делало акцент на участии классов в сохранении этой основы, то есть на их обязанностях, а не на правах. Разверстка государственных обязанностей составляла ядро российского законодательства и публичного права в целом. Последовательное проведение этого принципа вызвало необходимость прикрепления каждого разряда людей к роду обязанностей: служилых людей — к службе, податного населения — к земле (мирской общине или частному владельцу) или промыслу (посадской общине). Фактически это означало закрепощение всех сословий (Б.Н. Чичерин). Безусловная обязательность государственных повинностей и значение экономического состояния людей лишь в качестве средства исполнения первых создало такой порядок, при котором род государственных повинностей стал определяться экономическим положением того или иного класса. Между экономическим и политическим статусом различных разрядов людей установилась неразрывная связь, почти тождество.

Все управление в Московском государстве распадалось на две сферы: военно-административную, приказную, и земскую. Приказная сфера включала дела внешней обороны, орудиями ее остались служилые люди, назначаемые по непосредственному приказу государя. Вторая сфера — дела внутренней безопасности и казенного хозяйства — рассматривалась в качестве экономического источника для содержания первой сферы. Органами управления земской службы стали выборные власти земских обществ, действующие под контролем центральных приказных учреждений. Соответственно целям и устройству государственного управления были распределены обязанности между классами общества. Это стало основанием сословного деления Московского государства. Каждый класс отличался от другого класса по двум признакам: политическому — специальным

повинностям и экономическому — имущественному состоянию. Социальная иерархия выглядела как лестница чинов, состоявшая из трех отделов: служилых людей, тяглых людей и не тяглых.

Государственные обязанности высшего слоя — служилых людей «по отечеству», состоявшие из ратной и приказной службы, были раздроблены на специальные функции. Различные сочетания породы (происхождения), земельной собственности и службы создали эту лестницу чинов: 1) чинов думных (бояр, думных дворян и пр.), 2) чинов служилых московских, 3) служилых городских чинов. Первые и вторые были приписаны к месту службы и обязаны иметь место жительства в Москве, третьи — к месту службы в городах. К XVI в. была распространена на всех служилых людей и законодательно оформлена поместная система, основанная на вознаграждении служилого человека участком казенной земли, данной ему во временное (пожизненное) владение под условием службы. Размер участка был пропорционален служебной должности. Владение землей становилось условным, зависящим от рода государственных повинностей. Чин и связанные с ним функции управления стали основой и политического отношения к верховной власти, и социально-экономического статуса служилого человека, и степени его географической удаленности от московского государя. Государственная разверстка обязанностей вторгалась в частное землевладение и перекраивала его на свой лад, мешая оседлости и наследственности частной собственности на землю, разрушая и общественные отношения, регулирующие частным правом, и само частное право.

Государственные обязанности тяглого, то есть обложенного податями населения, составляли: 1) земская казенная служба; 2) государственное податное тягло. Дробление казенной службы по функциям, то есть раскладка повинностей, осуществлялась по экономической состоятельности. Выборная казенная служба по личному доверию была источником высших чинов тяглой иерархии — чинов посадских московских, или «гостей». Сколько аналогий с сегодняшним днем вызывают эти данные. Подобно высшим служилым чинам, они были приписаны к месту службы и обязаны иметь место жительства в Москве.

Различия в способах налогообложения по роду занятий («по пашне» либо «по промыслам») постепенно привели и к экономическим различиям между городским и сельским населением. Ответственность за сбор городско-

го тягла налагалась на городские посадские общества, связанные круговой порукой, а за сбор поземельной подати — на мирские сельские общества. Интересы исправного исполнения тягла сельским и городским населением вызвали уже в XVI веке необходимость прикрепления тяглых людей к тяглу и его месту. Разверстка тягла («по пашне» либо «по промыслу») стала основанием деления городских посадских людей на статьи «лучших, середних и молодших», а уездных тяглых хлебопашцев — на крестьян и «бобылей». Низшие чины областного посадского и сельского населения различались по тяглу. Такое деление тяглого населения было «интенданством под руководством высшего московского купечества» [1, с. 353], источником извлечения материальных средств для обеспечения государства как вооруженного лагеря.

Дальнейшее дробление тяглого населения было вызвано политическим принципом обязательности и наследственности специальных государственных повинностей, составлявших основу государственного права. Этот принцип государственного права внес коренные изменения в сферу гражданских отношений, в обязательства, вытекавшие из частных гражданских сделок: личные обязательства по гражданским сделкам стали не прекращаемыми до истечения срока, на который они заключены. Тем самым исчезли остатки свободы частных лиц в гражданских обязательствах. Последние, став непрекращаемыми, фактически превратились в крепостные обязанности. Так произошло окончательное подавление частного права публичным. Следствием данного процесса стало изменение юридического состояния холопства как явления сферы гражданского права. Все более утверждалась мысль, что личная и условная служба за долг (долговое закладничество) делает слугу холопом. Состояние личной зависимости, не являющееся до XVI в. крепостным состоянием, в XVII в. постепенно превратилось в холопство в трех новых формах — кабального, докладного и жилого холопства. Отношения, основанные на временных обязательствах, исчезают и превращаются в крепостные отношения, не прекращаемые по воле зависимой стороны. В этой перемене в обязательном праве заключается скрытый источник крепостного права на крестьян. Исчезновение свободы договора среди свободных людей повлияло и на исчезновение свободы прекращения долговой зависимости уплатой налога среди полусвободных людей. Таким образом, разные виды личной зависимости крестьянина приобрели обязательный, то есть крепостной

характер. Так служилые классы были вознаграждены за вечную обязанность службы и тягла перед государством.

Изменилось и положение владельческих крестьян: начала кабального холопства привились к их поземельным отношениям и создали новый вид крепостного состояния — крепостных крестьян. Всеобщая перепись тяглых городских и сельских людей, принятая правительством в 1646 г., превратила обязательство крестьянина по договору с господином в крепость по писцовой записи. Крепостная крестьянская зависимость, первоначально личная и пожизненная, была превращена в вечную и потомственную. Государственное право, основанное на разверстке государственных повинностей, с середины XVI в. проникает в низшие классы и дробит их на следующие разряды: крепостное тяглое состояние (крепостное крестьянство) или владельческие крестьяне, государственные (черные) крестьяне, дворцовые и экономические (церковные) крестьяне. Юридический статус крепостного крестьянина был основан на его вечных обязательствах перед частным владельцем или на крепостном праве владельцев на крестьян, закрепленном государственным законодательством. Обязанности крестьянина складывались из двух частей: 1) поземельное тягло в пользу казны; 2) труд на частного владельца. Личная зависимость крестьянина от господина, сменившая казенные службы, стала главной государственной повинностью крепостного крестьянина перед государством. Произошло своего рода «двойное обложение» крестьянина, соединение в состоянии крепостного крестьянина двух прежних состояний — тяглого крестьянства, не бывшего крепостным, и крепостных, холопов, не бывших тяглыми.

В удельный период личность была лицом, особью. В московский период — личность представителя высших сословий стала единицей службы, функциональным орудием государства, потеряла «лицо», а в составе тяглого населения единицей финансового и полицейского обложения стала государственная община (посадская и сельская). До введения Петром I подушной подати отдельный тяглый человек не выступал в качестве лица в правовом отношении, не получил даже внешнего государственного признания. В эпоху Московского государства (до середины XVII в.) преобладал тип лично-государственного (частно-публичного) подданства: а) в служебных отношениях удельных князей («холопов государевых») и великого князя; б) в отношениях служилых людей и

царя. Политическая власть представляла собой частную собственность государя. Подданный государства был лично подданным царя. С середины XVII в. утвердились следующие типы подчинения, имеющие характер вечной обязанности, или вечнообязанного подданства: 1) политическое подданство как верноподданство монарху, как личная обязанность службы государю; для служилых людей это была военная или приказная служба; 2) политическое подданство как коллективная обязанность нести тягло — для «данных» (тяглых) людей: а) сельских миров (поземельные подати), б) посадских общин (городское тягло и земская служба); 3) тип подданства владельческих крестьян (крепостных) — это государственное подданство как личная зависимость крестьянина от господина, то есть обязанность частному владельцу, обязанному государству. Здесь некая форма государственного подданства, опосредованного частной зависимостью. Содержание подданства — государственное, а форма — частная.

За рамками Московского царства уже в эпоху Петербургской империи произошло окончательное становление всеобщего государственного подданства как обязанности государству и по форме, и по содержанию. В это время характерна тенденция к равенству в подданстве (общесословности как равенству в обязанностях). Отношения государственной власти, с одной стороны, и дворянства, городского населения и духовенства — с другой, можно охарактеризовать как государственное (имперское) подданство.

Обращаясь к современности, необходимо отметить, что распад СССР привел к кризису прежнюю систему формирования государственной власти и ее отношения к рядовым гражданам. Однако попытки демократизации этой системы оказываются пока лишь учреждением внешне демократических политических институтов, внутри которых функционируют архаические формы, способы, стили и практики управления. Например, на территории бывшей

советской империи образуются «вотчины режима личной власти» (Татарстан, Башкортостан, Калмыкия, Москва) [З, с.299], а режим функционирования президентской республики в постимперской России несет в себе определенные черты «вотчинного самодержавия» Московского царства. «... распад империи неизбежно приводит к кризису и прежнюю систему связей между государством и личностью, а следовательно, делает возможной ее замену на менее демократическую» [З, с. 294]. Несмотря на изменения законодательства в сфере гражданских правоотношений, принятие Гражданского кодекса РФ, институты частного права еще не вполне независимы от институтов государственного права. Это лишь один из множества параметров, составляющих социально-политическое и правовое наследие не только советского времени, но и эпохи Московского царства. Способ взаимодействия государства и личности эпохи Московского царства основан на полном подчинении личности (и гражданского общества) государству, фактически рассматриваемому бюрократией, действующей от имени государства и его главы, в качестве «частного хозяйства» или «личной вотчины». Отсюда — отношение к гражданам как «государевым холопам». Это историческое наследие и в сегодняшних условиях препятствует реальной политической и правовой модернизации России, одним из существенных признаков которой является экономическая, правовая и политическая автономия гражданина, гарантированная государством реализация его конституционного статуса. Фактическое отсутствие защиты личности государством от самого государства скрыто за формальными нормами, институтами и декларациями. Однако при любых обращениях к должностным лицам рядовые граждане сталкиваются с теми или иными препятствиями в реализации их прав и с традиционным, обыденным ущемлением достоинства личности, что заставляет их сомневаться в том, что они граждане.

1. Ключевский В.О. История сословий в России [Текст] // В.О.Ключевский. Соч. в 9 т., Т. 6. — М.: Мысль, 1989. С. 225–391.

2. Пивоваров Ю., Фурсов А. Русская система и реформы // Pro et Contra. Т. 4. N. 4. Осень 1999. С. 176–197.

3. Подвинцев, О.Б. Неравномерности постимперского развития и «качество демократии» [Текст] / О.Б. Подвинцев // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Вып.5. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. С. 294–301.

4. Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права [Текст]. — М.: К. Солдатенков и Н.Щепкин, 1858. — XII. 389 с.

5. Чичерин Б.Н. Философия права [Текст]. — М.: Типо-лит. И.Н. Кушнарев и К°, 1900. 341 с.

ПЕРЕХОД К ЭЛЕКТРОННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ И НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА: ЧЕМУ УЧИТ ОПЫТ КИТАЯ?

Посвящается 25-летию Института философии и права Уральского отделения РАН

УДК 363.637

Е.Г. ДЬЯКОВА

Переход к электронному правительству, т.е. к использованию информационных технологий в государственном управлении, является общемировым процессом. С 2001 года Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН (UN DESA) осуществляет мониторинг развития электронного правительства в 192 странах мира.

В основе мониторинга лежит т.н. «пирамида электронного правительства», отражающая основные стадии ее формирования.

Стадия 1. Возникновение «электронного правительства» - появление электронных страниц или официальных сайтов органов власти с минимальным набором официальной информации.

Стадия 2. «Повышенная» - создание архивов, появление ленты новостей, размещение образцов официальных документов.

Стадия 3. «Интерактивная» - отправка налоговых деклараций или заявлений в электронном виде

Стадия 4. «Трансакционная» - переход к оказанию государственных услуг полного цикла в режиме «24 часа в сутки 7 дней в неделю».

Стадия 5. «Сетевое государство» - взаимодействие с фронт-офисом, функционирующим на основе интегрированного бэк-офиса.

Лидеры в сфере перехода к электронному правительству, которым удалось выше всех подняться по ступеням пирамиды, постоянно меняются. Так, лидер 2003 года США в 2012 году оказались на пятом месте.

Россия в 2012 году совершила рывок с 59-й позиции в рейтинге 2010 года на 27-ю позицию. Этот успех объясняется созданием в Российской Федерации «очень солидного и репрезентативного портала государственных услуг со ссылками на все министерства и ведомства и богатым набором технических функций», который обеспечивает точку единого доступа ко всем государственным и муниципальным услугам [14, с. 39].

В целом в полном соответствии с теорией диффузии инноваций среди лидеров по уровню развития электронного правительства преобладают развитые страны. В 2012 году это были Южная Корея, Нидерланды, Великобритания, Дания и США. Как показал О. Халил, объем валового внутреннего продукта и доход на душу населения являются решающим фактором, влияющим на уровень развития электронных государственных услуг [9, с. 397].

Означает ли это, что опыт стран, где объем ВВП и доход на душу населения ниже европейского и северо-американского, не представляет интереса?

Мы исходим из того, что, хотя мониторинг UN DESA позволяет уравнивать страны с очень разными политическими и управленческими традициями, приводя все разнообразие развития к некоему набору общезначимых стадий и показателей, в его рамках не учитываются социальный и культурный контексты, в которых функционируют управленческие органы, так же, как особенности политического режима.

Между тем управленческие решения, вполне разумные в рамках одной административной традиции, могут оказаться неэффективными и даже контрпродуктивными в рамках другой. (В качестве примера глобальной административной реформы, которая привела к катастрофическим результатам, сошлемся на опыт внедрения «нового государственного менеджмента» в странах Восточной Европы - см. [3]).

К сожалению, при мониторинге электронного правительства эксперты UN DESA неявно исходят из модели, построенной на американском опыте. Эта модель основана на уже упоминавшихся принципах «нового государственного менеджмента» и предполагает перенос в сферу электронного правительства опыта электронной торговли. Этот процесс отражал специфику американской управленческой культуры, которая традици-

онно определяется как «административная слабость при нормативной силе» (центральная власть имеет ограниченные возможности напрямую воздействовать на нижестоящие властные звенья и на бизнес и управляет посредством выдвигания нормативных требований) [8]. Ориентация на американскую модель электронного правительства во многом объясняется тем, что концепция «e-government» выполняет важнейшую идеологическую функцию, выступая как институциональный миф, обеспечивающий устойчивость органов власти путем приведения их деятельности в формальное соответствие с внешними критериями рациональности [4].

В странах, где традиция предполагает административное, а не нормативное воздействие на объекты управления, формирование электронного правительства может базироваться на иных принципах. Особый интерес в этом плане представляет опыт Китая, учитывая, с одной стороны, многовековую уникальную управленческую традицию, а с другой – процесс модернизации системы государственного управления, который осуществляется последние тридцать лет. Хотя в рейтинге развития электронного правительства Китай занимает только 78 место (прежде всего из-за недостаточно высокого уровня развития человеческого капитала, т.е. доли граждан с законченным средним образованием), формирование электронного правительства является одним из приоритетных направлений административной реформы и уже принесло определенные плоды.

Вопрос о том, в какой мере модернизация государственного управления в КНР опирается на традиционные устои, а в какой их преодолевает, является остро дискуссионным. Существуют крайние точки зрения. Так, по мнению Д.С. Воропаева, модернизация управления в Китае ограничивается симулятивным дискурсом, не затрагивая основ конфуцианской по своей сути системы государственного управления. В основе этого вывода лежит лингвистический детерминизм («символический характер письменности обуславливает командное место политики в обществе и форму государства» [1, с. 20]). Поэтому модернизация Китая обуславливается вызовом «коллективной потери лица», ограничивается мерами, способствующими увеличению «совокупной мощи» государства, и совершается на собственной цивилизационной основе посредством конкретно-символического мышления, в соответствии с формулой Дэн Сяопина: «переходить реку, ощупывая камни» ([1, с.12]).

Большинство исследователей китайских управленческих реформ стоят на позициях не лингвистического, а институционального детерминизма, и полагают, что модернизация означает определенный разрыв с тра-

дицией. Это касается как отечественных, так и зарубежных китайистов. Например, Б.Н. Кузык и М.Л. Титаренко подчеркивают, что установка реформаторов на приоритет экономики означает отход от тысячелетней конфуцианской традиции пренебрежения коммерцией как низкой сферой человеческой деятельности. Они особо отмечают ту роль, которую в трансформации традиционной управленческой модели играют информационно-коммуникационные технологии: они «не только создают возможности для существенной оптимизации функционирования государственного аппарата, для создания так называемого электронного правительства, но и закладывает совершенно новую основу для формирования гражданского общества в Китае» [2, с. 50].

Если посмотреть, как оценивают административные реформы сами китайские исследователи, выяснится, что, по их мнению, «все преобразования осуществляются на путях социализма с китайской спецификой, а если заимствования из западной модели реформирования и происхо[дят], то только с учетом накопленного опыта и учета конкретной ситуации» [5, с. 47]. При этом допускается сосуществование старых и новых структур управления, чтобы не нарушать взаимосвязей внутри системы. Главной целью реформирования объявляется «служение развитию экономики, а вместе с ней – богатству и процветанию всего общества» [5, с. 49].

Анализируя переход к электронному правительству в Китае, мы увидим, что приоритеты расставляются совсем иначе, чем это делается в США и странах Евросоюза. Но сначала немного истории.

Впервые на важность информатизации (в Китае используется советский термин «информатизация», а не западный термин «компьютеризация») для модернизации государственного управления указал Дэн Сяопин еще в 1984 году. В 1992 году в КНР приступили к созданию автоматизированных систем управления (еще один советский термин) в органах власти. В 1997 году были сформулированы 24 основных направления китайской информатизации, включающие планирование, государственное доминирование, единые стандарты, единую архитектуру, связи между органами власти, объединение ресурсов и др.

В итоге целой серии административных перестроек к 1998 году было создано Министерство информационной промышленности, и с января 1999 года стал реализовываться проект «Правительство онлайн» – первый официальный проект в сфере электронного правительства в Китае. Он был направлен на создание электронных баз данных и облегчение доступа к ним представителей бизнеса и граждан.

В 2002 году был опубликован Декрет № 17 Аппарата Государственного Совета КНР, в котором были изложены руководящие принципы формирования электронного правительства. В Декрете было указано на необходимость формирования доступной для граждан базы административной информации и ускорение предоставления такой информации путем создания веб-сайтов и системы электронных сервисов. Однако более важной задачей было названо улучшение системы административного контроля и предоставления бизнес-услуг (так называемые «золотые проекты»: «Золотые налоги», «Золотая таможня», «Золотой финансовый надзор» и т.п.). Как было разъяснено в связи с принятием Декрета № 17, «посредством электронного правительства мы сможем упорядочить функции и зоны ответственности и четко распределить функции между различными подразделениями», а также улучшить взаимодействие между подразделениями, включая обмен информацией, и тем самым обеспечить граждан эффективными и честными услугами. При этом особо подчеркивалось, что переход к электронному правительству предполагает поддержание стабильности, т.е. поиск баланса между открытостью и безопасностью [цит. по 13, с. 15–16]. Размещение он-лайн информации о деятельности региональных органов власти рассматривалось как важный инструмент контроля со стороны вышестоящих органов. Кроме того, в рамках электронного правительства поощрялось создание систем обратной связи, позволяющих гражданам жаловаться на местные власти (еще один инструмент контроля).

Почему приоритетом при формировании электронного правительства оказались контрольные функции? Дело в том, что в процессе административных реформ 80-х – 90-х годов значительная часть полномочий была передана местным властям для того, чтобы способствовать экономическому росту. В результате они обрели немалую независимость. Более того, как отмечают М. Титаренко и Б. Кузык, «для центра станови[лось] все более затруднительным получение систематической и достоверной информации о положении в регионах» [2, с. 52]. Ситуация усугублялась (и продолжает усугубляться) усиливающимся разрывом между западными (приморскими) регионами, превратившимися в «мировую фабрику», и восточными (внутренними) территориями, практически не затронутыми модернизацией и глобализацией. Конечно, согласование интересов центра и регионов – это политический, а не административный процесс, однако электронное правительство с самого начала рассматривалось как новый и эффективный инструмент контроля за региональными элитами сверху.

К.Т. Лю довольно подробно описал ожидания, связанные с электронным правительством. Оно призвано «повысить административную эффективность, поскольку государственные служащие получают возможность контролировать ежедневные операции и поддерживать требуемый уровень подотчетности, основываясь на функциях, обеспечиваемых новой технологией» [11, с. 89]. Кроме того, переход к электронному правительству должен обеспечить более надежную коммуникацию между центральным правительством и региональными органами власти, что позволит более полно прояснять суть новых политических задач и программ, а также своевременно выявлять социальные проблемы. Более того, руководители из бедных восточных регионов получают доступ к новым идеям и опыту богатых западных регионов, а также смогут рассчитывать на поддержку их руководителей при реализации своих проектов.

Аналогичным образом ожидания, связанные с электронным правительством, были описаны в более ранней работе М. Лянджи, Дж. Чуня и С. Торсона. Они также указали на то, что данная реформа в первую очередь направлена не на улучшение качества государственных услуг, повышение прозрачности и подотчетности (что является целью внедрения электронного правительства в США), а на усиление контроля со стороны центральной власти за региональными властями путем организации постоянного надзора и мониторинга, а в конечном счете – на поддержание устойчивого экономического развития [10, с. 24].

Эта идеология получила дальнейшее развитие. В настоящее время электронное правительство рассматривается в Китае не только как инструмент контроля сверху, но и как инструмент дополнительного контроля снизу, через подачу гражданами жалоб и обращений. Отсюда поощрение консультационной демократии на муниципальном уровне, что и представляет собой китайскую версию «открытого правительства». Идеологической основой для него служит левое неоконфуцианство, развивающее традиционную идею обязанности [просвещенных] подданных открыто критиковать власть, если она уклоняется от правильного пути (подробнее см. [6]).

Та же тенденция – внедрять прежде всего дисциплинирующие аспекты административных технологий – характерна и для использования китайскими властями принципов «нового государственного менеджмента» (см. [7]).

Кроме того, следует учитывать, что в процессе реформирования используются скорее общие принципы и направления соответствующей управленческой моде-

ли, чем какая-либо конкретная ее форма, внедренная на Западе.

В целом выстраиваемая в КНР система носит вполне логичный характер и соответствует китайским административным традициям сильного государства с низким уровнем отчуждения граждан от власти (конфуцианство предполагает очень небольшую дистанцию власти от общества). Использование информационных технологий направлено на повышение легитимности власти путем роста ее эффективности, с упором на «порядок, а не демократические идеалы, технократический контроль, а не гражданское участие (кроме низового), управляемость, а не тип режима» [15, с. 311].

В сущности, примерно об этом говорилось и в Отчете UN DESA 2012 года, где указывается, что китайское правительство «предпринимает меры, чтобы повысить качество официального портала путем предоставления всесторонней информации, интегрированных услуг, объединяющих разные сектора и взаимодействия между органами власти и гражданами» [14, с. 25]. Подчеркивается также стремление Китая развивать открытое правительство, т.е. обеспечивать доступ граждан к информации, накопленной органами власти в процессе своей деятельности.

Китайский опыт перехода к электронному правительству показывает ограниченность «модельного» подхода к анализу такого перехода и необходимость изучения социальных и культурных контекстов, в которых он осуществляется. Что касается эффективности электронного правительства в Китае, мы можем только согласиться с мыслью М.Л. Титаренко и Б.Н. Кузика о том, что «объективная обоснованность восприятия успехов современных китайских реформ как нового этапа расцвета национальной культуры будет видна лишь через сравнительно длительный промежуток времени» [2, с. 395].

В целом еще раз подтверждается сделанный Р. Роузом на основе сравнительного анализа процессов перехода к электронному правительству в восточно-азиатском регионе вывод – для того, чтобы понять, какую роль Интернет играет в государственном управлении, требуется понять, как такое управление осуществлялось без Интернета [12, с. 338], то есть какие ценности, нормы и интересы реализовались в уже сложившихся государственных институтах. Поэтому использование при оценке перехода к электронному правительству деконтекстуализированных моделей, не учитывающих национальную специфику, является по определению ограниченным и не учитывает вполне реальных достижений целого ряда стран.

1. Воропаев, Д.С. Социокультурные основания китайской модели политической модернизации [Текст] / Д.С. Воропаев: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М.: МГУ, 2012. 27 с.

2. Кузык, Б.Н. Китай – Россия 2050: Стратегия саморазвития [Текст] / Б.Н. Кузык, М.Л. Титаренко. М.: Российская Академия наук, 2006. 656 с.

3. Рандма-Лийв, Т. О применимости «западных» теорий государственного управления в посткоммунистических странах [Текст] / Т. Рандма-Лийв // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 2. С. 73–87.

4. Трахтенберг, А.Д. Электронное правительство: состоит ли «изобретение государства заново»? [Текст] / А.Д. Трахтенберг // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской Академии наук. 2012. Вып. 12. Екатеринбург (в печати).

5. Чуньянь, В. Этапы и содержание трансформации аппарата государственной власти Китая [Текст] / В. Чуньянь // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 2 (77). С. 38–49.

6. Bell, D.A. Reconciling Socialism and Confucianism? Reviving Tradition in China [Text] / D.A. Bell // Dissent, 2010. V. 57, № 1. Pp. 91–99.

7. Christensen, T. Administrative Reform in China's Central Government – How Much “Learning from the West”? [Text] / T. Christensen, D. Lisheng, M. Painter // International Review of Administrative Sciences. 2008. V. 74 (3). Pp. 351–371.

8. Dobbin, F. The Strength of a Weak State: The Rights Revolution and the Rise of Human Resources Management Divisions [Text] / F. Dobbin, J.K. Sutton // American Journal of Sociology, 1998. V. 104, № 2. Pp. 441–476.

9. Khalil, O. E-Government Readiness: Does National Culture Matter? [Text] / O. Khalil // Government Information Quarterly, 2011. V. 28. Pp. 388–399.

10. Lianjie, M. E-Government in China: Bringing Economic Development Through Administrative Reform [Text] / M. Lianjie, J. Chung, S. Thorson // Government Information Quarterly, 2005. V. 22. Pp. 20–37.

11. Liou, K.T. E-Government Development and China's Administrative Reform [Text] / K.T. Liou // International Journal of Public Administration, 2007. V. 31 (1). Pp. 76–95.

12. Rose, R. Governance and the Internet [Text] / R. Rose // Global Change and East Asian Policy Initiatives. New York: Oxford University Press, 2004. Pp. 337–364.

13. Seifert, J.W. Using E-Government to Reinforce Government Citizen Relationships: Comparing Government Reform in the United States and China [Text] / J.W. Seifert, J. Chung // Social Science Computer Review, 2009. V. 27. № 1. Pp. 3–23.

14. UN Department of Economic and Social Affairs. United Nations E-Government Survey 2012: E-Government for the People. UN, 2012. 160 p. [Электронный документ]. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan048065.pdf>. (дата обращения: 25.03.2013).

15. Yang Dali L. Remaking the Chinese Leviathan: Market Transition and the Politics of Governance in China [Text] / L. Dali Yang / Stanford, CA: Stanford Univ. Press. 2003. 432 p.

БЕЛЬГИЙСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СУБЪЕКТОВ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 329

М.А. ТРУСОВ

В ходе изучения политической системы Бельгии в контексте функционирования бельгийской системы федерализма необходимо крайне внимательно отнестись к изучению партийного аппарата и механизмам влияния партийного электората на проведение федеральной политики и взаимодействие фламандской и валлонской наций в рамках единого государства. На примере этой системы можно понять происхождение типичных проблем, связанных с нестабильностью бельгийского федерализма.

Представляется возможным применение институционального подхода, надеющегося деятельность политических институтов разного рода статусом основного двигателя политических процессов в обществе и государстве, связывающего «политический процесс с функционированием и трансформацией институтов власти» [1]. Так, одним из ключевых авторов, развивавшим свои теории в рамках институционального подхода является С. Хантингтон. В своей работе «Политический порядок в меняющихся обществах» он выделяет категорию институционализации общества, обратно пропорционально влияющую на напряжённость и уровень насилия в обществе. «Политика под его пером, – отмечает А.П. Цыганков, – предстает как динамическое единство институционализации и тех социально-политических процессов, которые не только укрепляют имеющиеся политические институты, но и подрывают их прочность» [3]. Бельгийская партийная система существует уже более 160 лет (первая партия Бельгии – Либеральная партия – была образована в 1846 году) и отличается высокой адаптивностью (та же Либеральная партия существует по сей день под названием «Христианские демократы и фламандцы»).

Несмотря на нарастающие напряжённость и нестабильность в современном бельгийском обществе, можно прогнозировать мирное и правовое решение кон-

фликта Фландрии и Валлонии. Вероятнее всего, даже столь серьёзный конфликт, основанный на вполне объективных материальных разногласиях, а не на исключительно идеологических конструкциях, будет разрешён без столкновений политических сил, без человеческих жертв и, тем более, насильственных действий с применением оружия любого масштаба. В массовом сознании это возможно объяснить высоким уровнем «культуры» и «цивилизованности» европейцев, однако с точки зрения политической системы одну из главных ролей в таком характере течения политического конфликта играет высокая степень институционализации общества в целом, а также относительно высокие прочность и адаптивность партийной системы, служащей легитимным каналом для выражения протестных настроений.

Прежде всего, следует сказать о том, что составляющие Бельгию Фландрия и Валлония отличаются друг от друга во многих аспектах, в первую очередь, разнятся их финансовое положение. Часть средств фламандцев, собранная через налоги в федеральный бюджет, после распределения оказывается в Валлонии в соответствии с так называемой «политикой вафельницы», сводящейся к равному распределению финансов между фактически неравными регионами.

Необходимо отметить, что бельгийские партии представляют практически все доступные направления политической мысли (как унитаристские, так и сепаратистские; от социал-демократических до крайне правых неолиберальных партийных программ). Такое разнообразие партий и отсутствие барьеров для обсуждения многих острых тем позволяет вести дискуссию о векторе развития внутренней политики страны мирно, в рамках принципов права и законности, а также претворять в жизнь положения партийных программ, получивших наибольшую поддержку и обеспечивших достаточное количество мандатов в

Палате представителей и влияние в правительстве.

Рассмотрим основные тезисы программ партий, получивших по результатам выборов 10 или более мест в Палате представителей.

Новый фламандский альянс (*Nieuw-Vlaamse Alliantie, далее – N-VA*) – правая политическая партия, действующая, в первую очередь, во Фламандском сообществе, а также в Брюсселе. Её позицию можно описать как умеренный либеральный консерватизм, гражданский и культурный фламандский национализм, её цель – постепенное усиление Фландрии на европейской политической арене [8]. В то же время партия не призывает к фламандскому революционному сепаратизму и выступает за идею евроинтеграции, поддерживает принципы Евросоюза и участвует в работе Европейского свободного альянса, представляющего интересы малых европейских этносов.

Новый фламандский альянс образовался после раскола крупной бельгийской националистической партии «Народный союз» (*Volksunie*) в 2001 году. «Альянс» являлся правым крылом этой партии.

На федеральных выборах 2003 года партия набрала всего 3,1% голосов и получила одно место в Палате представителей. [5]. Однако в 2004 году, вступив в союз с правоцентристской партией «Христианские демократы и фламандцы», она уже добилась весомых успехов. После федеральных выборов 2007 года эти две партии получили 30 мест из 150 в Палате представителей, являя собой довольно успешный блок. Союз, однако, распался 21 сентября 2008 года из-за разногласий по поводу формирования переходного правительства в ходе возникшего и получившего развитие бельгийского политического кризиса. «Альянс» требовал более решительной позиции, выступал против полумер, что и инициировало распад союза.

После этого на федеральных выборах 2010 года партия получила 17,4% голосов, проведя 27 членов в Палату представителей, и приблизительно на 6,5% опередила бывших союзников [6; 7]. Это свидетельствует, помимо прочего, об успешности избранной «Альянсом» политической предвыборной риторики, актуальности поднятых тем и востребованности его политической программы.

Отметим, что риторика «Альянса» избегает традиционных для европейских правых партий нападок на иммигрантов, что позволяет не отпугивать более умеренных

избирателей, которым чужды ксенофобские настроения. Так, бургомистром Лондерзеля стала 30-летняя депутат от Нового фламандского альянса Надя Сминате, имеющая марокканское происхождение. Она заявила, что «когда присоединилась к Новому фламандскому альянсу в 2004 году, это была единственная партия, которой было что сказать насчёт прав и обязанностей иммигрантов» [13]. Лидер партии Барт де Вевер открыто добавляет, что «Подход N-VA к гражданской интеграции подразумевает в высшей степени позитивный процесс создания сообщества и гармонии» [13].

Партия также отмечает, что проблема Бельгии связана не с этносами, но с государственными структурами, которые успели устареть и более не соответствуют стремительно изменившейся этнической картине. В то же время N-VA не полностью отвергает солидарность с Валлонией, выступая за прозрачность, демократичность и справедливость внутрибельгийской политики. Таким образом, энергия той части электората, которая скептически настроена в отношении перспектив Бельгии, но не готова призывать к сепаратизму, канализируется в умеренно протестное русло.

Идеологически партия занимает правоцентристскую позицию, дистанцируясь как от «laissez faire, laissez aller»-капитализма, так и от чрезмерного вмешательства государства в экономику. Основная идея состоит в построении сообщества и выступлении государства в роли гаранта прав и свобод индивида, укреплении общественной солидарности (речь при этом идёт о Фландрии). Важно отметить, что «Альянс» не является антиисламской партией и продвигает идею неэсклюзивного, культурного и гражданского национализма, также противопоставляет политике ассимиляции идею предоставления национальным и религиозным меньшинствам полных прав на сохранение своей культуры при соблюдении некоторых основных правил жизни в западном обществе.

Партия «Фламандский интерес» (*Vlaams Belang*) – крайне правая политическая партия, действующая, в первую очередь, во Фламандском сообществе, а также в Брюсселе. Главной идеей партии является борьба за независимость Фландрии и установление более жёсткой иммиграционной политики, основанной на ассимиляции приезжих во фламандской культурной и языковой среде. «Фламандский интерес» отвергает идею мультикультурализма, од-

нако приемлет мультиэтническое сообщество при условии культурного единообразия и соответствия фламандским традиционным ценностям [15]. Партия также стоит на позициях евроскептицизма, не одобряя политику и ценности Европейского Союза. В экономическом отношении «Фламандский интерес» занимает неолиберальные позиции.

Образована в 2004 году, но является прямым наследником аналогично ориентированной партии «Фламандский блок» (Vlaams Blok), возникшей в 1979 году. На федеральных выборах 2007 года партия получила 17 мест в Палате представителей, а затем постепенно стала терять популярность — после выборов 2010 года представительство сократилось уже до 12 мест [6]. Это легко объяснимо возросшей популярностью более умеренной правой партии «Новый фламандский альянс», оттянувшей на себя часть избирателей, а также сложившимся «санитарным кордоном» — практикой бойкота «Фламандского интереса» и избегания любых коалиций с ним (при всей важности межпартийных коалиций в бельгийской политической системе).

«Фламандский интерес» выступает за мирное отделение Фландрии от Бельгии, напоминая об аналогичных случаях разделения Шведско-норвежской унии, Чехословакии и отделении Черногории. Обосновывается эта необходимость крайне серьёзными культурными различиями между фламандцами и валлонами, несправедливостью бельгийской федеральной финансовой политики и общей неадекватностью государственных институтов в сложившейся ситуации. В плане иммиграционной политики «Фламандский интерес» занимает нишу весьма радикальной и жёсткой антиисламской партии, отстаивающей политику нулевой терпимости и идею репатриации всех иммигрантов, отказывающихся ассимилироваться и признавать европейские ценности.

Партия «Христианские демократы и фламандцы» (*Christen-Democratisch en Vlaams*) является демократической центристской партией Фламандского сообщества. Партия имеет огромное значение, на данный момент являясь наиболее широко представленной во фламандском парламенте и наиболее влиятельной в первом федеральном правительстве Ди Рупо (с 2011 года).

Впрочем, доля партии в Палате представителей неуклонно уменьшается (по

результатам федеральных выборов 1995 года партия получила 29 мест из 150, а в 2010 — только 17) [4; 6].

Идеологически партию можно считать демократической центристской условно консервативной партией. Провозглашается верность универсальным христианским ценностям и демократическим принципам, распространяющимся и на внутривнутрипартийные отношения, при этом партия позиционирует себя именно как фламандская партия, заботящаяся о процветании фламандского народа [13]. Отметим, что подобная ориентация на интересы фламандцев является своего рода общим знаменателем, используемым практически во всех программах фламандских партий.

Социалистическая партия (*Socialistische Partij Anders*) несколько выбивается из этого списка, являясь практически единственной левой партией на политической арене Фландрии. Она является организацией-преемником Бельгийской рабочей партии, образованной ещё в 1885 году и бывшей тогда первой социалистической партией Бельгии. Преемственность и вечная актуальность социалистических и социал-демократических лозунгов в определённых кругах населения позволяет SP.a функционировать относительно успешно (так, на федеральных выборах 2010 года партия получила 9,2% голосов и 13 мест в Палате представителей [6; 7]).

Однако нельзя не заметить, что в целом позиция Социалистической партии за последние годы сильно пошатнулась (на выборах 2003 года партия получила 14,9% и 23 места [5]). Стоит отметить, что в своих программных материалах партия практически не касается национального вопроса в любом проявлении, оставляя за скобками как национальную политику Бельгии или Фландрии в отношении, например, мигрантов из стран третьего мира, так и перспективы единого бельгийского государства. Вместо этого на повестке дня: улучшение качества образования, доступное жильё, проекты реформы образования [9] и прочие вещи, по-видимому, всё слабее затрагивающие фламандский электорат. Вполне возможно, что падение рейтингов Социалистической партии связано не в последнюю очередь именно с игнорированием по-настоящему острых и важных проблем в пользу традиционных умеренно левых лозунгов, касающихся установления социальной справедливости. По крайней мере, сложно объяснить чем-то иным столь заметный отток избирателей в сторону правых и правоцентристских партий.

Вероятно, при рассмотрении влияния партийной системы Бельгии на федеральную национальную политику стоит также упомянуть о таком явлении, как паннидерландизм — это течение, ставящее своей целью приближение выхода Фландрии из состава Бельгии и присоединение её к Нидерландам, мотивируемое «единством» нидерландской нации, а также её языковой, культурной и этнической идентичности. Сложно говорить о какой бы то ни было серьёзной поддержке этих идей среди населения — фламандцы, в целом, не считают себя голландцами (в этом плане валлонцы куда ближе к французам и гораздо чаще это подчёркивают). Во Фландрии же все основные политические партии подчёркивают свою связь с фламандским народом и фламандской землёй.

Подводя итог, можно сказать о том, что программы всех основных фламандских партий ориентированы в первую очередь именно на решение внутренних проблем Фландрии и обычно касаются более широких проблем федерального уровня лишь постольку, поскольку эти отношения способны навредить прямым интересам Фландрии. Именно поэтому в бельгийском обществе всё громче слышны голоса тех, кто призывает к дальнейшему размыванию связей этих двух субъектов федерации — тому способствуют основные прагматические интересы населения Фландрии.

Заметим, что основные политические программы двух крупнейших политических партий Валлонии также игнорируют вопросы федерального устройства, отношения с Фландрией и прочие аспекты национальной политики в широком смысле. В некотором роде это иллюстрирует точку зрения Хантингтона: «Важнейшая проблема политики — это отставание в развитии политических институтов сравнительно с социальными и экономическими изменениями» [2]. В целом, партии Фландрии лучше приспособились к изменившейся социально-политической обстановке и отодвинули апеллирование к менее актуальным проблемам на второй план.

В то же время Валлония, по сути, является дотационным регионом и сильно зависит от текущей федеральной финансовой политики Бельгии и самого существования федерации в целом. Лидером партии «Новый фламандский альянс» этот курс был метко обозначен как «цунами новых налогов» [12]. Очевидно, что валлонские партии борются хотя бы за сохранение статус-кво: иные подходы не пользовались бы никакой

популярностью по тем же прагматическим соображениям, проявляющимся в electoralном поведении жителей Фландрии. Собственно поэтому партии с иным взглядом на федеральное устройство Бельгии практически не представлены в политической системе: основные партии стараются обходить этот вопрос стороной, а идею независимой Валлонии не поддерживает, кажется, вообще никто.

Стоит также упомянуть о таком специфическом валлонском течении, как ратташизм (от французского *rattache* — вновь присоединиться) или панфранцизм, выдвигающем идею выхода Валлонии из состава Бельгии и объединения её с Францией. Даже это совершенно непопулярное в масштабах страны движение (так, основные связанные с ним партии — «Валлонское собрание» и «Собрание Валлония-Франция» не занимают ни одного места в парламенте) не ставит целью создание независимой Валлонии, понимая, что экономическое её положение в таком случае сильно осложнится, и поддерживает эту идею в виде своеобразного идеологического вызова современной системе.

Основными валлонскими партиями можно считать Социалистическую партию (*Parti Socialiste, далее — PS*) и либерально-правоецентристское «Реформистское Движение» (*Mouvement Réformateur, далее — MR*).

Первая из них является франкофонной валлонской версией фламандской социалистической партии — обе образовались при разделении единой Бельгийской социалистической партии и относятся к одному социал-демократическому направлению. Поэтому их программы достаточно сильно схожи — о национальной политике там речь практически не идёт, что оставляет место для вопросов политики трудоустройства, образования, местного самоуправления и так далее [14]. Следует отметить, что валлонская PS занимает 29 из 75 мест в Валлонском парламенте, в то время как практически идентичная фламандская SP.a — всего лишь 19 из 124 в Парламенте Фландрии. На этом примере хорошо виден общий левый, прагматичный социал-демократический окрас валлонских electoralных приоритетов.

Правоцентристское «Реформистское Движение» является союзом нескольких мелких партий, начавших процесс объединения в 1993 году и относительно завершивших его к 1998 году. С тех пор оно держится примерно на одном уровне по результатам выборов (от 10,1% на

федеральных выборах 1999 года до 9,3% на выборах 2010 года с пиком в 12,5% в 2007 году). Очевидно, что большая часть электората правых и либеральных партий в Валлонии голосует за MR, что позволяет судить о небольшой доле этого электората в целом. При этом MR провозглашает идею упрочения федеративных связей в Бельгии, а также сотрудничества Валлонии с Брюсселем в области объединения и расширения единого франкофонного пространства [11]. С приходом лидера Социалистической партии Элио ди Рупо на пост премьер-министра Бельгии в 2011 году баланс сил может ещё сильнее сдвинуться в левую сторону, а может – при проведении непопулярной политики или принятии неверных решений в эти сложные для Бельгии годы – напротив, вызвать волну правой реакции.

Проанализировав общую расстановку сил в бельгийской партийной системе, можно зафиксировать следующие тенденции:

1. Легальная и активная деятельность практически любых, в том числе крайне правых и сепаратистски настроенных партий во внутренних политических процессах

страны путём участия на бельгийских выборах различных уровней.

2. Существенно различающиеся электоральные предпочтения жителей Фландрии и Валлонии, возникшие, в первую очередь, вследствие различий в экономическом положении жителей субъектов федерации и опирающиеся, в основном, на прагматические экономические интересы жителей.

3. Различающиеся вследствие этого взгляды жителей Фландрии и Валлонии на будущее Бельгии и усиливающиеся благодаря особенностям федеративного устройства Бельгии трудности формирования коалиционного правительства, крайне необходимого в условиях реально действующей многопартийной системы.

4. Обусловленная этим нестабильность федерального государства, существование серьёзных трений и разногласий, требующих активного пересмотра федеральной политики и поиска компромисса в вопросах институциональных отношений Фландрии и Валлонии, в частности, на уровне расширения и укрепления партийного взаимодействия в целях выработки единого курса развития государства.

1. Баранов, Н.А. Теория политики: учебное пособие [Электронный ресурс] / Н.А. Баранов, Г.А. Пикалов. URL: http://read.virmk.ru/b/BARANOV_POLITICA/19.htm (дата обращения 29.12.2012).

2. Хантингтон, С. Политический порядок в меняющихся обществах [Текст] / С. Хантингтон. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 25.

3. Цыганков, А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика (учебное пособие). М.: Интерпракс, 1995. С. 72.

4. Dataset: Belgium: Parliamentary Election 1995 [Электронный ресурс]. URL: [http://129.177.90.166:80/obj/fStudy/BEPA1995_Display&mode=cube&v=2&cube=http://129.177.90.166:80/obj/fCube/BEPA1995_Display_C1&top=yes](http://eed.nsd.uib.no/webview/index.jsp?study=http://129.177.90.166:80/obj/fStudy/BEPA1995_Display&mode=cube&v=2&cube=http://129.177.90.166:80/obj/fCube/BEPA1995_Display_C1&top=yes) (дата обращения 30.12.2012).

5. Dataset: Belgium: Parliamentary Election 2003 [Электронный ресурс]. URL: http://eed.nsd.uib.no/webview/index.jsp?study=http://129.177.90.166:80/obj/fStudy/BEPA2003_Display&mode=cube&v=2&cube=http://129.177.90.166:80/obj/fCube/BEPA2003_Display_C1&top=yes (дата обращения 30.12.2012).

6. Elections 2010 – Chamber – Kingdom [Электронный ресурс]. URL: http://polling2010.belgium.be/en/cha/seat/seat_CKR00000.html (дата обращения 29.12.2012).

7. Elections 2010 – Chamber – List Results Kingdom [Электронный ресурс]. URL: http://polling2010.belgium.be/en/cha/results/results_graph_CKR00000.html (дата обращения 29.12.2012).

8. FAQ | Nieuw-Vlaamse Alliantie (N-VA) [Электронный ресурс]. URL: <http://international.n-va.be/en/about/faq> (дата обращения 29.12.2012).

9. Goedgekeurd Verkiezingsprogramma – 9 mei 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://www.s-p-a.be/media/uploads/2010_kiesprogramma_gelayout.pdf (дата обращения 30.12.2012).

10. Ideologie | CD&V [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdenv.be/wie-zijn-we/ideologie> (дата обращения 30.12.2012).

11. Le programme du MR [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mr.be/le-mr/le-liberalisme/le-programme-du-mr/> (дата обращения 30.12.2012)

12. Mahony, H. Belgian government talks unravel, again [Электронный ресурс]. URL: <http://euobserver.com/news/32603> (дата обращения 30.12.2012)

13. News digest | Nieuw-Vlaamse Alliantie (N-VA) [Электронный ресурс]. URL: <http://international.n-va.be/en/news/news-digest> (дата обращения 30.12.2012)

14. Nos Idees – PS – Parti Socialiste [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ps.be/Pagetype1/idees.aspx> (дата обращения 30.12.2012)

15. Vlaams Belang – Beginselverklaring [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vlaamsbelang.be/beginselverklaring/> (дата обращения 30.12.2012)

СЕТЕВЫЕ СТРУКТУРЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Посвящается 25-летию Института философии и права Уральского отделения РАН

УДК 324

Д. С. РЫЖИЙ

В современной политологической литературе довольно часто муссируется идея о том, что время бюрократических организаций уходит в прошлое. На смену традиционным иерархичным, неповоротливым и закостенелым организациям приходит время сетевых структур. Действительно, под воздействием новых информационных технологий и средств коммуникации в экономической, политической, социальной и духовной сферах общества происходят серьезные изменения – формируются разнообразные сетевые структуры. Считается, что в начале XXI века эти изменения стали носить необратимый характер. «Внедрение сетевых практик в управление вызвано ограниченной эффективностью традиционных вертикально интегрированных управленческих систем по реализации поставленных целей и невозможностью учета интересов многих акторов процесса. Особенно отчетливо эта тенденция просматривается в Европе, где отмечается рост влияния сетевых структур на принятие политических решений Европейского Союза», – считает А.Г. Заббаров [6, с. 5].

Да, при определенных условиях, политические организации создают свои сети или включаются в сетевые структуры регионального, федерального или глобального уровня. Но при объективном анализе можно заметить и другой процесс, когда самоорганизующиеся сетевые структуры стремятся институализироваться и превращаются в типичные бюрократические организации. Эти встречные процессы трансформации сети и организации нам представляются очень интересными, они требуют серьезного научного анализа. Особый интерес вызывает анализ диалектической взаимосвязи сети и организации, которая обостряется в условиях электоральных политических процессов, когда политическая система становится неустойчивой и возникает больше, чем обычно, альтернативных вариантов ее развития. С появлением сетевых структур и сетевых электоральных технологий данная проблематика становится весьма актуальной в современной политологии.

Хотя практика изучения особенностей возникновения и функционирования сетевых структур в политической сфере в отечественной науке носит пока фрагментарный характер, следует отметить рост популярности к изучению природы сетевых структур и сетевых технологий. На данный момент одним из крупнейших исследователей этого направления является Л.В. Сморгун, обобщивший целый ряд определений категории «политическая сеть», представивший собственную трактовку [12]. С точки зрения использования методов политической коммуникативистики в сетях и понимания других сетевых взаимодействий привлекают исследования А.А. Дегтярева. Он обратил внимание на интересы и особенности коммуникации участников сетевого взаимодействия, актуализировав вопрос о внутренней структуре политико-управленческих сетей [4]. Существенный вклад в исследование сетевых структур внесли работы О.Н. Фомина. О.Н. Фомин предложил рассматривать сети как особую форму политических отношений, наряду с властвованием, управлением, регулированием и политическим менеджментом [14]. Таким образом, проблема сетевых структур для политологических исследований, если судить по количеству научных публикаций, стала представлять существенный интерес.

По мнению С.В. Чистякова: «Основные принципы функционирования сетей выявили К.Кук и Р. Эмерсон» [17]. Они считали, что «сети принимают множество форм: они могут быть централизованные и, подобно бюрократической структуре, выстроены иерархическим образом, подчиняясь доминирующей организации; могут быть сегментированы по нескольким более или менее иерархизированным кластерам или же лишены организации и даже вовсе фрагментарны – как это происходит в отраслях с высоким уровнем конкуренции. Разнообразие этих структур важно как для выживания отдельных организаций, так и для объяснения моделей организационного поведения» [15, с. 25]. Но если принять такой подход, то на наш взгляд возникает резонный вопрос, чем сеть отличается от организации?

Анализируя современные тенденции в управлении, М. Стрежнева пишет: «Интеграция национальных экономик в глобальное экономическое пространство, создание международных организаций, регулирующих не только международные отношения, но и внутригосударственные вопросы стран-участниц, обусловило трансформацию системы управления. В начале XXI века все очевиднее наблюдается отход от традиционной государственнической модели управления, в которой центральная роль принадлежит правительству, распоряжающемуся огромными ресурсами, к переговорной сетевой модели» [13]. Сетевые структуры активно возникают в экономической сфере, они пришли в политику и в духовную жизнь общества. Сетевые структуры мягко, ненавязчиво опутывают все общество и меняют социальное бытие. М. Кастельс уверяет нас, что наше «общество становится сетевым» [9].

Как отмечает О.Н. Фомин: «В новой управленческой модели интеграционные институты из командной инстанции превращаются в партнера и медиатора, выступают в качестве посредника в переговорах между национальными правительствами, общественными объединениями, выразителями интересов социальных групп и отдельными гражданами» [14, с. 23]. Сетевые структуры, в условиях информатизации общества, становятся существенным инструментом влияния на политические процессы и даже могут порождать свою разновидность власти. Особенно хорошо это проявляется в электоральных процессах. Сама процедура выборов приводит политическую систему в неустойчивое состояние. В таком состоянии политическая система становится неравновесной, стихийным образом возникает множество сценариев ее развития, и чем ближе выборы, тем больше степень хаотизации и неопределенности может возникнуть. Именно для управления в условиях хаоса и нестабильности, когда ситуация меняется очень быстро, а выбор не предопределен, и нужны ресурсы сетевых структур.

Сегодня сетевая управленческая модель считается наиболее эффективной, и многие исследователи предполагают, что она будет доминировать в будущем. «Перед современными государствами встает выбор: или интегрироваться во всеобщее коммуникационное поле, активно участвовать в деятельности международных организаций, ограничивая тем самым свой суверенитет, либо полностью изолироваться, сохранив полноту власти и мобилизационные возможности национального государства ин-

дустриальной эпохи. Однако второй вариант не гарантирует стабильности политической системы, поскольку сети могут и выступают как явления экстерриториальные и служат проводниками инициатив и интересов различных политических акторов. Им удается преодолевать территориальные ограничения и, как следствие, нивелировать возможность воздействия на них территориально организованных органов власти», – подчеркивает А.Г. Заббаров [6, с. 7].

Уже является признанным фактом то, что применение современных интернет-технологий позволяет практически мгновенно мобилизовать значительные группы людей. Использование при этом протестной риторики способно создать серьезную угрозу даже для вполне стабильных политических систем и режимов. Глобальные компьютерные сети и современные мобильные коммуникационные технологии сделали население всех стран открытым и доступным для такого воздействия. Подтверждением тому служат массовые акции протеста в Молдавии и Иране в 2009 году, в странах Северной Африки в начале 2011 года [1; 5; 8], организованные с использованием высокотехнологичных электронных средств в крупных интернет-сетях молодежью Туниса и Египта [7; 16].

Еще одним примером использования сетевых технологий можно считать выступления российской несистемной оппозиции на Болотной площади в Москве в декабре 2011 года и первой половине 2012 года. После попыток проведения различных цветных революций: «революции роз», «оранжевой», «финиковой», «белой» в политическом дискурсе появились такие понятия, как «political networks» (политические сети), «сетевая революция», «twitter-революция», «кибер-диссидентство» и т.п.

Таким образом, считается, что «глобальный политический процесс, характеризующийся распространением горизонтальных связей между субъектами политики, приводит к значительным изменениям институциональной составляющей политической системы суверенных государств, в том числе Российской Федерации» [2]. Акторами политического процесса становятся не только традиционные политические институты, но и неполитические сетевые структуры. Сетевые структуры прямо или опосредованно участвуют в разработке и принятии политических решений и существенно влияют на электоральные процессы.

Так уходит ли время бюрократических организаций в прошлое? Наверное, еще нет. Организации остаются пока самой эффектив-

ной управленческой формой и в экономике, и в политике. Макс Вебер назвал бюрократическую организационную структуру «рациональной», поскольку предполагал, что решения, принятые бюрократией, имеют под собой неличный объективный характер. Бюрократическая организационная структура характеризуется высокой степенью разделения труда, развитой иерархией управления, цепью команд, наличием многочисленных правил и норм поведения персонала и подбором кадров по их деловым и профессиональным качествам [3].

Бюрократию часто называют традиционной организационной структурой. Большинство современных организаций представляют собой именно такой вариант бюрократии. «Причина столь длительного и широкомасштабного использования бюрократической структуры состоит в том, что ее характеристики еще достаточно хорошо подходят для большинства промышленных фирм, организаций сферы услуг и всех видов государственных учреждений. Однако бюрократические структуры подвергались и критике за их неспособность к внедрению новшеств и отсутствие достаточной мотивации сотрудников» [3].

Недостатки бюрократических организаций были замечены давно. Одно из важнейших критических замечаний было сформулировано американским социологом Р.К.Мертоном. По его мнению, «трудности, возникающие в бюрократических структурах, связаны с увеличением значимости стандартизированных правил, процедур и норм, обеспечивающих надлежащее выполнение сотрудниками своих задач, выполнение запросов других подразделений этой организации, а также взаимодействие с клиентами и общественностью. Это приводит к тому, что организация утрачивает гибкость поведения, поскольку все возникающие здесь вопросы и проблемы решаются исходя из прецедентов. Постепенно тщательный поиск альтернатив начинает сокращаться» [11, с. 74]. Отрицая этот недостаток бюрократических организаций, появилась новая форма – сетевая структура.

Анализируя сильные и слабые стороны организации, мы должны помнить, что исследовать организацию невозможно в отрыве от их жизненного цикла и тех внешних условий, в которых они существуют.

Сегодня на развитие организаций влияют два взаимосвязанных фактора, определяющие условия их существования:

во-первых, информатизация общества, основанная на тотальном внедрении компьютерных систем и развитии Интернета;

во-вторых, глобализация как фактор всеобщей интеграции национальных экономических, политических, социальных процессов в единое мировое пространство.

Эти факторы стали основными для появления сетевых структур. Они же влияют и на возникающую взаимосвязь сети и организации, в зависимости от жизненного цикла последней. Как правило, бюрократические организации начинают включаться в сетевые структуры или создавать собственные сетевые структуры на этапе своей зрелости и могущества, с целью освоения и захвата новых рынков влияния. Но часто сетевые структуры возникают в процессе деинституализации организации, когда организация предчувствует свой упадок и начинает искать новые формы своего дальнейшего существования.

Необходимо подчеркнуть общее и отличие между сетью и организацией.

Если бюрократические организации более формализованы, то структуры, созданные по сетевым принципам, более содержательны, процессы в них не зарегулированы правилами.

Если бюрократические организации более устойчивы, то сетевые структуры менее устойчивы, спонтанность сетевых структур очевидна, связи в них носят случайный и высококомбинированный характер.

Если бюрократическая организация строится по принципу иерархичной пирамиды, где господствуют вертикальные связи, то в сетевых структурах нет иерархии, там царят равенство и свобода, их существование основано на принципе доминирования горизонтальных связей.

В начале XX века немецкий социолог Макс Вебер разработал концепцию рациональной бюрократии. Он выделил ее основные признаки:

- иерархичность уровней управления, строгая подчиненность и контролируемость вышестоящим нижестоящих;
- четкое разделение труда, что приводит к росту профессионализма каждого специалиста;
- дух формальной обезличенности, с которым официальные лица выполняют свои должностные обязанности;
- наличие системы обобщенных формальных правил, функционала и стандартов, обеспечивающих скоординированность различных задач и однородность выполнения сотрудниками своих обязанностей;
- осуществление найма на работу в строгом соответствии с уровнем образования и квалификационными требованиями [3].

Классические иерархичные системы (организации) были и будут эффективны при линейных и стабильных процессах. Когда функционирование политической жизни общества становится хаотичным, сложным и порой непредсказуемым, иерархичные бюрократические политические организации, теряя свою эффективность, начинают создавать и использовать сетевые структуры, которые делают функционирование организации более эффективным в сложных, неравновесных, стохастичных процессах. Следовательно, установление сетевых взаимодействий – это стремление увеличить эффективность организации и уменьшить неопределенность в ситуации, когда результат деятельности не ясен.

Часто в условиях открытых, сложных, нелинейных, хаотичных процессов сетевые структуры возникают сами по себе – они самоорганизуются, с целью внутренней саморегуляции более сложной системы. В этом случаи самоорганизованные сетевые структуры стремятся к институализации, и они могут перерасти в юридически оформленные организации, имеющие признаки политического института. Такое «всхлapyвание» в сетях мы можем наблюдать при смене политических режимов или во время любых революций, когда сетевые структуры превращаются в устойчивую форму – политическую организацию.

По аналогии с М. Вебером мы можем выделить основные признаки сетевых структур, соответствующих тем, которые возникли в начале XXI века:

- отсутствие иерархии в управлении, самостоятельность, основанная на личной свободе и ответственности;
- спонтанность в создании творческих групп, инициатива и креативность в политической деятельности;
- содержательность в отношениях и забота о деловой репутации, лидером становится лучший среди равных участников сети и часто это ситуационные лидеры;
- отсутствие формальных правил функционирования сетевой структуры, можно подключаться или выходить из нее по собственному желанию, все строится на принципах самоорганизации, главным критерием является эффективность в решении политических задач;
- возникает понятие «удаленное рабочее место» и отсутствие найма на работу в соответствии с уровнем образования и квалификации, главным становится наличие знаний и компетенций.

При создании сетевых структур политические организации опираются на опыт функционирования финансовых и торговых сетей,

которые уже не одно десятилетие существуют на рынке. «При сетевом принципе организации межфирменного взаимодействия централизованное управление производственной деятельности отсутствует. В то же время фирма-лидер осуществляет координацию планов и текущей деятельности входящих в соглашение фирм, а также организует обмен информацией. Таким образом, в определенной степени удается соединить два противоположных принципа – конкуренцию и кооперацию. Сеть представляет собой достаточно гибкую структуру, позволяющую входящим в нее фирмам конкурировать между собой, привлекать в необходимых случаях новых партнеров и вместе с тем организовывать и координировать деятельность своих членов» – считает С.В. Чистяков [15, с. 78].

В условиях современных электоральных процессов практически все политические организации (партии, общественные организации и движения) создают сетевые структуры, которые формально не связаны с ними, но функционируют в соответствии с их политическими целями и задачами. «В условиях сетевых соглашений границы между структурными элементами не являются столь жесткими, как при других формах взаимодействия (например, на основе иерархии). Причем усложнение и упрочение связей еще более размывается и без того нечеткими границами между элементами. Этот процесс получает дополнительные импульсы благодаря совместному использованию информации, которая является общим достоянием членов сети», – подчеркивает в своей работе С.В. Чистяков [15, с. 78]. Именно информационная инфраструктура сети становится во многих случаях базой, на которой затем формируются политические сети (political networks).

Необходимо подчеркнуть, что все сетевые структуры и сетевое взаимодействие пронизано персонализацией и идентификацией связей. В сетевой структуре все участники совместной деятельности имеют возможность прямого контакта друг с другом и могут осуществлять внутригрупповые взаимодействия и обмениваться информацией в режиме *online*. Основой, скрепляющей элементы сетевой структуры, могут быть общие политические цели, заинтересованность в результатах совместной деятельности, даже симпатии друг к другу. Работа в сетевой структуре создает дополнительную мотивацию, возможность идентификации и чувство удовлетворения и оказывает влияние на сознание участников. Сеть также является стимулом для раскрытия творческого потенциала сотрудников, их креативности и инициативы.

Сетевая организация политической деятельности, в условиях электоральных процессов, требует нового подхода к стилю руководства и нового мышления политических руководителей: речь идет об отказе от всестороннего контроля, переходе к неформальной координации, взаимному доверию. Сетевая политическая деятельность руководителей сводится к ведению переговоров, к установлению связей, обмену информацией в сетевой структуре и привлечению новых партнеров исходя из их репутации и политических взглядов. Ведение переговоров и процесс согласования интересов облегчаются по причине наличия конкретных общих политических целей и задач, идентификации ценностей и опыта совместной политической деятельности.

Сетевая структура способна объединить теоретически бесконечное число организаций, относительно самостоятельно реализующих общий политический проект (например, участия в выборах). При создании сетевой структуры вхождение новых организаций в интегрированную сеть и выход из нее делается более легким, чем при традиционном подходе, так как участники в силу специфики взаимодействия более независимы и могут территориально находиться далеко друг от друга и организаторов-лидеров. Сетевые структуры обладают большой степенью гибкости и быстро приспосабливаются к меняющейся политической ситуации. Над ними не довлеет вопрос о жизненном цикле своего существования.

Политические процессы, протекающие в России последние 25 лет, привели к значительной активизации граждан, к развитию общественной инициативы и созданию нескольких десятков тысяч самостоятельных общественных объединений, призванных аккумулировать и выражать групповые общественные интересы, представлять их в публичном пространстве и организовывать защиту и реализацию этих интересов. Многие из этих самостоятельных общественных объединений вовлекаются в сетевые структуры, и этот процесс становится тем более активным, чем ближе выборы.

Специалисты отмечают, что «для сегодняшнего этапа существования гражданского общества характерна организация сетевого взаимодействия и, как следствие, закрепление его в функционирующих сетях. Применение сетевых принципов в деятельности общественных объединений отражает общую тенденцию внедрения сетевых практик в различные сферы» [10] и во многом обуславливается их внутренним динамизмом, готов-

ностью к апробации новых организационных и управленческих схем для достижения стоящих перед ними целей, позволяет расширить степень участия общественных объединений в процессе выработки и принятия решений по общественно-значимым вопросам.

Процесс создания сетевых структур, а также формирования общих принципов их функционирования имеет двойственную природу. Он наполняется действиями как самих общественных объединений, так и разнообразных (отечественных и зарубежных) политических акторов, выступающих создателями и участниками сетей и обеспечивающих их необходимыми ресурсами. Недооценка значимости сетей как структурного элемента политической системы приводит к ограничению возможностей по анализу и прогнозированию развития ситуации и, как следствие, управляемости политическим процессом. Данный тезис подтверждают события на Манежной площади в 2010 г. и Болотной площади в декабре 2011 и начале 2012 года города Москвы, когда «выработка решения, согласование действий, определение точек сбора и способов связи происходил в Сети в результате коммуникации большого количества людей без выраженного управляющего центра» [2].

Эти тенденции свойственны всем развитым странам, а не только России. М. Кастельс и Э. Киселева отмечают: «Новая социальная структура в виде сетевого общества, характерная для большей части планеты, основана на новой экономике. Эта экономика капиталистическая, но речь идет о новом виде капитализма, информационного и глобального. Другими словами, знания и информация становятся ключевыми источниками производительности и конкурентоспособности, этих двух решающих факторов любой экономики. Генерирование знания и информационные технологии зависят от доступа к соответствующей технологической инфраструктуре, а также от качества человеческих ресурсов, от их способности управлять новейшими информационными системами. Глобализация связала во едино все центры экономической активности во всех странах, даже если большинство видов деятельности, рабочих мест и людей все еще остаются национальными и локальными. Экономика всех стран зависит от глобальных финансовых рынков, международных связей в области торговли, производства, управления и распределения товаров и услуг» [10]. Сетевая форма организации экономической деятельности открывает возможность реализации влияния не напрямую, а опосредованно, как бы без формализованных и закрепленных в каких-либо документах властных функций.

Следовательно, сетевые взаимодействия сокращают транзакционные издержки политических акторов в условиях неопределенности и неравновесности внешней среды. Значимость межличностных связей в рамках сетевой структуры обуславливается и новым, коллективным характером принятия решений. Люди обмениваются идеями, совместно выработывают новые подходы к решению проблемы. Инициатива в среде сетевого взаимодействия зарождается в командах в процессе коллективных действий людей, работающих над новой идеей или участвующих в электоральном процессе. Результат достигается не одним человеком, а эффективными усилиями многих. В условиях сетевой структуры чье либо персональное руководство процессами теряет свое значение, сетевая структура организационно неустойчива, размыта и состоит из множества проектных групп, которые сами определяют для себя задачи и способы их решения. Сетевое управление строится на методах и принципах функционирования синергетических систем.

Итак, сделаем ряд выводов:

во-первых, информатизация и глобализация стали определяющими факторами, влияющими на существование традиционных политических организаций. Эти факто-

ры стали основными для появления сетевых структур. Они влияют на взаимосвязь сети и организации, в зависимости от жизненного цикла организации;

во-вторых, сетевые структуры, как правило, создаются организациями для более устойчивого собственного развития и достижения своих политических целей, в условиях неопределенности и больших рисков;

в-третьих, сетевая структура представляет собой информационное пространство, в котором осуществляется взаимодействие политических организаций и других политических акторов, а также определенные действия: координация, обеспечение ресурсами и выстраивание связей между акторами;

в-четвертых, влиятельные сетевые структуры могут самоорганизоваться и институализироваться в организации, при условии признания их государством;

в-пятых, в условиях электоральных процессов, когда уровень неопределенности очень высок, все политические организации ориентированы на создание сетевых структур. Благодаря созданным сетевым структурам, с помощью сетевых технологий мягкого политического влияния, появляется возможность корректировать электоральные процессы для достижения желаемых политических целей.

1. Африка и Ближний Восток – умерщвление Европы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/> (дата обращения: 16.05.2013).
2. Бобрышев, О., Федоренко М., Манежная площадь. Что дальше: перезагрузка системы или чрезвычайное положение? [Электронный ресурс] / О. Бобрышев, М. Федоренко. URL: <http://www.u-f.ru/Article/analitika/637328> (дата обращения: 16.05.2013).
3. Вебер М. Избранное. Образ общества / пер. с нем. М.: Юрист, 1994.
4. Дегтярев, А.А. Методологические подходы и концептуальные модели в интерпретации политических решений (II) [Текст] / А.А. Дегтярев // Полис. 2003. № 2. С. 169.
5. Дугин, А. Исламскому миру сорвали резьбу [Электронный ресурс] / А. Дугин. URL: <http://rus.ru/2011/01/29/41697272.html> (дата обращения: 16.05.2013).
6. Заббаров, А.Г. Сетевые структуры общественных объединений в современном политическом процессе [Текст] / А.Г. Заббаров: Автореферат дис... канд. полит. наук. Саратов, 2011. 24 с.
7. Иванченко, П. «Сетевая революция» вне плана [Электронный ресурс] / П. Иванченко. URL: <http://bg-znanie.ru/article.php?nid=10642> (дата обращения: 16.05.2013).
8. Корнилов, А. Финиковый rev.com. Спор о революции [Электронный ресурс] / А. Корнилов. URL: <http://www.russ.ru/pole/Finikovyyj-rev.com> (дата обращения: 16.05.2013).
9. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 495–505.
10. Кастельс М., Киселева Э. Россия и Сетевое общество. Доклад на конференции «Россия в конце XX века», Стэнфорд, США, 05–07.11.1998. / [Электронный ресурс]: URL: <http://www.socio.ru/wr/00-1/Castells.htm> (дата обращения: 16.05.2013).
11. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА:ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.
12. Сморгун Л.В. Сетевая методология исследования политики // Полис. 2001. № 3. С. 108.
13. Стрежнева, М. Управление без правительства. Кое-что о традициях руководства Европейским Союзом [Текст] / М. Стрежнева // Европа. Журнал Европейского Союза. 2003. Январь. № 1(24).
14. Фомин, О.Н. Сетевые структуры глобальной власти [Текст] / О.Н. Фомин // Глобализация: проблемы международного сотрудничества и решение общечеловеческих задач. Саратов: ПАГС, 2005. С. 23–30.
15. Чистяков, С.В. Сетевая организационная форма и сетевые экономические отношения [Текст] / С.В. Чистяков // Вестн. Моск. ун-та. Серия 21 Управление (государство и общество). 2012. № 2. С. 78.
16. Эндгаль, У. Египетская революция: «творческое разрушение» для Большого Ближнего Востока? [Электронный ресурс] / У. Эндгаль. URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/55198> (дата обращения: 16.05.2013).
17. Cook K., Emerson R.M. Power, Equity, and Commitment in Exchange Net-works // American Sociological Review. 1978 (October). P. 721.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОЦЕНКИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПОКАЗАТЕЛИ ДЛЯ ИЗМЕРЕНИЯ

УДК 387

Н.Б. КОСТИНА, Д.П. ПОПОВ

В условиях становления информационного общества, внедрения новых технологий в различные виды деятельности роль высшего образования многократно возрастает. Ориентация управляющих субъектов на инновационные стратегии в социальной, экономической, культурной сферах предъявляет новые требования к подготовке специалистов, именно этим и обусловлен, в первую очередь, процесс реформаторских преобразований современной российской высшей школы.

Анализ реформ, проводимых государством в различных сферах социальной жизни, позволяет сделать вывод о том, что реформы – не что иное, как определенный тип управленческого решения, разработанного и принятого с целью решения актуальных социальных проблем [3, с. 35]. Актуальные проблемы применительно к предмету нашего исследования – это уже существующие проблемы, препятствующие функционированию ВПО, реализации государственной политики в этой сфере.

Таким образом, реформирование системы ВПО осуществляется с целью решения проблем, возникших в ней к настоящему времени. Наличие этих проблем не позволяет обеспечить устойчивое и эффективное функционирование высшего образования в настоящее время, создавая тем самым серьезные трудности для определения его стратегии и ее последующей реализации. Однако анализ преобразований, осуществляемых в процессе реализации реформ, свидетельствует о том, что возникли проблемы и при реализации реформ. Наиболее важными среди них нам представляются следующие:

- несоответствие целей реформ и достигаемых результатов;
- несоответствие нормативов и стандартов, закрепленных в правовых актах, их реальному практическому воплощению;
- отсутствие системности в реализации реформаторских планов.

Проблемы, характерные для процесса реформирования ВПО, по своему статусу

являются уже возникшими, т.е. актуальными, причем при отсутствии необходимых действий по их решению масштаб этих проблем будет возрастать.

Социальные практики свидетельствуют о том, что если осуществляемые в рамках реформ мероприятия не приводят к запланированным показателям и результатам, существующие проблемы обостряются и углубляются, реальностью становится не действительное реформирование, а некая имитация реформ со стороны управляющих субъектов, что имеет серьезные негативные последствия – как социальные, так и экономические. Со стороны субъектов, которые должны реализовывать государственные решения по реформированию, формируется позиция негативного отношения к этим решениям, нежелание участвовать в их реализации, имеет место сопротивление изменениям.

В связи с этим необходимо определить, что не позволяет эффективно осуществлять реформирование российского высшего профессионального образования. Важной составляющей такого анализа выступает определение того, как оценивают проводимые реформы непосредственные акторы образовательного процесса – преподаватели и студенты высших учебных заведений, а также администрация вузов. Именно эти субъекты, во-первых, своими действиями должны реализовывать задачи, предусмотренные реформаторскими планами. Во-вторых, проводимые в рамках реформы мероприятия прежде всего затрагивают интересы данных субъектов. Оценки осуществляемого в настоящее время реформирования высшей школы названными социальными общностями представляют собой важную внеуправленческую информацию, которая может быть использована управляющими субъектами для разработки управленческих решений, корректировки уже принятых решений, если полученные от их реализации результаты не в полной мере соответствуют тому, что было «заложено» в реформаторских планах.

Данные, полученные при проведении эмпирического исследования одним из авторов данной статьи в высших учебных заведениях г.Екатеринбурга [6, с. 174-180] еще в 2010 г., показали, что у студентов и преподавателей преобладает отрицательное отношение к осуществляемому реформированию высшей школы, следствием которого выступает устойчивое противодействие этому процессу. В связи с этим исследовательской задачей становится разработка системы показателей для определения социальных оценок реформирования ВПО непосредственными участниками и «адресатами» этого процесса. Знание о социальных оценках проводимых в ВПО реформ представляет собой важную внеуправленческую информацию, позволяющую: 1) выявить уровень противодействия представителей образовательного сообщества осуществляемым преобразованиям, 2) на основе этого определить направления и варианты корректировки принятых управленческих решений.

В социально-философском и социологическом знании термин «оценка» используется для обозначения субъективного выражения значимости предметов окружающего мира для жизнедеятельности человека или социальной группы. Оценка – умственный акт (способность), в результате которого устанавливается отношение субъекта к объекту оценивания с целью определения значения оцениваемого объекта для жизнедеятельности оценивающего субъекта [7, с. 108].

М. Вебер, использовавший понятие «практическая оценка», рассматривал оценку доступного влиянию наших действий явления как достойного порицания или одобрения, исследовал проблему субъективных оценок при интерпретации как чисто эмпирических проблем, так и доступных логическому пониманию [1, с. 557].

В теории ценности, которую развивали М. Шелер, Э. Гуссерль, Н. Гартман и др., *оценка* (как ценностная ситуация) предполагает наличие трех необходимых компонентов: субъекта («оценивающего»), объекта («оцениваемого») и некоторого отношения между ними («оценивания») [8, с. 49]. При этом «оценивание» – формирование оценки – осуществляется посредством сравнения того, что оценивается, с каким-либо образцом, нормативом, стандартом (они могут существовать в виде желаемых образов, как нормативно закрепленных, так и субъективных). Именно такие оценки являются

предметом социологического анализа, когда различным социально-демографическим, профессиональным, каким-то иным общностям и группам предлагается оценить какое-то социальное явление или процесс.

В структуре оценки, как правило, выделяются следующие элементы: субъект, объект, основание и характер [9, с. 12]. При этом субъектами оценки выступают личность или социальная группа, объектом оценки – предметы, другие люди, социальные группы, социальные факты, осуществляемые действия, реализуемые решения. Информация о мнениях, суждениях представителей социальных групп и общностей по поводу социальных процессов, взаимодействий, соответствий (несоответствий) и выступает основанием для выводов о тех или иных социальных оценках.

На этом основании мы предлагаем понимать под социальной оценкой мнение, позицию определенной социальной группы (или общности) о том или ином социальном процессе, явлении, проблеме. Социологический анализ реформирования высшего профессионального образования предполагает оценку участниками образовательного процесса необходимости и своевременности осуществления реформы, ее содержания, достигнутых результатов, их соответствия декларируемым целям.

Для определения показателей, позволяющих выявить социальные оценки реформирования ВПО непосредственными участниками реализации реформ, имеет смысл выделить в рамках этого процесса два аспекта запланированных и осуществляемых мероприятий: содержательный и организационный. Первый предполагает кардинальное изменение качества, доступности, содержания высшего профессионального образования и взаимосвязи его названных свойств. Второй находит выражение в закреплении посредством нормативных актов мероприятий по структурному преобразованию высшей школы, контролю за достижением определенного уровня содержания и качества образования.

Ключевыми мероприятиями реформирования высшего профессионального образования, содержание и формы реализации которых нормативно закреплены, являются: поступление в вузы по результатам ЕГЭ, разделение высшего образования на две ступени – бакалавриат и магистратуру; введение балльно-рейтинговой системы и изменение на ее основе оценки знаний студентов; укрупнение вузов и появление новых форм (Федеральные университеты); перераспределение

количества бюджетных мест «в пользу» технических специальностей; внедрение в вузах системы менеджмента качества.

В структуре мероприятий по реализации реформы, исходя из ее целей, следует выделить три этапа: 1) окончание школы и поступления в вуз, 2) обучение в вузе, 3) окончание вуза, устройство на работу, «выстраивание» жизненной стратегии выпускников. Однако, как показывает приведенный выше перечень ключевых мероприятий, среди них отсутствуют те, что направлены на трудоустройство выпускников вузов, взаимосвязь окончания вуза с «выходом» выпускников на рынок труда. Это является косвенным свидетельством того, что достижение промежуточных целей при реформировании высшего профессионального образования не приводит к достижению планируемых конечных результатов и находит выражение в оценках со стороны студентов, преподавателей осуществляемых перемен.

Для выявления социальных оценок реформирования высшего профессионального образования его акторами необходимо представить их структуру, которая, по нашему мнению, включает в себя: оценку наличия и параметров проблем высшего профессионального образования; оценку содержания реформы, проводимых мероприятий; оценку хода реформы, возникающих в процессе реформирования проблем; оценку достижения промежуточных и конечных результатов.

Авторами современных социологических исследований предлагаются различные подходы к определению критериев оценки определенных аспектов реформирования высшего профессионального образования: качества образования [2; 10], включенности отечественных вузов в Болонский процесс [4], профессиональных траекторий выпускников вузов [11; 12], состояния и характера социального партнерства в сфере образования [5] и др. Наиболее полным и обоснованным является определение критериев и показателей оценки качества высшего профессионального образования.

В частности, Е.Н. Заборова и Н.В. Щипачева предлагают использовать для оценки качества образования внешние и внутренние, субъективные и объективные показатели. **Внешние субъективные показатели:** оценка вышестоящих структур (наличие лицензии, аттестации, аккредитации); мнение работодателей о конкурентоспособности выпускников; имидж вуза в городе, стране, за рубежом (мнение горожан, роди-

телей; образ вуза в СМИ; имидж вуза за рубежом). **Внешние объективные показатели:** положение во внешней среде (срок существования на рынке образовательных услуг; приток (отток) преподавателей и студентов и др.). **Внутренние субъективные показатели:** мнения администрации, преподавателей, студентов о количестве и качестве материально-технического обеспечения, его доступности, режиме работы и др. **Внутренние объективные показатели:** материальные условия и научно-информационная база образовательного процесса; профессорско-преподавательский состав; методическое обеспечение образовательного процесса и др. [2, с. 80].

И.В. Цветкова, в свою очередь, для оценки содержательных результатов образовательного процесса выделяет 5 групп критериев, охватывающих этап окончания школы и поступления в вуз. **Первая группа критериев** охватывает возможности приобретения выпускниками новых социальных статусов: поступление на бюджетное отделение или в престижный столичный вуз, результаты ЕГЭ. **Вторая группа** фиксирует развитие навыков адаптации для продолжения обучения на последующей ступени: умение учиться самостоятельно, навыки общения в коллективе. **Третья группа** позволяет оценить умения и навыки, приобретенные в школе, характеризующие потенциал развития личности: свободное владение иностранным языком, широкий кругозор и др. **Четвертая группа** выражает социальные качества, необходимые личности для успешной адаптации к социуму: способности преодолевать проблемы, жизненные трудности; умения ставить цели и др. **Пятую группу** составляют показатели, характеризующие творческий потенциал личности: умение осуществлять информационный поиск, находить нужную информацию и др. [10, с. 138].

Достижение определенного качества как свойства высшего профессионального образования является одной из конечных целей, на достижение которой и направлено его реформирование. В связи с этим оценка данного процесса его участниками, как нам представляется, должна проводиться по выделенным выше аспектам и ключевым мероприятиям, в соответствии с предложенной структурой социальных оценок. Предлагаемая система показателей социальных оценок реформирования высшего профессионального образования в современной России представлена в приведенной ниже таблице.

**Показатели социальных оценок реформирования
высшего профессионального образования**

Предмет социальной оценки	Критерии оценки
Проблемы в системе высшего профессионального образования	<p>Финансирование</p> <ul style="list-style-type: none"> • уровень оплаты труда преподавателей; • уровень платы за обучение; • коррупция в высшей школе. <p>Качество образования</p> <ul style="list-style-type: none"> • уровень соответствия школьных знаний вузовским требованиям; • соответствие (несоответствие) программ обучения запросам рынка труда, обучающихся; • несоответствие квалификации выпускников требованиям работодателей. <p>Доступность</p> <ul style="list-style-type: none"> • на уровне региона; • национальная доступность. <p>Ресурсное обеспечение образовательного процесса</p> <ul style="list-style-type: none"> • кадровый состав преподавательского корпуса (количественные и качественные показатели); • материально-техническое обеспечение образовательного процесса; • информационное обеспечение образовательного процесса.
Содержание реформы, проводимые мероприятия в рамках реформирования	<ul style="list-style-type: none"> • ЕГЭ как основание поступления в вуз; • перераспределение бюджетных мест в сторону технических специальностей; • разделение образовательного процесса на две ступени (бакалавриат – магистратура); • введение балльно-рейтинговой системы оценки знаний; • укрупнение вузов; • внедрение в вузах систем менеджмента качества.
Проблемы, возникающие при реализации реформ	<p>Проблемы при использовании результатов ЕГЭ</p> <ul style="list-style-type: none"> • несовершенство контрольно-измерительных материалов; • несоответствие процессов организации сдачи экзамена и поступления в вуз; • трансформация формы коррупционных действий; • несоответствие качества подготовки школьников с введением ЕГЭ уровню требований, предъявляемых к абитуриентам высшей школой. <p>Перераспределение бюджетных мест в сторону технических специальностей:</p> <ul style="list-style-type: none"> • недостаток бюджетных мест на естественнонаучных и гуманитарных направлениях подготовки; • просчеты в профориентационной работе; • несоответствие получаемой подготовки и запросам рынка труда. <p>Разделение образовательного процесса на две ступени</p> <ul style="list-style-type: none"> • проблемы в организации учебного процесса; • проблемы концептуального и нормативного обеспечения двухуровневой подготовки; • проблемы соотношения бакалавриата и магистратуры, бакалавриата и среднего профессионального образования, бакалавриата и специалитета.
	<p>Введение балльно-рейтинговой системы</p> <ul style="list-style-type: none"> • несоответствие получаемых результатов запланированным целям при использовании соответствующих методов оценки знаний; • проблема трудозатрат студентов и преподавателей для достижения качества образования; • проблема критериев оценки знаний, умений и навыков, получаемых студентами.

Окончание таблицы 1

Предмет социальной оценки	Критерии оценки
Достижение запланированных результатов	<ul style="list-style-type: none"> • повышение интереса у выпускников школ к получению технических специальностей; • совершенствование организации учебного процесса; • вовлечение в преподавательский состав профессионально подготовленной молодежи; • обеспечение доступности ВПО для представителей всех социальных групп и слоев; • создание условий для развития науки в рамках высшей школы; • сохранение конкурентоспособности российского ВПО в сравнении с зарубежным; • обеспечение трудоустройства выпускников в соответствии с содержанием, уровнем профессиональной подготовки; • достижение качества подготовки в вузах, ориентированного на будущее.

Представленные показатели используются авторами при проведении эмпирического исследования с целью получения информации о социальных оценках реформирования высшей школы социальными общностями, непосредственно включенными в этот процесс. Использование данных показателей позволит определить субъективное восприятие акторами, выявить, какие проблемы представляются им наиболее острыми и глубокими, сформулировать на базе этой информации рекомендации в адрес управляющих субъектов.

Оценки соответствия поставленных задач и промежуточных результатов проводимых реформ, с одной стороны, представителями власти, с другой – преподавателями, студентами, общественностью, в

настоящее время значительно расходятся. Именно поэтому возрастает роль глубокого изучения социальных оценок реформирования высшего профессионального образования представителями разных социальных групп, и прежде всего – тех, чьи интересы эти реформы затрагивают больше всего. Предлагаемая структура социальных оценок (оценка проблем, существующих в высшем образовании, оценка осуществляемых мероприятий реформы, оценка проблем процесса реформирования, оценка промежуточных и конечных результатов) и система показателей позволит выявить не только имеющиеся проблемы, но и объяснить факторы сопротивления тем или иным аспектам и мероприятиям реформы.

1. Вебер М. Избранные произведения. Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. Предисл. П.П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

2. Заборова, Е.Н. Качество образования в системе высшей школы: опыт социологического анализа [Текст] / Е.Н. Заборова, Н.В. Щипачева // Известия Уральского государственного экономического университета. 2004. № 9. С. 76–83.

3. Костин, В.А. Реформаторское и стратегическое планирование в государственном управлении [Текст] / В.А. Костин, Н.Б. Костина // Научный вестник Уральской академии государственной службы. 2012. № 2 (19). С.34–38.

4. Муратова, Ю.Р. На поддороге к будущему: оценка включенности группы российских вузов в Лондонский процесс [Текст] / Ю.Р. Муратова, Р.Р. Радаев // Вопросы образования. 2007. № 3. С. 84–114.

5. Осипов А.Е. О социальном партнерстве в сфере образования [Текст] / А.Е. Осипов, П. Карстанье, В.В. Тумалев, В.Г. Зарубин // СОЦИС. 2008. № 11. 108–115.

6. Попов, Д.П. Реформа высшего образования глазами преподавателей и студентов уральских вузов: социологический анализ [Текст] / Д.П. Попов // Научный вестник Уральской академии государственной службы. 2011. № 2. С. 174–180.

7. Сутужко, В.В. Структура, принципы и классификация понятия «оценка» [Текст] / В.В. Сутужко // Эпистемология и философия науки. 2008. № 4. С. 108–124.

8. Сутужко, В.В. Проблема оценки в философии и науке XX века [Текст] / В.В. Сутужко // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. Философия. Психология. Педагогика, вып. 4. С. 49.

9. Сутужко, В.В. Основания оценки в различных сферах бытия и сознания [Текст] / В.В. Сутужко // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 28. С. 12–19.

10. Цветкова, И.В. Критерии качества образования (на материалах в оценках респондентов г.Тольятти) [Текст] / И.В. Цветкова // СОЦИС. 2008. № 5. С. 137–140.

11. Чередниченко, Г.А. Новое в образовании и профессиональной деятельности молодежи [Текст] / Г.А. Чередниченко // СОЦИС. 2009. № 7. С. 119–125.

12. Эфендиев, А.Г., Балабанова Е.С. Профессиональная карьера выпускника факультета менеджмента [Текст] / А.Г. Эфендиев // СОЦИС. 2010. № 2. С.100–110.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЫХ РАБОЧИХ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

УДК 316.733

В.Н. КИСЕЛЕВ

В настоящее время в России окончательно утвердились рыночные отношения. Одним из негативных последствий этого процесса является явное снижение роли рабочего класса в социально-экономическом, политическом, социокультурном развитии страны. Он должен вместе с другими активными слоями общества являться инициатором и исполнителем главных модернизационных процессов во всех сферах социальной жизни. Однако изучение тех ценностей, которыми руководствуются рабочие в своей трудовой, семейно-бытовой, досуговой деятельности редко становятся предметом специальных исследований. Не выясняется сама готовность рабочих активно участвовать в решении тех проблем, которые актуальны в настоящее время для нашей страны. В связи с этим возникает вопрос, на какие же социальные группы рассчитывает государство, когда разрабатываются амбициозные планы повышения производительности труда, создания и внедрения инновационных разработок во всех сферах экономики? Во всех странах реализация этих задач осуществлялась путем существенного повышения ценности творческого, инициативного труда у основной массы работников, каковыми являются рабочие промышленных предприятий страны. При этом всегда обращается внимание на содержание трудовых ориентаций молодых рабочих, поскольку они в наибольшей степени готовы осваивать передовые технологии, учиться работать на новых машинах и механизмах.

Актуальность проблемы изучения трудовых ориентаций молодых рабочих вызвала необходимость проведения социологического исследования ценностей, которыми они руководствуются при выборе рабочей профессии, выполнения производственных обязанностей, повышении квалификации. При этом объектом изучения стали рабочие предприятий горнопромышленного комплекса Среднего Урала. Как известно, этот регион характеризуется концентрацией шахт, разрезов, заводов, фабрик, занимающихся добычей и переработкой различных полезных ископаемых,

которыми так богаты Уральские горы. Уже около 300 лет существует, меняется рабочий класс, занятый решением важных во все времена задач создания материальной основы экономической, военной безопасности России.

В процессе становления рыночной экономики положение рабочих всех возрастных групп в значительной мере изменилось. Закрылись многие предприятия по причинам того, что новые собственники не сумели наладить рентабельное производство. Выжили только самые сильные, чаще всего за счет эффективного менеджмента, а также определенной помощи государства, местных органов власти. Идеология значительной части нынешних предпринимателей не включает те ценности, которые могут быть восприняты рабочим классом. Параллельно существуют два мира: рабочих и бизнесменов, которые не ставят перед собой задачу постоянного роста квалификации, мастерства рабочих не только в собственных интересах, а для более полного раскрытия творческого потенциала работника, повышения удовлетворенности трудом, появления желания активно участвовать в превращении России в одну из развитых стран мира [1, с. 161].

Поэтому сложно решать проблемы технического перевооружения производства, смены кадров, так как в настоящее время престиж рабочих профессий существенно снизился. Родители любой ценой хотят обеспечить получение детьми высшего образования, ориентируя их на работу в офисе, магазине, но не у станка.

Важными факторами выбора молодежью рабочей профессии, вплоть до 90-х годов прошлого века, являлись следующие. Во-первых, весьма низкий уровень образованности многих выпускников 9 классов, не позволяющей им продолжить обучение в старших классах. Предпочтительнее было пойти учиться в ПТУ, чтобы через 1–2 года уже стать самостоятельным человеком. Во-вторых, низкий уровень доходов большинства семей побуждал родителей ориентировать детей на ускоренное включение в самостоятельную трудовую деятельность.

Семье сложно было содержать ребенка до 17 лет, пока он получит общее среднее образование. В-третьих, достаточно высокий престиж многих рабочих специальностей, связанных с использованием весьма сложной техники. В-четвертых, высокие заработки части высококвалифицированных рабочих, которые при сдельной оплате труда получали в 1,5–2 раза больше, чем инженеры [2]. Этот фактор, в частности, был основной причиной того, что часть выпускников вузов становились рабочими. Появились т.н. рабочие-интеллигенты, активно изучаемые социологами в 70–80-х годах прошлого века.

Переход к рыночной экономике существенно изменил ситуацию с факторами, ориентирующими молодежь на рабочие специальности. Подавляющее большинство выпускников школ стали учиться в вузах. Если прежде их приход в высшее образование ограничивался высоким конкурсом, который могли пройти только весьма подготовленные учащиеся, то появление коммерческого образования открыло дорогу в вузы всем, у кого родители были способны оплачивать учебу. Уровень знаний таких студентов никак не учитывался при их зачислении. К тому же резко сократилось количество рабочих мест из-за закрытия многих предприятий, переставших быть государственными. Зарплаты у рабочих в 90-е годы были весьма низкими, а техническая оснащенность производства почти не менялась. Престиж рабочих специальностей в общественном мнении резко упал. К тому же закрылись многие профессионально-технические училища.

В настоящее время возник весьма острый дефицит молодых рабочих, которые должны заменить уходящих на пенсию по возрасту. Зарплата рабочих растет, но набрать настоящих специалистов трудно. Требуются молодые рабочие, которые способны быстро освоить новую технику, заинтересованные в постоянном росте квалификации. Однако таковых очень мало. [3]. В оставшихся ПТУ учатся те выпускники школ, которые кое-как освоили программу основного образования. Уровень знаний, дисциплинированности такой, что надежды на превращение их в высококвалифицированных рабочих весьма призрачны.

Поэтому возникает проблема создания новых факторов, ориентирующих молодежь на освоение рабочих специальностей.

Наше исследование, проведенное в 2012 году, позволило выяснить те ценности, которыми руководствовались молодые рабочие, выбирая специальность вальцовщика, токаря, слесаря, котельщика и т.п.* Основным фактором, определяющим возникновение установки работать на заводе, оказалась потребность в устойчивых, приемлемых заработках. Одни не имели каких-либо иных вариантов выбора будущей профессии или работы в силу индивидуальных жизненных обстоятельств и (или) личного интеллектуального и образовательного уровня. Другие – уже работали, занимаясь низкоквалифицированным трудом, не имея социальных гарантий и льгот. Вариант «стать рабочим» явился самым простым решением в ситуации «некуда пойти» при необходимости зарабатывать себе на жизнь и на учёбу.

Метод глубинного интервью позволил выявить типичные мотивы прихода в молодые рабочие. Следует учитывать, что в теории мотивы рассматриваются как обоснование личности тех ценностей, которой она руководствуется при совершении определенных действий [4, с. 62]. Приведем высказывания респондентов о том, что побудило их пойти на завод. *«До этого я работала в садике нянечкой. Не понравилась. У меня и так свой ребенок шустрый, а там еще столько детей. Ушла оттуда – не выдержала. Пошла на завод»* (весовщица, 25 лет). Ведущей ценностью являлось наличие относительно спокойной и достаточно высокооплачиваемой работы. При этом обнаруживается, что сама ценность труда рабочего выявляется после того, как человек стал трудиться. *«Вообще-то на завод я не планировал пойти. У меня там друзья работают некоторые. Сказали, когда появилась новая вакансия. Я посмотрел работу. И решил пойти. Мне сейчас в принципе нравится...»* (слесарь 4-го разряда). В связи с этим, следует отметить, что в настоящее время система профориентации, направленная на выбор рабочих профессий, фактически в школах не ведется. Люди случайно приходят на завод, обнаруживая наличие определенных склонностей к труду у станка.

* Исследование 2012 года, проведенное лабораторией политологических и социологических исследований Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина на промышленных предприятиях в городах Среднего Урала: Екатеринбург, В.Пышма, Качканар, Алапаевск. Опрошено 440 рабочих в возрасте 18–30 лет и 340 рабочих в возрасте 50–65 лет методом анкетирования и 47 – методом глубинного интервью.

Еще одной причиной прихода на завод является отсутствие возможности работать там, где хочется, но требуется специальное образование. *«Я даже не была предрасположена к этому в школе. Решилась в 27 лет, когда ребенок начал ходить уже. Это мой осознанный выбор. Просто сидеть дома не хочу. Я бы хотела работать там, где есть возможность для художественного творчества, но у меня нет необходимого образования»* (лаборант, 28 лет).

Путь «вынужденного» прихода в рабочие дифференцируется и разветвляется на несколько вариантов. Нами выделено четыре основных фактора, способствующих формированию ценности трудоустройства молодежи на заводы и фабрики.

1. Один из самых распространенных путей прихода в рабочие – по примеру родственников. При этом сами родственники, чаще всего – родители, в большинстве случаев выступают против этого шага, ориентируя молодого человека на получение высшего образования. *«Друзья говорили – иди работай. А родители – иди учись, чтобы потом хорошо устроится работать»* (котельщик, 25 лет). *«Мне настоятельно посоветовали родственники, но мама была против – отправляла дальше учиться. А сейчас смирилась»* (крановщица, 24 года). Некоторые молодые люди неосознанно берут пример с родственников, считая, что совершают осознанный собственный выбор рабочего места, а не просто «плывут по течению». Перечень ценностей труда, которыми молодой человек руководствуется при выборе рабочей профессии, чаще всего ограничен жизненным опытом и социальным статусом его родителей. Поэтому так часто наблюдается преемственность рабочей профессии от поколения в поколение.

2. Следующим фактором, определяющим ценность рабочей профессии, является пример друзей и знакомых. *«У меня большинство друзей на заводе работает. Они-то меня и позвали»* (оператор ЧПУ, 23 года).

3. Зачастую ценность рабочих профессий осознается молодыми людьми после окончания 9-го класса. Подростки чувствуют, что им трудно учиться в школе, у них, наверняка, будут низкие баллы после сдачи ЕГЭ в 11 классе. Они приходят к выводу, что лучше пойти учиться после 9 класса в ПТУ, получить рабочую специальность. Родители не поощряют такой выбор своего ребенка, так как желают, чтобы он занял более высокую социальную нишу в обществе. Статус рабочих в настоящее время

крайне невысок и непрестижен. *«Учиться было трудно... Решил пойти в ПТУ, а потом работать на заводе»* (котельщик, 25 лет).

4. Выяснилось, что путь в рабочие складывается из сочетания нескольких факторов. Это ориентация на пример родственников, сложности выбора профессии после окончания средней школы, низкие результаты учебы в школе. *«В лет 15 решила идти на завод. Да у меня многие родственники работают на заводе, была вакансия крановщицы – я и пошла»* (крановщица, 24 года).

То, что значительная часть молодых людей идут в рабочие, так как им очень сложно дальше учиться из-за низкого уровня развития общеучебных навыков, подтверждается следующими данными: средний балл аттестата большинства респондентов равен 3,5 (от 3 до 4 баллов). Следовательно, рабочий класс пополняется в основном теми людьми, которые не имеют склонностей к занятиям сложным умственным трудом. Это ограничивает перспективы активного освоения нынешними отечественными рабочими сложной автоматизированной техники, применяемой на многих современных предприятиях в мире.

Ценность рабочей профессии должна повышаться в процессе получения специального образования. Исследование показало, что в настоящее время вся ответственность за обучение молодых рабочих кадров возлагается на само предприятие, а не на учебные заведения. *«Учился я здесь, на заводе. Узнавал, как надо выполнять какие-то операции, смотрел, как делают другие опытные рабочие»* (котельщик, 25 лет). Система наставничества, которая в настоящее время существует на предприятиях, является наиболее распространенной формой подготовки рабочих кадров, формирования у них ценностей рабочей профессии. Особенностью этой системы является то, что в ней всё зависит от наставника, его личностных качеств.

Как правило, если отношения с наставником у «новичка» складываются хорошие, наставничество проходит эффективно. *«Привели меня в цех, дали наставника. Он меня обучил и все. Во всем мне помогал. Отвечал, когда возникали вопросы»* (слесарь 4-го разряда). Положительный пример высокой ценности труда опытного рабочего ведет к осознанию значимости выполняемой работы и молодыми специалистами.

Встречаются и такие случаи, когда молодой рабочий вынужден практически

самостоятельно осваивать профессию. «Я пришел на завод. Мне дали наставника. Помогал, но потом он заболел. Подсказывать больше было некому. Я как бы самоучка» (оператор ЧПУ, 23 года). «Я наблюдал, как работают опытные рабочие» (котельщик, 25 лет).

Приобретение опыта успешной трудовой деятельности ведет к усилению ценности рабочей профессии. Большинство молодых рабочих заявляют, что их нынешняя работа интересна для них. «Несмотря на то, что в училище я учился на токаря, мне эта профессия не очень понравилась. Сейчас работаю в котельной, мне нравится – есть разнообразие: и головой надо работать, и физически, чертежи разбирать. Интересно. А однообразие – не интересно» (котельщик, 25 лет).

На ценность труда у молодых рабочих существенно влияет заинтересованность в выполняемой работе. Если работа нравится, то человек будет стараться выполнять ее качественно без дополнительных стимулов. «Работать идешь, чтобы деньги зарабатывать. А работу выполнять качественно должен каждый. Конечно, работается с удовольствием, когда работа нравится» (гальваник, 27 лет).

В отношении удовлетворенности работой у молодежи отмечается определенное примирение с тем, чем они занимаются в настоящее время. Многие не считают свою работу самой благополучной, но думают, что всё справедливо, так как это был их собственный выбор. Важно, что ценность труда у рабочих сохраняется высокой, практически независимо от уровня заработной платы.

Обобщая, можно сказать, что трудоустройство на промышленные предприятия часто происходит вынужденно с целью получения возможности хоть как-то заработать себе на жизнь. По истечении времени рабочая специальность становится неотъемлемой частью жизни и важной потребностью молодых людей, а материальный фактор иногда уходит на второй план. «Я себя нашел в этой работе. Меня многие упрекают, что я деньги не ценю, но мне работа интересней» (котельщик, 25 лет). «Желательно, конечно зарплату побольше. Но я ведь изначально согласился качественно делать эту работу за данную заработную плату. И большая з/п меня не заставит еще тщательнее ее делать» (слесарь 4-го разряда).

Высокая ценность труда вызывает стремление повышать квалификацию.

Мотивацией является как желание глубже овладеть профессиональными навыками, так и повысить заработную плату в результате получения более высокого разряда. У самых молодых рабочих, которые только начинают трудиться, она невысокая. Так, например, средняя зарплата рабочего составляет на тех предприятиях, где проводилось исследование, 1-го разряда – 9 тыс. руб., 2-го разряда – 12 тыс. руб., 3–4-го разряда – 24 тыс. руб. Также стимулирует профессиональное саморазвитие желание превзойти своего наставника как по уровню заработков, так и мастерства. «Мы сейчас уже на одном уровне (с наставником). А превзойду, наверно, через несколько лет. Пока еще не превзошел. Но стремление превзойти есть» (слесарь 4-го разряда). У некоторых рабочих ценность самореализации в труде побуждает получать новые профессиональные знания. «Я бы попробовал себя еще в каком-нибудь цеху. Мне интересно еще в чем-то себя реализовать» (слесарь 4-го разряда). Стремление ярче раскрыть себя осуществляется также путем сочетания работы с учебой в вузе. «Я пошел учиться в университет и пока еще учусь по машиностроению» (слесарь 4-го разряда).

В целом ценность труда определяется уровнем удовлетворенности выполняемой работой. Исследование выявило различия в степени удовлетворенности у различных групп рабочих.

Таблица 1

Уровень удовлетворённости работой разных возрастных групп (в % по строке внутри каждой группы)

		Полностью удовлетворены	Частично удовлетворены	Не удовлетворены
Покорения	Молодые рабочие (18–30 лет)	24	75	1
	Рабочие (старше 50 лет)	48	50	2
Возраст	до 20 лет	43	57	0
	21–25 лет	25	73	2
	26–30 лет	18	81	1

Высокая удовлетворенность выявлена у самых молодых рабочих и тех, кто уже относится к группе людей старшего возраста.

Они уже не первый десяток лет трудятся в качестве станочников, механиков, котельщиков и т.п. У них возникло привыкание к труду на основе достаточно высокой квалификации, профессионализма. Молодым рабочим интересно осваивать новое, что повышает ценность выполняемых работ. Обращает на себя внимание тот факт, что с возрастом снижается степень удовлетворенности трудом у рабочих 26–30 лет.

Причин несколько. Во-первых, падает ценность труда из-за невысоких, как они считают, заработков. У молодых выпускников вузов, работающих в комфортных условиях, занятых умственным трудом, они нередко существенно выше. Это отмечают 58% опрошенных. Почти каждый третий рабочий также жалуется на неинтересную работу (38%). Трудности с материальным обеспечением семьи отметили 24% респондентов. Крайне недовольных пока еще лишь 11% опрошенных, что указывает на отсутствие в рабочей среде того уровня внутреннего протеста, который может привести к каким-либо активным действиям экономического или политического характера.

Опрошенные отмечают отсутствие не только должной оплаты труда, возможности приобретения жилья, доступного и достойного отдыха, но и низкий статус в обществе. Рабочие не воспринимают свой труд как важный фактор социально-экономического и социокультурного развития

страны. Это ведет к низкой трудовой активности, отсутствию стремления постоянно повышать квалификацию, максимально реализовывать имеющиеся способности, занимаясь рационализацией, добровольным освоением новых технологий. Молодые рабочие не видят своей роли в решении проблем модернизации страны, решении вопросов политической жизни, повышении духовной культуры населения.

Следовательно, формирование и усиление ценности труда у молодых рабочих зависит от целой совокупности факторов: осознание своей значимости в развитии страны, возможности активно участвовать в ее модернизации на основе постоянного овладения более сложной техникой, повышении престижа рабочих специальностей, уровня оплаты за высококвалифицированный труд, удовлетворении потребности в жилье, интересном отдыхе. Эти условия должны создаваться как государством, так и нынешними собственниками промышленных предприятий. Решение этих задач зависит и от различных общественных организаций, партий, однако немногие из них занимаются работой по повышению ценности труда рабочих. Медленное решение выявленных нами в исследовании проблем снижает степень участия молодых рабочих в ускорении темпов социально-экономического и социокультурного развития страны.

1. Голенкова, З.Т. Рабочие России: статусные характеристики [Текст] / З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян // Актуальные проблемы социологии. Екатеринбург, 2013.

2. Лещинский, И. О современных рабочих / И. Лещинский // Скепсис. 2009. Январь [Электронный ресурс]. URL: [www.skepsis.net //library/id - 2333](http://www.skepsis.net/library/id-2333) (дата обращения: 18.03.2013).

3. Около 60% строительных компаний испытывают дефицит молодых рабочих // [Электронный ресурс]. URL: <http://mosday.ru/news/item.php?156456> (дата обращения: 16.03.2013).

4. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб: Евразия, 1999.

ИНСТИТУТ ОБРАЩЕНИЙ ДЕПУТАТОВ В КОНСТИТУЦИОННЫЕ (УСТАВНЫЕ) СУДЫ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НУЖДАЕТСЯ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ

УДК 342.565.2

А.В. САВОСЬКИН, А.В. ЛИТВИНОВА

27 октября 2011 года в Челябинской области был принят Закон об уставном суде [1], а 17 октября 2012 года состоялось его торжественное открытие. Уставный суд Челябинской области стал 18 по счету среди реально созданных конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации и четвертым уставным судом субъекта Федерации (из 18 региональных органов конституционной юстиции 14 именуются конституционными судами и созданы в республиках, и только 4 – уставными, так как созданы в Свердловской, Калининградской, Челябинской областях и городе федерального значения Санкт-Петербурге).

Необходимо подчеркнуть, что закон «Об Уставном суде Челябинской области» принят совсем недавно, и теоретически он должен был вобрать весь накопленный положительный опыт, поэтому уставный суд Челябинской области на сегодняшний день является своеобразным ориентиром, предопределяющим тенденции развития региональной конституционной юстиции в России. Вместе с тем закон оказался не свободен от недостатков, что нашло отражение в работе конференции «Вопросы совершенствования конституционной юстиции в Российской Федерации», проходившей 26 октября 2012 года в г. Екатеринбурге в рамках IV Международного форума «Юридическая неделя на Урале» с участием судей конституционного суда Республики Марий Эл, уставных судов Санкт-Петербурга, Челябинской и Свердловской областей.

Авторы статьи не ставили задачу проанализировать законодательство об уставном суде Челябинской области. Ограниченный объем научной статьи предопределил выбор только одного правового института – института обращений депутатов в конституционные (уставные) суды, тем более что подход челябинского законодателя оказался полностью противоположным общей тенденции. Однако обо всем по порядку.

В любом демократическом государстве депутаты как представители народа должны обладать определенными полномочиями по обращению в суды с целью защиты и отстаивания интересов избравшего их населения. Вместе с тем, такие полномочия депутата не должны нарушать принципа независимости суда, не подменять его работу, но обеспечивать при этом возможность эффективной защиты прав граждан посредством судебной власти при активном участии депутата.

При самом широком подходе можно выделить несколько аспектов взаимодействия депутатов с органами судебной власти: 1) инициирование обращений палат в высшие судебные органы; 2) обращение депутатов в суды общей юрисдикции с заявлениями о защите прав и законных интересов граждан; 3) направление депутатами в Конституционный суд РФ, конституционные (уставные) суды субъектов РФ запросов о соответствии правового акта Конституции РФ или основному закону субъекта РФ соответственно (на последнем остановимся подробно).

Возможность депутата обращаться в орган конституционной юстиции с целью возбуждения судом производства о проверке правового акта на соответствие Основному Закону является важнейшим правом депутата. С.В. Слюсенко справедливо характеризует это право депутата как юридически обеспеченную возможность от имени народа и в его интересах участвовать в инициировании надлежащей процедуры рассмотрения вопроса о том, является ли принятый государственный нормоустанавливающий акт соответствующим положениям Основного Закона или, напротив, противоречит ему и потому подлежит отмене [6, с. 332; 10, с. 26].

Следует заметить, что право депутата инициировать процедуру нормоконтроля не может рассматриваться как противоречащее его же праву участвовать в принятии законодательных решений. Закон

выступает результатом положительного коллективного волеизъявления депутатского большинства, которое, будучи по своей природе политическим большинством, далеко не всегда руководствуется конституционными целями, принципами и нормами, подчиняя законодательный процесс преимущественно политическому, а не конституционно-правовому началу [7, с. 15]. Вместе с тем представительная природа депутатского мандата направлена не только на законотворческую деятельность представительного органа как такового, но и на обеспечение правопорядка при функционировании органов государственной власти.

Необходимо отметить, что объем прав федеральных и региональных депутатов при направлении обращений в органы конституционной юстиции различен. Если обратиться к опыту федерального регулирования, то депутаты Государственной Думы (как и члены Совета Федерации) лишены права в порядке абстрактного нормоконтроля направлять индивидуальные запросы в Конституционный суд Российской Федерации. Это право федеральные парламентарии реализуют исключительно коллегиально. Часть 2 ст. 125 Конституции РФ устанавливает, что Конституционный суд Российской Федерации разрешает дела по запросам, в частности, «одной пятой членов Совета Федерации или депутатов Государственной Думы». Между тем представляется, что указанное конституционное положение статьи 125 Конституции РФ не является абсолютно ясным, точным, определенным и непротиворечивым. Это позволило А.А. Джагаряну аргументированно и убедительно доказать, что право на конституционный запрос принадлежит не группе (коллективу) депутатов Государственной Думы, а каждому депутату в отдельности [7, с. 17]. К сожалению, данный подход не поддержан ни действующим законодательством, ни практикой работы Конституционного суда РФ [3; 4]. Ст. 84 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном суде Российской Федерации» дублирует положения ч. 2 ст. 125 Конституции, но в отличие от конституционной формулировки после фразы «одна пятая членов» в скобках добавляет слово «депутатов». Таким образом, конституционная формулировка ч. 2 ст. 125 Конституции РФ трактуется (в том числе в научной литературе [8, с. 251–252]) исключительно как коллективное право инициации абстрактного конституционно-

го нормоконтроля как для членов Совета Федерации, так и для депутатов Государственной Думы.

В соответствии с ч. 3 ст. 27 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» конституционный (уставный) суд субъекта Российской Федерации рассматривает отнесенные к его компетенции вопросы в порядке, установленном законом субъекта Российской Федерации. Таким образом, законодатель субъекта федерации вправе самостоятельно определить круг лиц, уполномоченных направлять запросы в региональный орган конституционной юстиции, в том числе в порядке абстрактного нормоконтроля.

В настоящее время в подавляющем большинстве субъектов Федерации (в 17 из 18 субъектов) депутаты наделены правом обращаться в конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации с запросами о соответствии основному закону субъекта Федерации региональных или муниципальных правовых актов, а в 12 субъектах Федерации это право депутатов индивидуальное. Однако речь идет только о депутатах законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Федерации, местные депутаты правом направления запросов в конституционные (уставные) суды не наделяются. Единственное исключение составляет ст. 83 закона «Об уставном суде Калининградской области», согласно которой правом обращаться в уставный суд с запросом в порядке абстрактного нормоконтроля наделена *группа депутатов представительного органа местного самоуправления* численностью не менее пяти человек [2].

Индивидуальное право депутата направлять запрос в региональный орган конституционной юстиции прямо предусмотрено в ч. 1 ст. 101 Конституции Республики Адыгея, ч. 1 ст. 100 Конституции Республики Бурятия, ст. 93 Конституции Республики Дагестан, ч. 2 ст. 122 Конституции Кабардино-Балкарской Республики, ч. 3 ст. 95 Конституции Республики Марий-Эл. Кроме того, в ряде субъектов Российской Федерации соответствующее право закреплено в специальных законах субъектов Российской Федерации о конституционных (уставных) судах. Это, в частности Республика Башкортостан, Республика Карелия, Республика Якутия, Калининградская, Свердловская области и другие.

Незначительная группа субъектов Федерации (по аналогии с федеральным законодателем) предоставляет право обращения в конституционный (уставный) суд субъекта только группе депутатов (Республика Ингушетия, Республика Коми, Республика Татарстан, Республика Тыва и город федерального значения Санкт-Петербург. Так, для обращения с запросом в Конституционный суд Республики Татарстан необходима группа депутатов численностью не менее одной пятой от состава Государственного Совета Республики Татарстан (при этом, в отличие от остальных субъектов РФ, правом обращаться Конституционный суд Республики Татарстан наделяется также президиум и комитеты Государственного Совета). Аналогичное правило применяется в Санкт-Петербурге, где с запросом может обратиться только группа депутатов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга численностью не менее пяти человек.

Примечательно, что и в Татарстане, и особенно в Санкт-Петербурге граждане существенно ограничены в своем праве обращаться в региональный орган конституционной юстиции. Так, в Санкт-Петербурге гражданин может обратиться за защитой своих прав, нарушенных нормой только закона Санкт-Петербурга (а не какого-либо иного правового акта), примененной или подлежащей применению в конкретном деле, рассмотрение которого завершено или начато в суде.

Неясный случай представляет собой законодательство Республики Тыва, где Конституция предоставляет одной трети депутатов Верховного Хурала (парламента) право обращаться в Конституционный суд Республики Тыва, в то же время закон «О Конституционном суде Республики Тыва» не называет депутатов в качестве субъектов обращения в суд. Это тем более удивительно, что в Конституционном суде Республики Тыва имеется практика рассмотрения запросов депутатов [5], а статья 82 закона «О Конституционном суде Республики Тыва» – «Право на обращение в Конституционный суд Республики Тыва» первоначально, до внесения изменений, содержала юридически весьма спорное положение о «праве палаты Великого Хурала Республики Тыва вносить запросы в Конституционный суд, если данное решение принято одной третью депутатов Законодательной палаты или одной пятой депутатов Палаты представителей». В настоящий момент наблюдается прямое несоответствие закона Республики Тыва конституции субъекта, которое на практике

разрешается путем прямого использования норм Основного Закона.

Индивидуальное право подачи депутатом запроса приобретает еще большую значимость в тех субъектах Федерации, где право граждан подавать запросы в конституционный (уставный) суд ограничивается. Получается, что депутат остается единственным прямым представителем избравшего его населения и именно к нему будут обращаться граждане, чьи права нарушены тем или иным региональным или местным актом. Поэтому так важно, чтобы у депутата была реальная возможность оспаривать в конституционном (уставном) суде соответствующие правовые акты, защищая права и интересы граждан.

Единственным субъектом Российской Федерации, не предоставившим депутату право направлять запросы в орган конституционной юстиции в принципе, является Челябинская область.

В отличие от общей тенденции законодатель Челябинской области не только лишил отдельного депутата права инициировать рассмотрение дел судом, но и существенно усложнил подачу запросов гражданами. Так последние уполномочены направлять запросы в уставный суд Челябинской области только в случае, когда оспариваемая ими норма уже применена в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде. Такой подход законодателя является недемократичным, так как снижает доступность конституционного правосудия.

Неэффективность подхода законодателя Челябинской области становится очевидной с учетом анализа практики направления запросов депутатами представительных (законодательных) органов в конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации (результаты которого ниже в таблице 1).

Как убедительно доказывают статистические данные, практика направления запросов депутатами в органы конституционной юстиции субъекта Федерации достаточно обширна и разнообразна (в отличие, например, от федеральной практики, где нами выявлено всего 41 обращение депутатов в Конституционный суд РФ). Практически во всех субъектах Российской Федерации (кроме Республики Чечня и Республики Северная Осетия (Алания) региональные депутаты регулярно пользуются своим правом направлять запросы в конституционные (уставные) суды. При этом требование законодателя о групповом обращении депутатов в отдельных субъек-

Представленность института обращений депутатов представительных (законодательных) органов субъектов Российской Федерации в порядке абстрактного нормоконтроля в действующих конституционных (уставных) судах субъектов Российской Федерации

№ п/п	Наименование субъекта Российской Федерации	Формулировка и статья соответствующего закона субъекта Российской Федерации о конституционном (уставном) суде, предусматривающая право депутатов на подачу запроса	Кол-во рассмотренных запросов депутатов
1.	Кабардино-Балкарская Республика	депутаты Парламента Кабардино-Балкарской Республики (ст. 68)	2
2.	Калининградская область	каждый депутат областной думы, <i>группа депутатов представительного органа местного самоуправления численностью не менее пяти человек</i> (ст. 83)	7
3.	Республика Адыгея	депутаты Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея (ст. 82)	5
4.	Республика Башкортостан	депутаты Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан (ст. 39)	8
5.	Республика Бурятия	депутат Народного Хурала Республики Бурятия (ст. 31)	1
6.	Республика Дагестан	депутаты Народного Собрания Республики Дагестан (ст. 93)	4
7.	Республика Ингушетия	<i>не менее одной трети</i> депутатов Народного Собрания Республика Ингушетия (ст. 80)	1
8.	Республика Карелия	депутаты Законодательного Собрания Республики Карелия (ст. 34)	10
9.	Республика Коми	<i>одна десятая</i> от числа избранных депутатов Государственного Совета Республики Коми (ст. 78)	2
10.	Республика Марий Эл	депутат (группа депутатов) Государственного Собрания Республики Марий Эл (ст. 80)	1
11.	Республика Саха (Якутия)	народный депутат Республики Саха (Якутия) (ст. 96)	11
12.	Республика Северная Осетия (Алания)	депутаты Парламента Республики Северная Осетия-Алания (ст. 68)	0
13.	Республика Татарстан	<i>одна пятая</i> от установленного числа депутатов Государственного Совета Республики Татарстан (ст. 81)	6
14.	Республика Тыва	<i>одна треть</i> депутатов Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва (ст. 119 Конституции)	2
15.	Санкт-Петербург	<i>группа депутатов</i> Законодательного Собрания Санкт-Петербурга численностью не менее пяти человек (ст. 72)	30
16.	Свердловская область	депутаты Законодательного Собрания Свердловской области (ст. 83),	9
17.	Челябинская область	<i>право депутатов направлять обращения в уставный суд Челябинской области не предусматривается</i>	0
18.	Чеченская Республика	депутаты Парламента Чеченской Республики (ст. 85)	0
Итого запросов депутатов			99

ектах не является препятствием для активного использования комментируемого права. Нами выявлено, например, 30 дел, рассмотренных уставным судом Санкт-Петербурга по запросам региональных депутатов (отметим, что при составлении таблицы нами не учитывались обращения, направленные местными депутатами в порядке конкретного нормоконтроля).

Практика направления запросов в конституционные (уставные) суды субъектов РФ наглядно свидетельствует о востребованности и актуальности данного полномочия депутатов. Право депутатов направлять запросы в органы конституционной юстиции, конечно, не является для них основным и систематически используемым, хотя бы в силу специфики компетенции последних. Однако в силу высокого статуса народных избранников и, как правило, особой общественной значимости поднимаемых ими проблем направление запросов депутатами в конституционные (уставные) суды субъектов Федерации является эффективным средством защиты прав граждан и обеспечения режима законности.

Судебные дела, инициированные депутатами, не только широко обсуждаются об-

ществом (в том числе средствами массовой информации), но зачастую имеют серьезные и масштабные правовые последствия, так как решения конституционных (уставных) судов носят прецедентный характер и затрагивают права неограниченно широкого круга лиц.

Индивидуальное право депутата направлять запросы в орган конституционной юстиции в полной мере отвечает его правовой природе как представителя народа и способствует поддержанию режима законности и правопорядка в регионе. Именно поэтому мы считаем необходимым повсеместно предоставлять депутату представительного (законодательного) органа индивидуальное право обращаться в орган конституционной юстиции субъекта Российской Федерации. Реализовать данное предложение можно путем внесения соответствующих изменений в законы субъектов Федерации о конституционных (уставных) судах субъектов либо включением соответствующих формулировок в рамочный федеральный закон «О конституционных (уставных) судах субъектов Российской Федерации» в случае его принятия.

1. Закон Челябинской области от 27.10.2011 № 220–ЗО «Об Уставном суде Челябинской области» // Южноуральская панорама. 2011. 15 ноября. № 277 (спецвыпуск № 64).

2. Закон Калининградской области от 02.10.2000 № 247 «Об Уставном суде Калининградской области» // Официальный сайт уставного суда Калининградской области <http://www.ustavsudklgd.ru/laws/law>.

3. Определение Конституционного суда РФ от 13 ноября 1995 года № 72-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности закона Кабардино-Балкарской Республики «О временных мерах по обеспечению общественного порядка и безопасности на территории Кабардино-Балкарской Республики» // Конституционный суд Российской Федерации: Постановления. Определения. 1992 – 1996. М.: Новый юрист. 1997.

4. Определение Конституционного суда РФ от 4 марта 2004 года № 90-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности пункта 7 статьи 2 Федерального закона «О соглашениях о разделе продукции». // Вестник Конституционного суда РФ. 2004. № 5.

5. Постановление Конституционного суда Республики Тыва от 28.07.2010 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 3 статьи 1 закона Республики Тыва от 6 июля 2006 года № 1889 ВХ-1 «О денежном содержании и поощрении лиц, замещающих государственные должности Республики Тыва и должности государственных гражданских служащих Республики Тыва» в связи с запросом группы депутатов Палаты представителей Великого Хурала Республики Тыва». // Тувинская правда. 2010. 3 августа. № 96.

6. Гранкин И.В. Парламент России. Изд. 2-е, дополненное. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2001.

7. Джагарян А.А. Депутат Государственной Думы – самостоятельный субъект обращения в Конституционный суд Российской Федерации. // Право и политика. 2006. № 1.

8. Конституционный судебный процесс [Текст]: Учебник для вузов / отв. ред. д.ю.н., проф. М.С. Са-ликов. М.: Норма, 2003.

9. Конституция Российской Федерации. Научно-практический комментарий. 3-изд. [Текст] / Под ред. Б.Н. Топорнина. М.: Юрист, 2003.

10. Слюсенко, С.В. Компетенция Конституционного Суда Приднестровской Молдавской Республики по делам о проверке конституционности правовых актов в порядке абстрактного конституционного контроля [Текст] / С.В. Слюсенко // Некоторые аспекты конституционной юстиции. Сборник научно-практических статей. Тирасполь, 2005.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СООТНОШЕНИЯ ЧИНОВ, ЗВАНИЙ И РАНГОВ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 35.084.7

Е.В. ЕЛФИМОВА

Реформированию и развитию государственной службы России в настоящее время уделяется большое внимание. Совершенствование системы государственной службы Российской Федерации является приоритетным направлением государственной политики, что отражено в Указе Президента Российской Федерации от 10 марта 2009 года № 261 «О федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009 – 2013 годы)» [8] (далее – Программа), который целенаправленно развивает «Концепцию реформирования системы государственной службы Российской Федерации» (далее – Концепция) [11]. Программа и Концепция среди ключевых задач реформирования государственной службы определяют: обеспечение взаимосвязи различных видов государственной службы; внедрение правила, в соответствии с которым длительное, безупречное и эффективное исполнение государственным служащим своих должностных обязанностей должно учитываться при назначении его на вышестоящую должность, присвоении ему воинского или специального звания, классного чина, дипломатического ранга или при поощрении и др.

В соответствии со статьей 2 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» система Федеральной государственной службы включает в себя 3 вида государственной службы [4]:

- государственная гражданская служба;
- военная служба;
- правоохранительная служба.

Одним из существенных признаков государственной службы является замещение государственным служащим (далее – служащим) соответствующей государственной должности и наличие у него классного чина, дипломатического ранга, воинского или специального звания (далее – чин, ранг, звание), присвоенного в определенном порядке в зависимости от вида государственной службы, которую проходит служащий.

Прохождение государственной службы,

карьерный рост служащего, выражающийся в замещении вышестоящих должностей и присвоении более высоких чинов, званий и рангов не всегда осуществляется в том государственном органе, где служащий начал свою карьеру. Нередко служащий переходит из одного органа в другой и продолжает службу на новом месте. При этом имеющийся у него чин (ранг, звание), присвоенный по-прежнему месту службы, должен быть учтен по новому месту службы.

Действующим законодательством устанавливается взаимосвязь различных видов государственной службы и необходимость обеспечения единого подхода к организации всех видов государственной службы. В частности, указанное требование содержится в статье 3 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (далее – Закон о системе государственной службы) [4], в статье 6 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее – Закон о гражданской службе) [3], а также в части 1 статьи 5 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о службе в ОВД) [1].

Однако требования, предъявляемые законодательством к присвоению званий, чинов и рангов на различных видах государственной службы не являются едиными, в связи с чем возникают препятствия при поступлении (переводе) служащего на иной вид государственной службы в части возможного приравнивания имеющегося чина к соответствующему званию либо рангу.

В соответствии с пунктом 12 статьи 11 Закона о гражданской службе порядок присвоения и сохранения чинов, их соотношение со званиями определяются Указом Президента Российской Федерации. Данным Указом Президента Рос-

сийской Федерации от 7 июня 2011 г. № 720 «О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» утверждена таблица соотношения классов чинов федеральной государственной гражданской службы, воинских и специальных званий, классов чинов юстиции (далее – таблица соотношения) [7]. При этом учитываются требования Положения о порядке присвоения и сохранения классов чинов государственной гражданской службы Российской Федерации федеральным государственным гражданским служащим (далее – Положение), утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 1 февраля 2005 г. № 113 «О порядке присвоения и сохранения классов чинов государственной гражданской службы Российской Федерации федеральным государственным гражданским служащим» [9].

В соответствии с пунктом 3 статьи 13 Закона о системе государственной службы при переводе служащего с государственной службы одного вида на государственную службу другого вида ранее присвоенный чин, ранг или звание, а также период пребывания в соответствующем чине, ранге или звании должен учитываться при присвоении чина, ранга или звания по новому виду государственной службы в соответствии с федеральными законами о видах государственной службы и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Таким нормативным правовым актом является Положение, которое в пункте 5 определяет, что при присвоении первого классового чина гражданской службы служащему учитываются воинское или специальное звание, классовый чин юстиции, присвоенные служащему на прежнем месте государственной службы Российской Федерации.

Однако ни Федеральный закон о системе государственной службы, ни Закон о государственной гражданской службе не содержат указания на то, что в случае поступления гражданина, имеющего воинское и специальное звание, на государственную гражданскую службу Российской Федерации ему должен присваиваться классовый чин, соответствующий имеющемуся у гражданина воинскому или специальному званию.

В таком случае необходимо руководствоваться пунктом 3 статьи 13 Закона о системе государственной службы, в котором устанавливается необходимость учитывать ранее присвоенный чин, ранг,

или звание, при присвоении не «классных чинов», а классового чина по новому виду государственной службы, и этот чин или звание учитывается при присвоении только первого классового чина гражданской службы. Такая позиция подтверждена и судебной практикой [12]. То есть, при поступлении на гражданскую службу служащему присваивается первый классовый чин в зависимости от группы должностей гражданской службы, к которой относится должность, замещаемая служащим. Необходимо отметить, что в соответствии с пунктом 6 Положения первыми классовыми чинами во всех группах должностей гражданской службы являются чины третьего класса.

Первый классовый чин гражданской службы присваивается федеральному гражданскому служащему, не имеющему классового чина гражданской службы и замещающему должность гражданской службы. Присвоение очередных классовых чинов производится уже не при переводе служащего с одного вида службы на другой, а при дальнейшем прохождении государственной гражданской службы.

При этом если в соответствии с таблицей соотношения классовый чин, который должен быть присвоен служащему в соответствии с замещаемой им должностью, ниже имеющегося у служащего воинского или специального звания, классового чина юстиции, то служащему присваивается классовый чин на одну ступень выше того классового чина, который должен быть ему присвоен.

Таким образом, законодательством предусмотрена возможность учета имеющегося у гражданина звания, ранга или чина в случае поступления на государственную гражданскую службу при присвоении ему классового чина. При этом в соответствии с частью 1 статьи 11 Закона о гражданской службе классовые чины гражданской службы присваиваются служащим в соответствии с замещаемой должностью в пределах группы должностей гражданской службы.

В части 1 статьи 11 Закона о государственной гражданской службе, пункте 2 статьи 13 Закона о системе государственной службы определены принципы и общие условия присвоения чинов, рангов и званий, в соответствии с которыми присвоение служащему классового чина должно производиться не только в соответствии с замещаемой им должностью государственной службы, но должно обеспечивать последо-

вательное присвоение классного чина по прошествии установленного законом времени пребывания в предыдущем классном чине после его присвоения.

Однако при определенных обстоятельствах классный чин может присваиваться без соблюдения последовательности и без учета продолжительности гражданской службы в предыдущем классном чине. Так, в случае назначения служащего на должность гражданской службы, которая относится к более высокой группе должностей гражданской службы, чем замещаемая им ранее, указанному служащему может быть присвоен классный чин, являющийся первым для этой группы должностей гражданской службы, если этот классный чин выше классного чина, который имеет служащий.

Установленный законодательством о государственной гражданской службе порядок весьма схож с тем, что применяется на военной службе [5; 10] и на службе в органах внутренних дел [1]. Однако на государственной гражданской службе поступление на должность определенной группы может дать служащему возможность получить классный чин, минуя все нижестоящие. Например, молодой талантливый специалист после вуза при назначении на «высокую» должность государственной гражданской службы вправе претендовать на классный чин, соответствующий данной должности.

Такое положение подвергается обоснованной критике со стороны специалистов, которые говорят о возможности некоего «бокового входа» на государственную гражданскую службу и приобретении не выслуженного годами служебного статуса, что является известным отступлением от принципов карьерной службы и ставит существенные препятствия для возможной переемственности из классного чина в воинское или специальное звание при переходе государственного служащего из одного вида службы на другой [13, с. 106–112].

Обоснованно отмечается, что это несколько противоречит принципу постепенного поэтапного карьерного роста государственного служащего и общему принципу единства государственной службы Российской Федерации [14, с. 23].

Таким образом, на сегодняшний день должность государственной гражданской службы позволяет присвоить служащему классный чин без соблюдения последовательности и без учета продолжительности гражданской службы в предыдущем клас-

сном чине, то есть, минуя при этом все нижестоящие чины. А затем при поступлении на государственную службу иного вида, в соответствии с таблицей соотношения, служащий вправе будет претендовать на соответствующее звание, в случае если предлагаемая ему должность будет позволять присвоение такого звания. Причем ни на военной службе, ни на службе в органах внутренних дел невозможно присвоение званий без учета последовательности.

Рассматриваемая ситуация, по нашему мнению, противоречит статье 3 Закона о системе государственной службы, в соответствии с которой одним из основных принципов построения и функционирования системы государственной службы является единство правовых и организационных основ государственной службы, предполагающее законодательное закрепление единого подхода к организации государственной службы. Требования, предъявляемые действующим законодательством к присвоению званий, чинов и рангов на различных видах государственной службы, на сегодняшний день не являются едиными для всех видов государственной службы в их взаимосвязи.

С учетом вышеизложенного, в целях закрепления единого подхода к организации государственной службы, необходимо установить последовательность при присвоении классных чинов государственной гражданской службы. А в качестве меры поощрения в случае особых личных заслуг установить возможность присвоения классного чина досрочно или на одну ступень выше классного чина, который предусмотрен по замещаемой должности. Представляется, что такое поощрение следует применять не более одного-двух раз за весь период службы. Подобная мера поощрения предусмотрена при прохождении службы в органах внутренних дел [6].

Помимо изложенной проблемы, видится еще одна, не менее важная. Так, имеющаяся таблица соотношения чинов и званий не согласуется с положениями статьи 13 Закона о системе государственной службы и статьи 5 Закона о службе в ОВД, в которых устанавливается возможность учета не только чинов и званий, но и рангов.

Однако имеющаяся таблица соотношения не включает в своё содержание дипломатические ранги, которые присваиваются дипломатическим работникам в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации [2].

Таким образом, в настоящее время отсутствует нормативное закрепление соотношения рангов со званиями и чинами.

Учитывая изложенное, в целях актуального соотношения чинов, званий и рангов с учетом квалификационных требований к должностям на различных видах государственной службы следует дополнить имеющуюся таблицу соотношения чинов и званий ещё и дипломатическими

рангами, которые присваиваются в Министерстве иностранных дел Российской Федерации.

Указанные предложения по совершенствованию законодательства позволят выработать единый подход к обеспечению соотношения чинов, званий и рангов на различных видах государственной службы Российской Федерации и устранят имеющуюся несогласованность в этой сфере.

1. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 49, ч. 1. Ст. 7020.

2. Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации: Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 205-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31. Ст. 4174.

3. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (в ред. Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ, Постановлений Конституционного суда Российской Федерации от 22 ноября 2011 г. № 25-П, от 15 ноября 2012 г. № 26-П) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215.

4. О системе государственной службы Российской Федерации: Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ (в ред. Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 419-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 22. Ст. 2063.

5. О воинской обязанности и военной службе: Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (в ред. Федерального закона от 8 декабря 2011 г. № 424-ФЗ, с изм., внесенным Федеральным законом от 23 декабря 2003 г. № 186-ФЗ, Постановлением Конституционного суда Российской Федерации от 20 апреля 2009 г. № 7-П) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 13. Ст. 1475.

6. Вопросы прохождения службы сотрудниками органов внутренних дел: Указ Президента Российской Федерации от 22 ноября 2012 г. № 1575 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 48. Ст. 6668.

7. О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 7 июня 2011 г. № 720 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 24. Ст. 3408.

8. О федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)»: Указ Президента Российской Федерации от 10 марта 2009 г. № 261 (в ред. Указов Президента РФ от 12 января 2010 г. № 59, от 10 августа 2012 г. № 1156) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 11. Ст. 1277.

9. О порядке присвоения и сохранения классных чинов государственной гражданской службы Российской Федерации федеральным государственным гражданским служащим: Указ Президента Российской Федерации от 1 февраля 2005 г. № 113 (в ред. Указа Президента Российской Федерации от 16 ноября 2011 г. № 1504) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 6. Ст. 440.

10. Вопросы прохождения военной службы: Указ Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237 (в ред. Указа Президента РФ от 13 ноября 2012 г. № 1525) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 38. Ст. 4534.

11. Концепция реформирования системы государственной службы Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 15 августа 2001 г. // Текст Концепции официально опубликован не был.

12. Об оставлении без изменения решения Верховного суда Российской Федерации от 28 ноября 2011 г. № ГКПИ11-1773, которым было оставлено без удовлетворения заявление о признании недействующими пунктов 13 и 22 Положения о порядке присвоения и сохранения классных чинов государственной гражданской службы Российской Федерации федеральным государственным гражданским служащим, утвержденным Указом Президента РФ от 1 февраля 2005 г. № 113: Определение Верховного суда Российской Федерации от 14 февраля 2012 г. № КАС12-15 // Текст Концепции официально опубликован не был.

13. Граждан, В.Д. Государственная гражданская служба [Текст] / В.Д. Граждан. М.: ЮрКнига, 2005. 476 с.

14. Попов, А.П. Государственная и муниципальная служба в России: Проблемы и перспективы [Текст] / А.П. Попов. М., 2005. 123 с.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ТРУДА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ ВИДЕНИЕ

УДК 342.734

В.А. ВАСИЛЬЕВ

Российский конституционализм конца XIX – начала XX века характеризуется тем, что дореволюционное (государственное) право отражало переход страны от абсолютной к конституционной монархии (1905 г. – февраль 1917 г.), а затем к парламентской республике (февраль – октябрь 1917 г.).

После издания семнадцатого октября 1905 г. Николаем II Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» (в дальнейшем – Манифест), провозгласившего создание бессловесного законодательного органа (Государственной Думы), ограничившего власть императора, принятия 23 апреля 1906 г. основных законов, а также последующих правовых актов, было положено начало конституционному развитию страны.

Принимаемые в тот период меры по совершенствованию государственного порядка при всей их значимости не могли дать тех результатов, на которые рассчитывали авторы реформ. В значительной степени они носили незавершенный характер, давали основания для критики. Провозглашая незабываемость основ гражданской свободы, Манифест ничего не говорил о свободе труда, о праве на отдых. Свобода личности в обществе, построенном государством, невозможна без свободного труда, который неотделим от формы привлечения к труду. В дореволюционной России рабочий день в соответствии с законом «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской и горной промышленности» от 2 июня 1897 г. составлял 11,5 часов. Нередко его продолжительность превышала установленную норму рабочего времени, поскольку применение санкций за нарушения этой нормы законодательством не предусматривалось. Не было предусмотрено предоставление рабочим ежегодного отпуска. С учётом представительства по

профессиональному признаку в Государственной Думе Российской империи первого созыва нельзя назвать уверенным, что вопросы, связанные со свободой труда, в случае вынесения их на обсуждение вызвали бы живой интерес у депутатов. Из 499 депутатов было 17 фабричных рабочих, 121 земледelec, 46 помещиков и управляющих имениями, 73 земских, городских и дворянских служащих, 39 адвокатов, 14 торговцев, 17 фабрикантов, 19 врачей, 7 инженеров, 16 профессоров и приват-доцентов, 3 преподавателя гимназий, 11 журналистов и 9 лиц неизвестных занятий [1]. Избирательных прав были лишены лица моложе 25 лет, учащиеся, женщины и некоторые другие категории граждан.

После Февральской революции 1917 г. в условиях резкого изменения соотношения классовых и политических сил в стране, усиления рабочего и профсоюзного движения стало возможным реформирование трудового законодательства, развитие представительства в сфере труда. В марте 1917 г. было достигнуто соглашение между Петроградским Советом рабочих депутатов и обществом фабрикантов и заводчиков об установлении 8-часового рабочего дня и 7-часового рабочего дня накануне воскресений без уменьшения оплаты труда. Двадцать третьего апреля 1917 г. Временным правительством было принято постановление «О рабочих комитетах в промышленных заведениях». Рабочие комитеты на предприятиях могли создаваться по предложению не менее 1/10 общего числа работников, они осуществляли представительство рабочих перед администрацией по вопросам заработной платы, рабочего времени, правил внутреннего распорядка и т.п. Было узаконено участие рабочих комитетов в составлении правил внутреннего распорядка. После установления Советской власти в безотлагательном порядке стало

формироваться новое трудовое законодательство. Был принят блок правовых норм, которые и сегодня, несмотря на принимаемые меры по изменению Трудового кодекса РФ (ТК РФ), составляют золотой фонд трудового законодательства. Речь идет о восьмичасовом рабочем дне, регулировании труда женщин, несовершеннолетних и других работников.

Сравнивая процесс общественного развития в период конца XIX – начала XX в. до Октябрьской революции с современным этапом преобразований, нельзя не отметить общие черты. Речь идёт не только о связи времён, но и об осуществлении государственного переустройства с учётом положительного опыта, накопленного Европейским сообществом, мировой цивилизацией.

При этом важно, чтобы осуществлялось согласование интересов населения страны, что происходит далеко не всегда. Обычно связующим звеном между государством и обществом выступают политические партии. Но, как обоснованно отмечается учеными, в России политические партии практически не выполняют функции представительства, группы интересов не институционализированы и действуют в рамках социальных сетей, создавая предпосылки для развития коррупции и различных неформальных практик [6]. Работа по организации проведения смешанных выборов, использованию представительной и партиципаторной моделей демократии находится в начальной стадии.

В определенной степени этим можно объяснить активно проводимую работу Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) о внесении изменений в ТК РФ, предусматривающих 60-часовую рабочую неделю, сокращение срока обязательного предупреждения сотрудников об увольнении, возможности изменения условий договора с работниками по экономическим причинам и др. Эти предложения РСПП не отличаются особой новизной. История свидетельствует, что были более жесткие подходы к решению вопросов о принудительном труде. В первые годы Советской власти принудительность, как и всеобщность труда, рассматривались теоретиками строительства социалистического общества России партийными органами как способ решения производственных и социальных проблем. В современных условиях такие идеологические установки можно было бы отнести к числу «преданий старины глубокой».

Принудительный труд запрещен как ст. 37 Конституции РФ и ТК РФ (ст. 2), так и Международными актами, в частности, ратифицированными Российской Федерацией Конвенцией МОТ №29 «О принудительном труде» 1930 г., Конвенцией МОТ № 105 «Об упразднении принудительного труда» 1957 г. Трудовые права и свободы призваны защищать работников от произвола работодателей, способствуют защите их прав и законных интересов.

К сожалению, реалии таковы, что на многих предприятиях уже сегодня работники вынуждены трудиться по 12 часов в день. По данным РСПП, восемь миллионов россиян перерабатывают на основном рабочем месте. Кто-то добровольно, а кто-то принудительно [2]. Далеко не во всех случаях оформляется договор внутреннего совместительства.

Проблема повышения производительности труда в меньшей степени должна компенсироваться изменениями Трудового кодекса, а в большей степени – системной мерой и мероприятий по преодолению экономического и технологического отставания России. Кризис представительной демократии характерен для участия работников в сфере труда. Право работников на участие в управлении организациями, где они работают, не только не реализовано в полной мере, оно не провозглашено в Конституции РФ. В ст. 32 Основного Закона определено, что граждане нашей страны имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей. Когда государство было единственным собственником, то предполагалось, что, участвуя в управлении делами государства, граждане и их представители участвуют и в управлении народным хозяйством, в том числе предприятиями и организациями. В условиях рыночной экономики в Конституции РФ должно быть предусмотрено право работников на участие в управлении организациями, где они работают. Нельзя не учитывать прослеживающуюся тенденцию к сокращению профсоюзного членства. Кроме того, наша страна единственная в мире, где в один профсоюз могут вступать работники и работодатели. Это позволяет представителям менеджмента блокировать многие полезные инициативы коллективов работников. Помимо профсоюзов, должны быть другие представительные органы.

На многих предприятиях, в организациях созданы совместные органы из

представителей работников, представителей администрации (производственные, наблюдательные и другие советы). Они не всегда имеют возможность осуществлять представительную функцию, их деятельность зачастую носит декларативный характер. В законодательном порядке не решён ряд вопросов, связанных с порядком формирования советов, их правами и обязанностями. Если, например, от двухтысячного коллектива два работника избраны в такой совет, то формально можно говорить о наличии представительства, хотя реальность представления интересов коллектива будет ничтожно мала.

Зарубежный опыт свидетельствует о необходимости более тщательной проработки этих вопросов. В Германии по закону о статусе предприятия от 1952 г. на предприятии с числом занятых от 500 до 2000 человек одна треть представителей в наблюдательном совете избирается его работниками, если работающих более четырех тысяч, то им отдается половина мест [4]. Аналогичным образом решаются вопросы организации деятельности таких советов в Австрии, Бельгии, Франции и др. Конечно, нормы, о которых идет речь, можно закрепить в локальных актах. Но, во-первых, это будет иным уровнем гарантий осуществления представительства и защиты работников. Во-вторых, в России не сложилась практика разработки на предприятиях таких правовых механизмов защиты. Статьей 52 ТК РФ определено, что право работника на участие в управлении организацией регулируется, помимо Кодекса и иных федеральных законов, учредительными документами организации. Многие работодатели не видят смысла в их принятии, поскольку это связано с усилением внутреннего контроля за их деятельностью. Поэтому закрепление в Конституции РФ права работников на участие в управлении организациями способствовало бы реализации конституционных прав и свобод в сфере труда.

После принятия в 1993 г. Конституции РФ прошло более 19 лет. Её нельзя отнести к числу молодых. За это время выросло новое поколение, у которого сложились новые представления о решении экономических, социальных вопросов. Поскольку принятие новой Конституции РФ или поправок к ней становится реальностью (учеными предлагаются макеты нового Основного Закона), в ходе такой работы должно быть уделено внимание правам и свободам человека в сфере труда.

Анализ статьи 37 Основного Закона позволяет заключить, что она наделяет граждан правами на отказ от трудовой деятельности, поскольку в ней закреплено, что труд свободен. В конституциях большинства европейских стран закреплены не свобода труда, а право на труд. Наличие у субъекта конституционных правоотношений свободы выбора означает, что он может делать все, что не приносит вреда другим, обществу или государству. Государство в данном случае осуществляет контрольную функцию. По образному определению В.Е. Чиркина, свобода труда означает возможность работать или не работать. Право на труд предполагает возможность работать [5]. Право на труд закреплено в целом ряде международных актов. Как отмечалось, впервые оно было закреплено во Всеобщей Декларации прав человека, принятой 10 декабря 1948 г. В ст. 6 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1999 г. закреплено, что участвующие в нем государства признают право на труд, которое включает право на жизнь трудом, который он свободно выбирает или на который он свободно соглашается, и предпримут надлежащие шаги к обеспечению этого права.

В Конституциях СССР 1936 г. и РСФСР 1937 г. было закреплено право на труд, означавшее право на получение гарантированной работы в соответствии с его количеством и качеством (соответственно ст. 118 и 122). В ст. 40 Конституции СССР 1977 г. названная редакция претерпела изменения. В ней было закреплено не только право на труд, но и на оплату не ниже установленного государством минимального размера оплаты труда, а также на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями и с учётом общественных потребностей. В ст. 38 Конституции РСФСР 1978 г. так же, как и в Конституции СССР 1977 г., право на труд раскрывалось как право выбирать или соглашаться на труд в соответствии с призванием, способностями, образованием и с учётом общественных потребностей. Большинство конституций европейских государств закрепляют право на труд. В условиях российской действительности, особенно с учетом периодических кризисов в экономике, защите конституционных прав и свобод в социально-трудовой сфере способствовало бы закрепление в Конституции РФ, помимо свободы труда, права на труд.

Неоднозначную оценку вызывает точка зрения авторов названной коллективной работы «Национальная идея России» о необходимости дополнения главы Конституции РФ «Права и свободы человека и гражданина» их обязанностью трудиться, о провозглашении и реализации принципа взаимной ответственности государства и личности.

Наряду с изложением в Конституции РФ прав и свобод должно быть определение обязанностей тех, на кого права и свободы распространяются. Обязанность осуществлять трудовую деятельность предусматривают Конституция Итальянской Республики от 22 декабря 1974 г., Конституция Японии от 3 ноября 1949 г. и некоторых других стран.

Заслуживает внимания редакция статей, предусматривающая обязанность граждан трудиться. Например, ст. 4 Конституция Итальянской Республики гласит: «...каждый гражданин в соответствии со своими возможностями и по своему выбору обязан осуществлять деятельность или выполнять функции, способствующие материальному или духовному развитию общества». Предусматривая обязанность трудиться, статья определяет широкий диапазон возможностей для осуществления этой деятельности [3].

Сложнее обстоит дело с ответственностью за невыполнение или ненадлежащее выполнение обязанностей. Авторы не оговаривают, о какой ответственности должна идти речь: о моральной – перед обществом, административной или уголовной. В этой связи нельзя вспомнить о печально известных мерах по борьбе с тунеядством. Четвертого мая 1961 г. в соответствии со ст. 12 Конституции СССР 1936 г., провозглашавшей, что труд является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина, был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни». Уголовным кодексом РСФСР 1960 г. была установлена ответственность за бродяжничество, попрошайничество, ведение иного паразитического образа жизни (ст. 209).

Сегодня вряд ли возможен возврат к мерам уголовно-правового характера. Выход из ситуации видится не в применении мер ответственности к безработным, а в использовании экономических рычагов, модернизации производства, сокращении разрыва в материальном обеспечении высокооплачиваемых и низкооплачиваемых категории работников.

1. Ведомости СПб. градоначальства. 18 октября 1905 г.

2. Гонтмахер, Е. Нынешний Трудовой кодекс оторван от жизни [Электронный ресурс] / Е. Гонтмахер. [http://k.p.ru/artikle\(1245894\758355\)](http://k.p.ru/artikle(1245894\758355)) (дата обращения: 29.03.2013).

3. Избранное. Конституции зарубежных стран: учеб. пособие для бакалавров. Б.А. Страшун. М., 2012. С. 220.

4. Хоффер, Ф. Профсоюзы и советы предприятий [Электронный ресурс] / Ф. Хоффер. [polize\polis\narod.ru/1993/103679/htm](http://polize.polis.narod.ru/1993/103679/htm) (дата обращения: 29.03.2013).

5. Чиркин В.Е. Конституционное право в Российской Федерации. М.2001.С.198–199

6. Якунин, В.И. Национальная идея России в б т. [Текст] / В.И. Якунин, С.С. Сулакшин, В.Э. Багда-сарян и др. Т. 6.М., 2012. С. 4130.

ОМБУДСМЕНЫ, СОДЕЙСТВУЮЩИЕ ЗАЩИТЕ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ*

Посвящается 25-летию Института философии и права Уральского отделения РАН

УДК 340.132.668.8

В.В. ЭМИХ

Институт омбудсмена получил широкое распространение в мире после Второй мировой войны и достаточно детально изучен в работах зарубежных и отечественных авторов. Активное создание специализированных омбудсменов, содействующих защите прав предпринимателей, началось с начала 90-х годов XX века. Исследования по вопросам деятельности данных омбудсменов не многочисленны и касаются преимущественно налоговых омбудсменов и корпоративных омбудсменов в контексте исследований организационных омбудсменов (Л. Рейф, А. Серрано, К. Айма, М. Рове, М. Симон и др.). В России в 2012 г. на федеральном уровне учреждена должность Уполномоченного по защите прав предпринимателей, происходит становление института уполномоченных по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации. Однако комплексные правовые исследования опыта применения концепции омбудсмена к отношениям с участием субъектов предпринимательской деятельности в отечественной юриспруденции отсутствуют.

Исследование опыта применения омбудсменовских и сходных с ними схем к обозначенным отношениям показало, что в большинстве государств, в которых функционируют омбудсмены, содействие защите прав предпринимателей осуществляют омбудсмены с общей компетенцией. Вместе с тем, все более активно содействие защите прав предпринимателей осуществляется специализированными омбудсменами, что соответствует общемировой тенденции по созданию омбудсменов с ограниченной компетенцией. Группа специализированных омбудсменов, содействующих защите прав предпринимателей, включает в себя: среди омбудсменов в публичном секторе – бизнес-омбудсменов, налоговых омбудсменов

и омбудсменов в сфере поставок; среди омбудсменов в частном секторе – отдельных саморегулируемых отраслевых омбудсменов и корпоративных омбудсменов. Многообразие омбудсменов, входящих в данную группу, обусловлено, прежде всего, тем, что один и тот же субъект предпринимательской деятельности может обладать различными статусами – например, он может одновременно выступать в роли лицензиата, налогоплательщика, потребителя услуг и др.

Институционализация концепции омбудсмена применительно к отношениям с участием субъектов предпринимательской деятельности осуществляется по двум схемам. В рамках первой схемы специализированные омбудсмены действуют наряду с омбудсменом общей компетенции. Например, в Испании наряду с Защитником народа функционирует Совет по защите прав налогоплательщиков в рамках Министерства экономики и финансов. Вторая схема предполагает наличие специализированных омбудсменов в отсутствие омбудсмена с общей компетенцией. В Канаде на федеральном уровне функционирует омбудсмен по вопросам государственных закупок и налоговых омбудсмен, однако омбудсмен с общей компетенцией не создан. Очевидным преимуществом первой схемы является возможность рассмотрения омбудсменом с общей компетенцией вопросов, не отнесенных к компетенции специализированных омбудсменов, то есть в данном случае концепция омбудсмена применима к более широкому кругу общественных отношений. Но в данном случае всегда возникает необходимость правовой регламентации разграничения компетенции соответствующих омбудсменов.

Анализ правового статуса омбудсменов, содействующих защите прав предпри-

*Статья подготовлена в рамках проекта «Правовой статус специализированных омбудсменов, содействующих защите прав предпринимателей, в зарубежных странах», поддержанного по результатам конкурса научных проектов молодых ученых и аспирантов УрО РАН 2013 г.

нимателей, позволил выявить следующие тенденции их развития.

Во-первых, очевидна тенденция дифференциации компетенции омбудсменов применительно к отношениям с участием субъектов предпринимательской деятельности, что способствует более эффективно функционированию данного института в сфере содействия защите прав предпринимателей. Критерии ограничения компетенции омбудсменов вариативны – характеристики заявителей, круг органов, действия (бездействие) которых обжалует заявитель, характер вопросов, разрешаемых омбудсменом. Создание узкоспециализированных омбудсменов, как правило, продиктовано объективными причинами, связанными с необходимостью дополнительного содействия разрешению споров в определенной проблемной сфере общественных отношений (например, в австралийских штатах развита сеть саморегулируемых омбудсменов в сфере энерго- и водоснабжения, содействующие, в том числе, защите прав малого бизнеса, в Канаде функционирует омбудсмен в сфере закупок), или с необходимостью защиты определенной группы предпринимателей, нуждающихся в дополнительной поддержке (например, при Административном управлении штата Висконсин (США) действует омбудсмен в сфере сертификации по делам малого бизнеса, владельцами которого являются женщины).

В сравнении с мировым опытом создания специализированных омбудсменов, содействующих защите прав предпринимателей, Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей обладает широкой компетенцией. Она распространяется на общественные отношения, возникающие между субъектами предпринимательской деятельности и федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления [3, ст. 2]. Представляется важным избегать чрезмерного расширения компетенции омбудсменов, ведь омбудсмен не должен подменять собой иные государственные институты, содействующие разрешению споров. Учреждение омбудсмена с подобной компетенцией свидетельствует скорее о несовершенстве в целом правоприменительной деятельности органов публичной власти и механизма государственной защиты прав предпринимателей в России.

Во-вторых, характерно сближение прав омбудсменов, содействующих защите прав

предпринимателей, с институтом альтернативного разрешения споров.

Активно развивается институт саморегулируемых отраслевых омбудсменов с целью разгрузки государственной системы разрешения споров и, прежде всего, судов. Данные омбудсмены рассчитаны преимущественно на потребителей – физических лиц, однако допускается возможность обращения к ним малого бизнеса, поскольку граждане и малый бизнес занимают зачастую сходное положение при предоставлении им услуг [2, с. 14-15]. Отдельные государства поддерживают подобных омбудсменов посредством их признания в качестве схем по альтернативному разрешению споров (например, в Австралии и Новой Зеландии). Более того, досудебное обращение к альтернативным способам разрешения споров становится обязательным по отдельным спорам. Финансирование деятельности саморегулируемых омбудсменов осуществляется за счет средств оказывающих услуги в определенной отрасли субъектов, присоединившихся к соответствующей омбудсменской схеме.

Несмотря на разную правовую природу используемых применительно к отношениям с участием предпринимателей институтов омбудсменов в публичном и частном секторе, их основной целью становится разрешение споров. Если омбудсмен в частной сфере пытается урегулировать спор и расследование жалобы и вынесения решения по жалобе для него – крайняя мера, то для омбудсмена в публичном секторе это обычный способ содействия разрешению спора. В то же время методы решения споров, характерные для омбудсменов в частном секторе, распространяются и на омбудсменов в публичном секторе. Так, медиаторские функции имеют, например, омбудсмен по вопросам закупок в Канаде, бизнес-омбудсмен в рамках Мичиганской корпорации экономического развития (США). Для омбудсменов, содействующих защите прав предпринимателей, в частном секторе становится допустимым вынесение при определенных условиях обязательных для исполнения решений.

В России, напротив, Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей по своему статусу приближается к государственному органу с императивными полномочиями, что нехарактерно для омбудсменов в целом. Значительно расширены полномочия по рассмотрению жалоб – указанному уполномоченному предоставлено, помимо иных прав, право обратиться в суд с ис-

ком о защите прав других лиц, в том числе группы лиц, обжаловать вступившие в законную силу судебные акты арбитражных судов [3, ст. 4] и по восстановлению нарушенных прав предпринимателей – в том числе, права приостанавливать акты местного самоуправления [3, ст. 5].

В-третьих, идет активный процесс вовлечения граждан в деятельность омбудсменов, содействующих защите прав предпринимателей. Представители общественности привлекаются как непосредственно для рассмотрения споров и реализации функций соответствующих омбудсменов, так и для осуществления контроля за их деятельностью.

Предусмотрено создание общественных советов [подробнее о роли консультативных общественных советов см.: 1] и общественных омбудсменов при Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по защите права предпринимателей [3] – по интеллектуальной собственности, по налогам, по антимонопольному законодательству, по строительству, по защите прав предпринимателей на рынке банковских услуг, по защите инвестиций за рубежом, по закупкам, по вопросам защиты малого и среднего предпринимательства, по вопросам банкротства, в сфере молодежного предпринимательства и другим направлениям.

Обеспечение деятельности Национального омбудсмена в рамках Администрации США по делам малого бизнеса осуществляется не только непосредственно Администрацией, но и подразделениями по справедливому регулированию в сфере малого бизнеса, создаваемыми в региональных офисах Администрации [5, sec. 30(c)]. Каждое подразделение состоит из пяти членов, являющихся собственниками или официальными лицами предприятий малого бизнеса, назначаемых главой Администрации. Члены подразделений выполняют их обязанности на безвозмездной основе. Подобная схема обеспече-

ния деятельности омбудсмена позволяет не только реализовать принцип объективности и независимости, но и повысить эффективность расходования бюджетных средств.

Эффективность деятельности омбудсмена Мичигана (США) в сфере чистого воздуха, созданного при Мичиганском департаменте природных ресурсов и окружающей среды в рамках программы содействия малому бизнесу в области охраны окружающей среды, контролируется совещательным советом [4, sec. 324.5708]. Члены совета назначаются губернатором Мичигана, членами законодательного органа и директором Департамента в сфере качества защиты окружающей среды в целях представительства граждан, собственников предприятий малого бизнеса и государственных органов. Члены совета работают на добровольной основе без выплаты компенсаций. Совет готовит ежегодный доклад о выполнении программы и эффективности омбудсмена.

Таким образом, в современном мире обозначились ограниченные возможности института омбудсмена общей компетенции в деле содействия защите прав предпринимателей. По мере усложнения общественных отношений, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, и возникновения потребности в дополнительной защите отдельных групп предпринимателей создаются специализированные омбудсмены, содействующие защите прав предпринимателей. Следует ожидать их введения в правовые системы многих европейских и других государств, а также их учреждения на уровне национальных образований. Для их развития и укрепления в ближайшие годы будет осуществляться поиск новых способов обеспечения реализации принципов их деятельности, повышения эффективности расходования средств на их финансирование, контроля их деятельности.

1. Руденко, В.Н. Консультативные общественные советы в системе делиберативной демократии [Текст] / В.Н. Руденко // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. №4. С. 116–124.

2. Защита прав потребителей финансовых услуг [Текст] / отв. ред. Ю.Б. Фогельсон. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 368 с.

3. Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» [Текст] // Российская газета. 2013. 13 мая.

4. Natural resources and environmental protection act 451 of 1994. URL: <http://www.legislature.mi.gov/%285%28xclpde45at1wi1xjvrqlunp%29%29/mileg.aspx?page=getObject&objectName=mcl-324-5708> (дата обращения: 11.05.2013).

5. Small Business Regulatory Enforcement Fairness Act of 1996. URL: <http://archive.sba.gov/advo/laws/sbrefa.html> (дата обращения: 11.05.2013).

КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

УДК 343.140.02

Е.О. НИКУЛОЧКИН, К.А. СЕРГЕЕВ, А.Б. СЕРГЕЕВ

После трехлетнего перерыва в 2006 г. восстановлен институт конфискации, но уже не как мера наказания, а как иная мера уголовно-правового характера. Названный институт получил конкретизацию в уголовно-процессуальном законодательстве. Однако его реализация в уголовном судопроизводстве связана с преодолением многочисленных трудностей. Такое положение есть результат целого комплекса процессуальных проблем, требующих своего разрешения. Значительную их долю составляют проблемы, возникающие при доказывании обстоятельств, подтверждающих, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со статьей 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, получено в результате совершения преступления. Традиционно вопросы, связанные с конфискацией денежных средств, рассматривались с позиции отраслевых наук уголовного права и криминалистики. При этом за рамками исследования остались процессуальные проблемы, возникающие при доказывании обстоятельств, подтверждающих, что имущество, подлежащее конфискации, получено в результате совершения преступления.

Разрешение процессуальных проблем доказывания обстоятельств, подтверждающих, что имущество, подлежащее конфискации, получено в результате совершения преступления, требуют глубокого анализа вопросов, ответы на которые в научной среде, среди сотрудников следственных подразделений, судей неоднозначны. Центральным элементом института доказательственного права в уголовном судопроизводстве является перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию (предмет доказывания). В зависимости от того, правильно ли законодатель определил критерий отбора обстоятельств, подлежащих обязательному доказыванию, соответствующий перечень по отношению к конечным результатам расследования может принимать следующий вид:

1. Перечень узок, тогда установление только обязательных обстоятельств не позволит дать уголовно-правовую оценку расследуемых событий.

2. Перечень обстоятельств чрезмерно широк. В этом случае обязательное установление его приводит к необоснованному увеличению трудоемкости производства как в отношении людских ресурсов (следователей, других участников), так и временных границ.

3. Перечень оптимален с позиции обеспечения отправления правосудия и рационального использования ресурсов правоохранительных органов.

В уголовно-процессуальной науке в силу их конечной значимости для достижения назначения уголовного судопроизводства указанные в законе обстоятельства получили название главных фактов.

До 2006 года предмет конечного доказывания (ст. 73 УПК РФ) представлял систему обстоятельств, совокупность которых – элементы состава преступления (теоретическая конструкция). Эти обстоятельства фиксировали конечные цели доказывания при расследовании преступления любого вида. Однако Федеральным законом от 27.07.2006 № 153-ФЗ в ст. 73 УПК РФ был введен и действует в настоящее время п. 8 [2]. Этим пунктом на субъектов уголовного преследования возлагается обязанность доказывать наличие обстоятельств двух уровней.

Первый уровень – установление обстоятельств, подтверждающих, что имущество, находящееся у обвиняемого или иных лиц, с ним связанных, получено в результате совершения преступления. В случае установления таких обстоятельств следователь обязан доказать второй уровень обстоятельств. Второй уровень процессуальной деятельности – установление обстоятельств, доказывающих, что имеющие место доходы обвиняемого есть результат использования имущества, полученного в результате совершения преступления. Собственно преступно полученное имущество и имущество, полученное в результате эксплуатации преступно приобретенного, подлежат конфискации в соответствии со ст. 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Причинами введения данного пункта, как представляется, являются:

1. Материальные: актуальная проблема борьбы с крайне опасным уже не только для экономики, но и для основ государства явлением – преступным обогащением. Опасность не только в прогрессирующей динамике развития этого явления, но и в количественных проявлениях (эпизодов преступной деятельности, направленной на незаконное обогащение); в расширении слоев населения, одна часть которого продолжает незаконное обогащение, а вторая, беря пример, начинает и втягивается в этот «промысел».

2. Процессуальная причина – обязать следователей обеспечивать конфискацию имущества посредством доказывания наличия названных обстоятельств, а не только состава преступления.

3. Социальная – восстановление социальной справедливости.

Таким образом, законодатель существенно трансформировал порядок и правила формирования предмета доказывания: в систему главных фактов включил доказательственный.

Отличительными признаками доказательственного факта являются:

- наличие в доказательственном факте уголовно-процессуального (доказательственного) значения и отсутствие уголовно-правового содержания, в то время как главный факт – это обстоятельство, которое определяет квалификацию преступного деяния;

- доказательственный факт по временному основанию предшествует установлению главного факта; как следствие, формы всеобщей связи и взаимодействия являются условием и средством установления главного факта;

- установление доказательственного факта не является обязательным при расследовании конкретного преступного деяния.

Любое обстоятельство, указанное в ч. 1 ст. 73 УПК РФ, может быть доказано различной совокупностью доказательственных фактов. Часть из этого множества может не устанавливаться: количество доказательственных фактов, подлежащих установлению, определяется их достаточностью для доказывания и обеспечения достоверности главного факта.

Обстоятельства, перечисленные в ст. 73 УПК РФ, устанавливаются при расследовании любого преступления и всегда конкретны (что и делает возможным их точное формулирование в законе). Доказательственные же факты имеют различное содержание, определяемое ситуациями конкретного расследования [1].

К факторам, обуславливающим сложность задачи определения требуемого количества и видов доказательственных фактов, достаточных для вывода о доказанности элементов состава преступления, относятся:

очевидность совершения преступления; представленность носителей (источников) информации о преступлении, а в целом – формирующиеся следственные ситуации, возникающие при расследовании конкретного уголовного дела. Изложенное выше объясняет причину, по которой доказательственные факты, как средства доказывания главных фактов, сами не могут являться таковыми, а следовательно, быть указанными в ст. 73 УПК РФ. Включение доказательственного факта в качестве главного делает дефиницию нормы ст. 73 УПК РФ нелогичной и противоречивой. В связи с чем мы предлагаем восстановить прежнюю редакцию ст. 73 УПК РФ.

Содержанием социальной справедливости конфискации в современной редакции является изъятие и обращение в доход государства всего имущества и денежных средств, полученных в результате преступных действий, а не лишение осужденного всего или части имущества, в том числе находящихся в законном правообладании в зависимости от степени и тяжести совершенного преступления (как понималась социальная справедливость в старой исторически сложившейся редакции).

Социально несправедливыми будут являться ситуации, когда следствием выявлены не все члены преступной группы, которые должны быть привлечены к уголовной ответственности и которые имеют в обладании преступно приобретенные денежные средства и имущество; когда у лица, признанного судом виновным и осужденного, остается неконфискованной, а следовательно, в обладании, часть незаконно приобретенных денежных средств и имущества, которым он сможет пользоваться после отбытия наказания. С учетом сказанного, при осуществлении правосудия в отношении членов преступной группы, осуществляющих незаконный сбыт наркосодержащих средств, и назначении конфискации максимально полная реализация справедливости достигается при соблюдении двух условий:

- а) к уголовной ответственности привлечены все члены преступной группы, и конфискация применена в отношении каждого;

- б) у каждого лица, в отношении которого судом вынесен приговор и принято решение о конфискации, точно определены и доказаны величина денежных средств и перечень имущества, полученного от преступной деятельности, подлежащих обращению в доход государства.

На основании изучения материалов уголовных дел нами определены три блока доказательственных фактов, установление которых предопределяет достижение социальной справедливости изучаемого вида государственного принуждения (института конфискации).

Первый блок доказательственных фактов состоит из обстоятельств, доказывающих точную величину объема денежных средств, полученных от преступной деятельности за весь период существования преступной группы.

Второй блок доказательственных фактов складывается из обстоятельств, устанавливающих и доказывающих общее количество членов преступной группы, среди которых распределялась прибыль от преступной деятельности.

Третий блок доказательственных фактов состоит из обстоятельств, содержащих сведения относительно точных величин денежных средств и перечня имущества, подлежащего конфискации в отношении каждого члена преступной группы, получившего доход от преступной деятельности.

Однако, как показывает анализ практики расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, следователи не ставят перед собой задачи установления перечисленных выше доказательственных фактов (обстоятельств). Поисковые действия ограничены решением задачи правильной квалификации содеянного, а именно установлением крупного или особо крупного размера.

При опросе респонденты назвали причины, по которым ими не выполняется требование, закрепленное в п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Среди названных основными явились: трудность определения имущества, подпадающего под конфискации; сложность доказывания, что именно на преступно приобретенные деньги, а не на другие приобретенное имущество, находящееся в пользовании обвиняемого или третьих лиц.

Установление данных обстоятельств зависит от решения сложной задачи по доказыванию соответствия между суммой денежных средств, официально (законно) полученных, и денежными средствами и имуществом, находящимися в реальном распоряжении и существенно превышающими доходы обвиняемого.

Если вопросы первых двух блоков юридически рассматриваются исследователями, то вопросы по разрешению задачи третьего блока из поля зрения ученых до настоящего времени выпадали.

Изложенное выше позволяет утверждать: отсутствие в следственной деятельности стремления решать перечисленные задачи существенно сдерживает реализацию правового института конфискации денежных средств и имущества, приобретенных в результате осуществления преступной деятельности. Данное негативное явление, в свою очередь, дает основание противникам современной уголовно-правовой регламентации конфискации критиковать ее и требовать восстановления института конфискации в прежней его редакции, что представляется недопустимым. Восстановление института конфискации в первоначальной редакции будет означать отход России от взятых ею обязательств привести национальное законодательство в соответствие с международными требованиями.

С позиции обеспечения знаний об эффективных методах расследования обстоятельств, необходимых для доказывания указанных в п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, важно определить оптимальный перечень фактических данных, установление которых существенно облегчает процесс доказывания.

С учетом сказанного в рамках предмета нашего исследования выявление соответствующих фактических данных при доказывании обстоятельств, указанных в п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, будет способствовать: обнаружению фактов сокрытия денежных средств и имущества, приобретенных в результате сбыта наркотических средств; определению лиц, у которых находится имущество, заведомо добытое преступным путем и подлежащее конфискации (ст. 175 УК РФ); более быстрому обнаружению преступных действий, направленных на легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных обвиняемым в сбыте наркотических средств (ст. 174.1 УК РФ); места размещения (хранения) денежных средств и иного имущества, приобретенного в результате совершения преступных действий; подтвержденному доказательств, более аргументированному обоснованию ходатайств следователя о получении положительных судебных решений на производство следственных действий, осуществление которых направлено на обеспечение выполнения п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ.

1. Никулочкин, Е.О. Главные и доказательственные факты в системе доказательственного права: соотношение и взаимообусловленность [Текст] / Е.О. Никулочкин, А.Б. Сергеев // Проблемы права. 2012. № 4. С. 199-204.

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»: Федер. закон от 27.07.2006 № 153-ФЗ (ред. от 05.06.2007) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3452.

АНАЛИЗ УРОВНЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ В РЕГИОНАХ

УДК 332.05:005

Ю.С. ПИНЬКОВЕЦКАЯ

Социально-экономическая трансформация в нашей стране и ее регионах в настоящее время во многом обусловлена сложившимся уровнем предпринимательской активности. Малое и среднее предпринимательство в Российской Федерации связано с деятельностью не только индивидуальных предпринимателей, но и малых и средних предприятий. Все эти хозяйствующие субъекты, называемые также предпринимательскими структурами, обеспечивают рост количества рабочих мест, внедрение инноваций, повышение благосостояния значительной части населения страны. Их объемы производства, как и численность работников, продолжают расти [2].

В нашей стране предпринимательство получило развитие непосредственно после создания Российской Федерации. За относительно небольшой срок роль предпринимательских структур в экономике существенно возросла. В 2010 году их насчитывалось более 4,5 млн, в том числе 1,62 млн малых предприятий, более 27 тыс. средних предприятий и более 2,9 млн индивидуальных предпринимателей [6].

Предпринимательские структуры создаются и ведут свою деятельность под руководством предпринимателей. Именно предприниматели являются движущей силой предпринимательства в национальных экономиках. Для определения уровня развития предпринимательства используется такой показатель, как предпринимательская активность [7]. Этот показатель описывает удельный вес предпринимателей в общей численности экономически активного населения.

Решениями Президента и Правительства предусматривается значительное увеличение доли предпринимательства в экономике Российской Федерации. На встрече с руководством Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «ОПОРА России» 15 ноября 2012 года Президент России В.В. Путин отметил, что «...количество малых и средних предприятий у нас растет, но, конечно, этот уровень еще далек от того,

на котором он должен был бы находиться» [5]. Поэтому в настоящее время актуальным представляется оценка достигнутого уровня предпринимательской активности в Российской Федерации.

Итоги соответствующих исследований автора представлены в настоящей статье. Учитывая высокий уровень, достигнутый предпринимательством в развитых зарубежных странах, в статье рассматривается уровень предпринимательской активности в странах ЕС и США. Приводится сравнительный анализ этого показателя по нашей стране и указанным странам.

Для оценки предпринимательской активности в процессе исследований использовались два методических подхода. Итоги исследований, соответствующих первому из подходов, приведены ниже.

Становление предпринимательства в субъектах Российской Федерации осуществлялось в достаточной степени хаотично, оно определялось региональными особенностями в сферах производства и потребления, на начальных этапах его развития не было единой законодательной и нормативной базы, создание предпринимательских структур обуславливалось во многом наличием или отсутствием инициативы региональных и местных органов власти. Все это привело к существенной дифференциации уровня предпринимательской активности в субъектах страны. Поэтому в процессе исследования для учета сложившейся неравномерности предпринимательской активности по субъектам Российской Федерации были разработаны экономико-математические модели. В качестве таких моделей использованы функции плотности нормального закона распределения, целесообразность которых рассмотрена в статье [4]. Поскольку неравномерность уровня предпринимательской активности отмечается как между штатами США, так и между странами ЕС, для описания рассматриваемых показателей также применялись указанные функции. Поэтому оценка уровня предпринимательской активности основывалась на статистических данных соот-

ветственно по всем субъектам Российской Федерации [6], всем странам Европейского Союза, представленным Европейской комиссией [8] и всем штатам США на основе данных Статистического бюро (Бюро сбора сведений или переписи) [10].

Проверка полученных функций производилась по критериям Пирсона, Колмогорова–Смирнова, Шапиро–Вилка. Проверка показала, что функции обладают высоким качеством и хорошо аппроксимируют исходные данные.

Показатели, характеризующие предпринимательскую активность по субъектам Российской Федерации в 2010 году, представлены в первой строке таблицы 1. Для описания рассматриваемых показателей использовались параметры построенной функции плотности нормального распределения, описывающей дифференциацию значений предпринимательской активности по субъектам нашей страны. В таблице наряду со средними значениями и стандартными отклонениями приведены интервалы, в которые попадают эти значения по большинству субъектов. Как известно [1; 3] с вероятностью, примерно равной 0,6827, величины предпринимательской активности будут находиться в интервалах, границы которых рассчитываются следующим образом: к средним значениям показателей соответственно прибавляются и вычитаются стандартные отклонения.

бы понять, насколько отклонение велико относительно самих значений, необходимо рассчитать относительное значение отклонения, то есть коэффициент вариации [3]. Коэффициент вариации значения предпринимательской активности по субъектам составляет 21%. Таким образом, дифференциация значений рассматриваемого показателя в настоящее время невелика, то есть для большинства субъектов страны характерен относительно близкий уровень предпринимательской активности. По большинству (68%) субъектов страны этот показатель находится в интервале от 3,5 до 5,5%.

Границы интервала, представленные в таблице, позволяют установить, в частности, субъекты Российской Федерации, в которых уровень предпринимательской активности велик (значения показателя превышают верхнюю границу интервала) и мал (значения показателя меньше нижней границы интервала).

К первой группе субъектов, для которых по удельному весу предпринимателей характерно превышение значения верхней границы интервала, указанного в таблице 1, относятся Пензенская область, Краснодарский, Ставропольский края, Республики Адыгея, Алтай, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Саха (Якутия), Хакасия. Наименьший уровень предпринимательской активности отмечается в Московской, Мур-

Таблица 1

Показатели предпринимательской активности, %

	Среднее значение	Стандартное отклонение	Интервал изменения
Субъекты Российской Федерации	4,49	0,96	3,53–5,45
Страны ЕС	7,38	3,15	4,23–10,53
Штаты США	14,01	1,67	12,34–15,68

Приведенные в таблицы 1 данные показывают, что за относительно небольшой промежуток времени (менее 20 лет) предпринимательство получило в Российской Федерации достаточно широкое развитие. Предпринимательская активность в среднем по субъектам страны достигла почти 4,5%.

Стандартное отклонение, представленное в таблице 1, описывает сложившуюся дифференциацию рассматриваемых показателей по субъектам страны. При этом отклонение является абсолютной оценкой меры рассеивания значений. Для того что-

манской, Ленинградской, Саратовской, Свердловской областях, Республиках Дагестан и Марий Эл.

Показатели, характеризующие предпринимательскую активность по странам Европейского Союза в 2010 году, представлены во второй строке таблицы 1. Эти показатели получены на основе анализа параметров построенной функции плотности нормального распределения, описывающей дифференциацию значений предпринимательской активности по странам ЕС. Приведенные в таблице данные показывают, что средний уровень предприни-

мательской активности по странам ЕС составляет 7,4%. Для большинства стран ЕС этот показатель находится в интервале от 4 до 10%. Коэффициент вариации значения предпринимательской активности по странам ЕС равен 43%. Относительно большая дифференциация этого показателя свидетельствует о значительном разбросе величин предпринимательской активности в различных странах ЕС.

Аналогично, на основе разработанной функции плотности распределения, были определены показатели, характеризующие предпринимательскую активность по штатам США в 2010 году, представленные в третьей строке таблицы 1. Средний уровень предпринимательской активности по штатам США велик и составляет 14%. Коэффициент вариации значения предпринимательской активности по штатам США мал и равен 12%, что говорит о небольшой дифференциации рассматриваемого показателя. Соответственно интервал изменения величины предпринимательской активности для большинства штатов составляет от 12 до 16%.

Второй методический подход к оценке предпринимательской активности, как от-

предпринимательства или ставших владельцами предпринимательских структур;

- уровня активности владельцев вновь созданных предпринимательских структур, ведущих деятельность от 3 месяцев до 3,5 лет;

- уровня активности предпринимателей, ведущих деятельность в течение длительного (более 3,5 лет) времени;

- удельного веса предпринимателей, прекративших свою деятельность.

Оценка уровня предпринимательской активности на основе результатов обследования производилась по указанным четырем характеристикам. Суммировались значения второй и третьей характеристик. Из этой суммы вычиталась величина четвертой характеристики. Учитывая, что не все начинающие предприниматели в период проведения обследования юридически оформили свой статус, к полученному результату прибавлялась половина значения первой характеристики.

В таблице 2 приведены уровни предпринимательской активности в Российской Федерации, странам ЕС и США, полученные с использованием двух рассмотренных методических подходов.

Таблица 2

Оценки уровней предпринимательской активности, %

Методический подход	Средние значения		
	Российская Федерация	ЕС	США
Первый (с использованием функций плотности распределения)	4,5	7,4	14,0
Второй (по результатам GEM)	4,8	8,1	13,2

мечено выше, основывался на итогах, полученных в результате проекта Глобального мониторинга предпринимательства (Global Entrepreneurship Monitor – GEM). Проект GEM возник еще в 1997 году по инициативе ведущих ученых из ряда стран.

В процессе мониторинга большое внимание уделялось предпринимательскому поведению граждан и их потенциально возможной предпринимательской активности в перспективе. В отчете по проекту GEM за 2011 год [9] представлены данные обследования и анкетирования предпринимателей и экспертов по 55 наиболее развитым странам.

Обследование включало определение четырех основных характеристик предпринимательской активности:

- уровня активности начинающих предпринимателей, вовлеченных в процесс

Данные, приведенные в таблице 2, свидетельствуют о том, что полученные значения предпринимательской активности, определенные на основе двух методических подходов, достаточно близки между собой. Они отличаются менее чем на 9%. Это позволяет провести сопоставление значений уровня предпринимательской активности в субъектах Российской Федерации с соответствующими показателями в странах ЕС и штатах США.

Сравнительный анализ полученных результатов показывает, что уровень предпринимательской активности в странах ЕС выше, чем в Российской Федерации, на 64%. Разрыв показателей между США и нашей страной значительно выше. Предпринимательская активность в США почти в три раза превышает аналогичный показатель в Российской Федерации.

Существенные различия в уровне предпринимательской активности в нашей стране и развитых зарубежных странах обусловлены на наш взгляд двумя основными причинами. Первая из них – короткий период развития предпринимательства в нашей стране. Вторая причина связана с имеющим место феноменом большого количества индивидуальных предпринимателей без использования наемной рабочей силы в странах ЕС и особенно США. Эти предприниматели, которых называют самозанятыми, составляют 77% всех функционирующих предпринимательских структур в США. Они зачастую участвуют в экономических процессах на условиях неполной занятости, когда соответствующая деятельность не является основной.

Определенный интерес представляют причины, из-за которых появляются новые предприниматели. В проекте GEM рассматриваются два мотива, определяющих начало предпринимательской деятельности. Первый из них связан с появлением, по мнению граждан, возможностей. Они, называемые иначе добровольные предприниматели (*opportunity-driven entrepreneurs*), пробуют использовать открывающиеся возможности. Второй мотив обусловлен отсутствием иных способов к зарабатыванию денег. Эти вынужденные предприниматели, являющиеся таковыми по необходимости (*necessity-driven entrepreneurs*), пытаются начать предпринимательскую деятельность

по причине отсутствия других стабильных доходов. В нашей стране начинающие предприниматели первой группы преобладают. Соотношение между предпринимателями, начавшими деятельность в связи с первым и вторым мотивами, составляют соответственно 13 к 9. Аналогично первый мотив преобладает в странах ЕС (49 к 28) и США (59 к 21).

Сравнительный анализ предпринимательской активности в нашей стране, странах ЕС и США показал, что развитие предпринимательства в России достигло достаточно высокого уровня, несмотря на небольшой период его становления и формирования в нашей стране. Вместе с тем для стран ЕС и США характерен более высокий уровень предпринимательской активности. Это обусловлено преобладанием в зарубежных странах доли индивидуальных предпринимателей без использования наемных работников (самозанятости). Отметим, что для многих из них предпринимательство не является основной деятельностью, а выступает в качестве способа получения дополнительных доходов.

Результаты проведенных исследований могут быть использованы при решении проблем развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации и ее субъектах, обоснования увеличения роли этого сектора в национальной экономике.

1. Агапьев Б.Д. Обработка экспериментальных данных. СПб., 2001. [Электронный ресурс] / Б.Д. Агапьев, В.Н. Белов, Ф.П. Кесаманлы, В.В. Козловский, С.И. Марков. URL: <http://physics.spbstu.ru/library.shtml> (дата обращения: 10.11.2012).

2. Иоффе А.Д. и др. Малый бизнес в России. Проблемы и перспективы. Аналитический доклад. М., 1996. 228 с.

3. Кремер, Н.Ш. Теория вероятностей и математическая статистика [Текст] / Н.Ш. Кремер. М., 2004. 573 с.

4. Пиньковецкая, Ю.С. Закономерности развития предпринимательских структур в регионах [Текст] / Ю.С. Пиньковецкая // Экономика региона. 2012. № 4. С. 157-165.

5. Стенограмма встречи Президента России В.В. Путина с руководством Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «ОПОРА России» [Электронный ресурс]. URL: <http://президент.рф/news/16837> (дата обращения: 20.02.2013).

6. Федеральная служба государственной статистики. Итоги сплошного наблюдения за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства в 2010 году. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/small_business/itog-spn.html (дата обращения: 10.10.2012).

7. Reynolds P. and other. Global Entrepreneurship Monitor: Data collection design and implementation 1998–2003 // Small Business Economics. 2005. № 24 (3). P. 205–231.

8. The European Commission. Small and medium-sized enterprises (SMEs) SME Performance Review [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/enterprise/policies/sme/facts-figures-analysis/performance-review/index_en.htm (дата обращения: 20.02.2012).

9. The Global Entrepreneurship Monitor (GEM) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gemconsortium.org/> (дата обращения: 8.03.2013).

10. The United States Census Bureau. Statistics of U.S. Businesses. Data set by geography (by state). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.census.gov/econ/geography.html> (дата обращения: 15.04.12).

ЭКОНОМЕТРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ*

УДК 338.22(075.8)

А.А. ЯКУШЕВ

Этап 2. После выявления главных факторов необходимо изучение динамики выручки ТП. Для этого составим табл. 3 путем добавления столбца значений показателя Y (выручка) из табл. 1 в таблицу динамики влияния главных факторов на процесс торговли [3].

Дальнейшее исследование посвящено изучению влияния главных факторов на выручку с построением математической модели, описывающей эти изменения, см. табл. 3.

Используя корреляционный анализ, решалась задача выявления степени и характера влияния главных факторов F_j на

Таблица 3

Динамика главных факторов и выручки ТП

Месяц	Y	F_1	F_2	F_3	F_4
2009 год					
1	655,7	-0,206	-0,532	4,616	0,065
2	614	0,126	-1,928	1,257	2,764
3
4	632	1,495	-1,557	1,87	-1,187
5	590,1	1,021	-0,567	0,434	-0,517
6	568,1	0,025	2,4	0,453	-1,174
7	600,9	-0,029	2,07	0,477	0,368
8	599,4	-0,334	2,258	0,979	0,307
9	610,9	-0,168	1,224	1,17	0,955
10	611,1	0,114	1,074	0,434	1,099
11	628,5	0,575	0,793	-0,043	1,269
12	653,4	1,131	0,632	-0,398	0,92
2010 год					
13	650,5	1,123	0,86	-0,609	0,865
14
23	497,1	-0,088	0,373	-0,319	-0,766
24	515,7	0,209	-0,262	0,055	-0,805
2011 год					
25	502,2	0,198	-0,082	-0,242	-1,091
26	441,1	-0,13	-1,113	-0,224	-1,2
27
35	368,2	-1,634	-1,251	-0,154	0,196
36	417,2	-2,164	-0,27	-0,24	2,464

* Окончание. Начало в № 2, 2013.

показатель Y (выручка) ТП и их взаимного влияния. В решении этой практической задачи применялась программа «СтатЭксперт» в режиме «Корреляция» [2].

В результате расчетов получены значения парных коэффициентов корреляции, представленные в табл. 4.

Введение показателя Y расширяет аналитические возможности матрицы (табл. 4), поскольку возможно определение степени влияния главных факторов на выручку.

Что касается торговой деятельности малого и среднего бизнеса Челябинской области, то по данным ЧЕЛЯБИНСКСТАТА их численность в 2011 г. составляла 73178 субъектов. Данный факт подтверждает целесообразность и важность управления конкуренцией.

Анализ корреляционной матрицы (табл. 4) позволяет сделать вывод о целесообразности использования всех главных факторов для построения модели регрес-

Таблица 4

Матрица парных корреляций главных факторов и выручки ТП

	Y	F_1	F_2	F_3	F_4
Y	1,000	- 0,837	- 0,302	0,333	0,314
F_1	- 0,837	1,000	-0,008	-0,011	-0,021
F_2	- 0,302	-0,008	1,000	-0,025	0,010
F_3	0,333	-0,011	-0,025	1,000	-0,008
F_4	0,314	-0,021	0,010	-0,008	1,000
Критическое значение на уровне 80% при 2 степенях свободы = +0,1446					

Фактор F_1 (конкуренция) на изменение выручки оказывает высокое отрицательное влияние ($r_{21}=-0,837$), фактор F_2 (сезонность) – умеренное отрицательное влияние ($r_{31}=-0,302$). Влияние фактора F_3 (контингент покупателей) и фактора F_4 (доходы покупателей) на изменение выручки умеренное положительное ($r_{41}=0,333$; $r_{51}=0,314$, соответственно).

Все это позволяет настроить систему управления на индикативные методы выявления, либо «Слабых звеньев», либо «Наивысших результатов».

Взаимная корреляция между факторами отсутствует, что, во-первых, подтверждает теоретические положения факторного анализа о независимости главных факторов, во-вторых, данный факт свидетельствует о хорошем качестве регрессионной модели в будущем.

Поскольку фактор, оказывающий наибольшее влияние на изменение выручки, это конкурентные возможности и преимущества ТП, следовательно, вывод, сделанный на первом этапе исследования о необходимости формирования системы управления конкурентоспособностью и конкурентными преимуществами предприятия, правомерен.

Данная система управления конкурентоспособностью наиболее важна для малого и среднего бизнеса с целью определения своего сектора рынка и обеспечения финансовой устойчивости ТП.

выручки и тем самым завершить данный этап.

Этап 3. В современных условиях хозяйствования, когда хозяйствующий субъект не имеет гаранта в лице государства, объективно необходимо прогнозирование возможных результатов любого управленческого решения.

На третьем этапе формируется качественная регрессионная модель выручки и на ее основе прогнозируется сумма выручки от продаж на первый квартал 2012 г.

Программа «СтатЭксперт» работала в режиме «Линейная множественная регрессия», в которой используется линейная модель [2]:

$$Y = X\beta + \varepsilon, \tag{12}$$

где Y^T – вектор-столбец выручки размерности m ;

β^T – вектор-столбец неизвестных параметров модели размерности $n+1$;

ε^T – вектор-столбец случайных ошибок, размерности m ;

X – матрица значений известных неслучайных факторов размерности $m(n+1)$, причем $m > n$.

Оценке подлежат параметры матрицы β^T и остаточная дисперсия $\sigma^2=D_\varepsilon$. Заменив параметры в (12) их оценками, уравнение регрессии примет вид:

$$Y = Xb + \varepsilon. \tag{13}$$

Для определения вектора оценок параметра b^T применим метод наименьших квадратов (МНК). Они определяются из условия минимизации скалярной суммы квадратов Q по компонентам вектора b :

$$Q = (Y - Xb)^T(Y - Xb) \rightarrow \min. \quad (14)$$

Раскрывая скобки и выполняя необходимые преобразования, получим:

$$b = (X^T X)^{-1}(X^T Y). \quad (15)$$

Программа «СтатЭксперт» работала в режиме «Линейная множественная регрессия». Для построения регрессионной модели воспользуемся данными табл. 5. В результате расчётов регрессионная модель изменения выручки от главных факторов имеет вид (табл. 5):

$$Y = 528,549 - 79,955F_1 - 24,538F_2 + 32,487F_3 + 30,866F_4, \quad (16)$$

- где Y – выручка ТП;
 F_1 – конкуренция;
 F_2 – сезонность;
 F_3 – контингент покупателей;
 F_4 – доходы покупателей.

$$F_{расч} = 4587,125 > F_{табл}(\alpha=0,05; k_1=4; k_2=31) = 2,69.$$

В практике экономического анализа, учитывая неравнозначность влияния факторов, включенных в модель, на изменение выручки используются следующие коэффициенты: – коэффициент эластичности, ε ; – бета-коэффициент, β ; – дельта-коэффициент, Δ .

Эластичность не нормирована и может изменяться от $-\infty$ до $+\infty$. Высокий уровень эластичности означает сильное влияние независимой переменной на объясняемую переменную. Однако средний частный коэффициент эластичности не учитывает степени вариации факторов, которая может значительно различаться у отдельных факторов. Поэтому для устранения различий в измерении и степени вариации факторов используется другой показатель – бета-коэффициент.

Оценка влияния отдельных факторов, включенных в модель, на изменение выручки по эластичности позволяет сделать вывод о том, что отклонение любого из главных факторов на 1% практически не приводит к отклонению выручки от ее среднего (табл. 5).

Таблица 5

Оценка значений параметров модели выручки ТП

	Коэффициент	Среднекв. отклонение	t-значение	Эластичность	Бета-коэф-т	Дельта-коэф-т
Св. член	528,549	0,461	1147,554	0,000	0,000	0,000
F_1	-79,955	0,455	-175,580	-0,036	0,512	0,697
F_2	-24,538	0,449	-54,603	-0,002	0,146	0,199
F_3	32,487	0,447	72,748	0,002	0,051	0,070
F_4	30,866	0,449	68,679	0,019	0,025	0,033
Критическое значение t – распределения при 31 степени свободы ($p=95\%$) = +1,055						

Параметры модели b_i при главных факторах в уравнении регрессии значимы, т.к. расчётные значения их коэффициентов Стьюдента $t_{расч}$, представленные в табл. 5, больше табличного (критического) значения:

$$|t_{расч}| > t_{кр} = 1,055.$$

Включенные в модель факторы на 96,63% описывают изменение выручки (табл. 6). Множественный коэффициент детерминации $R^2_{Y,F_1,F_2,F_3,F_4} = 0,9663$ значим, т.к. расчётное значение критерия Фишера $F_{расч}$ больше табличного (табл. 6):

Оценка влияния вариации отдельных факторов, включенных в модель, на изменение выручки по бета – коэффициенту позволяет подтвердить вывод о том, что наибольшее влияние оказывает конкуренция (табл. 5):

– при отклонении значения фактора F_1 на одно среднеквадратическое отклонение от его среднего приводит к отклонению выручки от ее среднего на 0,512 ее среднеквадратического отклонения ($\beta_1 = 0,512$). Конкуренция, как главный фактор, многогранна по своей сути и поэтому ее вариация существенно влияет на вариацию величины выручки;

– вариация факторов оказывает влияние на вариацию значений выручки, т.е. она чувствительна к колебаниям значений главных факторов, что объясняется рядом причин: конкуренция оказывает непосредственное влияние на выручку; сезонные колебания вызывают спады и подъемы выручки в зависимости от спроса на определенные группы товаров; на размер выручки оказывает влияние скорость товарооборота, которая, в свою очередь, зависит от контингента покупателей и их доходов.

Доля вклада каждого фактора F_i в суммарное влияние всех факторов, включенных в модель, оценивается дельта – коэффициентом. Вклад фактора F_i в суммарное влияние факторов, включенных в модель, составляет 69,7% ($\Delta_i=0,697$) и является наибольшим. С организационно – экономической точки зрения это вполне объяснимо: конкуренция для торговой сферы – наиболее главный фактор из всех рассматривае-

Оценка качества модели выполняется по характеристикам остаточной компоненты выручки ТП, значения которой рассчитываются по формуле:

$$\varepsilon_i = y_i - \hat{y}_i, \quad (17)$$

где $\varepsilon_i - i$ – тое значение остаточной компоненты выручки;

$y_i - i$ – тое фактическое значение выручки;

$\hat{y}_i - i$ – тое значение выручки, полученное с помощью модели (16).

Модель считается качественной, если она адекватна и имеет высокий уровень точности. Для подтверждения этой гипотезы поэтапно проведена оценка качества модели.

Доказательство адекватности модели выручки. Модель (16) является адекватной (98,49%), т.к. свойства её остаточной компоненты выполняются (табл. б):

– математическое ожидание остаточной компоненты ε равно нулю;

Таблица 6

Характеристики остатков выручки ТП

Характеристика	Значение
Среднее значение	0,000
Дисперсия	6,576
Приведенная дисперсия	7,637
Средний модуль остатков	1,919
Относительная ошибка	0,358
Критерий Дарбина–Уотсона	1,977
Коэффициент детерминации	0,9663
F – значение (n1=4,n2=31)	4587,125
Критерий адекватности	98,490
Критерий точности	96,941
Критерий качества	97,329
Уравнение значимо с вероятностью 0,95	

мых, и под ее влиянием происходят существенные изменения товарооборота за счет потери (приобретения) покупателей.

Процесс принятия обоснованного управленческого решения по организации прогнозирования в обязательном порядке требует доказательства адекватности и точности регрессионной модели выручки ТП.

Результаты расчетов, представленные в табл. 7, подтверждают, что прогнозирование выручки возможно с помощью полученной модели, т.к. она качественная.

– уровни остаточной компоненты не коррелированы между собой, т.к. расчётное значение критерия Дарбина – Уотсона больше верхней границы d_u табличного ($d_u=1,24; d_e=1,73$):

$$d_{расч} = 1,977 > d_2 = 1,73;$$

– уровни остаточной компоненты ε распределены по нормальному закону, т.к. расчётное значение RS - критерия

$$RS_{расч} = \frac{\varepsilon_{max} - \varepsilon_{min}}{S_\varepsilon} = \frac{7,373 + 4,311}{2,564} = 4,557, \quad S_\varepsilon = \sqrt{D_\varepsilon} = \sqrt{6,576} = 2,564$$

Таблица 7

Значения остатков выручки ТП

	Y	\hat{Y}	ϵ_{abc}	$\epsilon_{отн}$	«пики»
1	655,7	650,9	4,711	0,718	0
2	614	617,4	-3,465	-0,564	1
3	652,7	651	1,667	0,255	1
...
34	372,8	371,8	0,938	0,252	0
35	368,2	368,2	-0,053	-0,015	1
36	417,2	417,1	0,039	0,009	0

попадает в интервал табличных значений

$$(RS_{верх} = 3,58; RS_{нижн} = 5,04).$$

Значение дисперсии остатков получено из табл. 6, а максимальное и минимальное значение остатков из табл. 7.

– уровни остатков являются случайными, т. к. фактическое количество поворотных точек («пики») $P_{факт} = 27$ (табл. 7) больше расчетного

$$P_{расч} = \left[\frac{2(n-2)}{3} - 2\sqrt{\frac{16n-29}{90}} \right] = \left[\frac{2(36-2)}{3} - 2\sqrt{\frac{16 \times 36 - 29}{90}} \right] = [17,736] = 17.$$

Результат исследования свидетельствует, что данная модель адекватно отражает динамику изменения выручки в ретроспективном периоде и переносит ее основные свойства в будущее.

Оценка точности модели выручки.

Модель имеет достаточно высокий уровень точности – 96,941 % (табл. 6), при значении средней относительной ошибки $\epsilon_{отн} = 0,358\%$

прогноза имеет достаточно высокий уровень – 95%. Результаты расчёта прогнозных значений представлены в табл. 8.

Для наглядности представления фактических изменений выручки от продаж и ее аппроксимация с помощью модели представлены на рис. 2. Анализ рис. 2 свидетельствует, что в 2009 году выручка практически находилась на одном уровне, а за весь последующий период наблюдается тенденция ее уменьшения, что является следствием ряда причин: ужесточение конкуренции, снижение доходов населения под влиянием инфляции и, как следствие, снижение спроса, снижение выручки ТП.

На основании полученного прогноза выручки на 2012 год группа независимых экспертов предложила провести ряд мероприятий для ТП, способствующих увеличению спроса: снижение цен за счет изменения политики ценообразования; расширение и обновление ассортимента;

Таблица 8

Точный и интервальный прогноз выручки ТП

Упреждение	Прогноз	Нижняя граница	Верхняя граница
январь	392,264	388,933	395,595
февраль	412,303	407,685	416,921
март	376,155	371,526	380,784

(табл. 6). Интегральный критерий качества модели составляет 97,329% (табл. 6). Следовательно, модель значима с вероятностью 0,95 и может применяться в реальной практике прогнозирования выручки ТП.

Прогнозирование выручки ТП на три месяца с вероятностью 0,95. На завершающем этапе исследования с помощью модели (16) выполнен прогноз выручки. Надёжность

усиление рекламной деятельности. Расчёты и их финансово-экономический анализ предлагаемых экспертами мероприятий показали, что спрос увеличится и составит 11,47 тыс. руб. Увеличение товарооборота предполагается на 4200 руб., а ускорение оборачиваемости товаров приведет к увеличению выручки на 4050 руб. Все это свидетельствует о правильно выбранной сис-

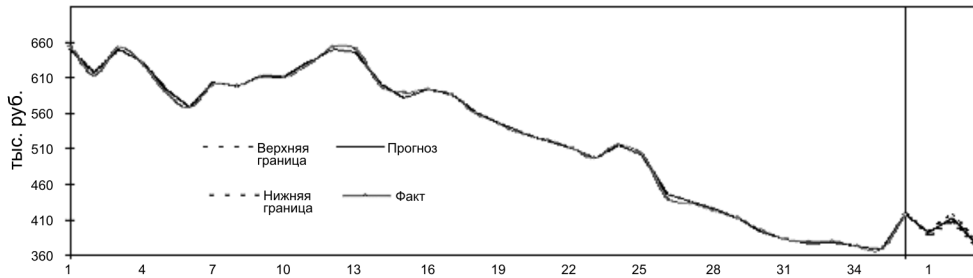

Рисунок 2. Аппроксимация и прогноз выручки ТП

теме управления конкурентоспособностью на рынке торговли и услуг.

Кроме того, грамотный подход в совместном использовании экономико-математической модели и финансово-экономического анализа позволили выявить ряд агрегированных факторов, оказывающих существенное влияние на процесс реализации товаров, что позволило принять ряд обоснованных управленческих решений, повышающих эффективность и надежность предпринимательской деятельности.

Моделируя процессы торговой деятельности, необходимо отметить, что предлагаемые инструменты обоснования управленческих решений можно считать инновационными для данной сферы предпринимательства и универсальными для любой другой отрасли.

Определяя возможности экономико-математического моделирования в организации и управлении малым и средним предпринимательством следует исходить из того, что предпринимательство является одним из основных условий экономического роста, увеличения объемов валового регионального продукта. Так, оборот малых и средних предприятий Челябинской области – юридических лиц в 2011 году составил 443,1 млрд рублей, что на 0,7% ниже в действующих ценах показателя предыдущего года. Это обусловлено переходом в 2011 году 11 обрабатывающих средних предприятий в категорию крупных (например, ЗАО «Смарт», ООО «Конар», ОАО «Уйский сыродельный завод» и др.). Инвестиции в основной капитал малых и средних предприятий в 2011 году составили 6,9 млрд рублей, что выше показателя 2010 года на 64,3% [4].

Предпринимательские организации и индивидуальные предприниматели в качестве субъектов рынка по производству товаров (выполнению работ, оказанию услуг) и их доведение до конкретных потребителей с учетом спроса и предложения имеют определяющее

значение в развитии потребительского рынка региона. Среди индивидуальных предпринимателей в сфере производства в Челябинской области наиболее высокие показатели зафиксированы в производстве пищевых продуктов (ими производится весь областной объем замороженной овощной продукции). Доля малого и среднего бизнеса в обороте розничной торговли – более 70,0%, в производстве минеральной воды – 81,1%, в вылове рыбы – 87,5%. Значительна доля малого бизнеса на рынке туристических услуг – 99,8% от общего объема, бытовых – почти 90,0% [4].

Малое предпринимательство как новый тип экономического хозяйствования должно быть инновационным, ему свойственна новаторская функция – содействие процессу развития новых идей (технических, организационных, управленческих), осуществление опытно-конструкторских разработок, создание новых товаров, предоставление новых услуг и прочее.

С позиции социальной значимости сектор предпринимательства активно развивается и приобретает все больший вес в экономике области. Уровень развития регионального предпринимательства оказывает непосредственное влияние на качество жизни населения и в целом на социально-экономическое развитие региона.

Данный сектор экономики обеспечивает рост числа рабочих мест, способствует сокращению уровня безработицы, повышению уровня социального положения наемных работников. Кроме того, дает возможность каждого дееспособного человека быть собственником, проявлять свои индивидуальные таланты и способности.

Средние и малые предприятия (с учетом микропредприятий) в 2011 году обеспечили постоянными рабочими местами 225,7 тыс. человек, что выше показателя 2010 года на 2,3%. В организациях малого и среднего бизнеса широко используется практика привлечения сотрудников на

условиях совместительства и договоров гражданско-правового характера. В 2011 году на малых и средних предприятиях насчитывалось 18,9 тыс. человек – совместителей, что выше показателя 2010 года на 36,0%. Что касается заработной платы работников малых и средних организаций, то среднемесячная номинальная заработная плата и выплаты социального характера на одного работника в 2011 году составили 14,0 тыс. рублей, что выше показателя 2010 года на 3,7% [4].

В связи с этим оптимизация развития предпринимательства является одной из приоритетных задач государственной власти на федеральном уровне, региональном уровне, что требует разработки механизма государственной поддержки.

В Челябинской области на высоком уровне находится взаимодействие бизнеса и власти. Сейчас те формы и виды поддержки, которые предусмотрены в Программе, инициированы самим бизнес-сообществом. Проекты нормативных правовых актов проходят обязательную общественную экспертизу.

В области действует общественный координационный совет по развитию малого и среднего предпринимательства, одной из целей которого является привлечение предпринимателей к выработке и реализации государственной политики в области развития бизнеса.

Что касается дальнейшего развития бизнеса, то в настоящее время ведется работа по развитию муниципальных микрофинансовых организаций, деятельность которых связана с выдачей займов до 1 млн рублей под льготный процент.

В Челябинской области развивается инфраструктура поддержки предпринимательства. Так, в 2009 году создан Фонд содействия кредитования малого предпринимательства с имущественным взносом 366,3 млн рублей. Фондом уже выдано 334 поручительства по кредитным договорам, объем полученных кредитов превысил 1,3 млрд рублей.

Еще одной мерой государственной поддержки является создание и развитие таких

элементов инфраструктуры, как бизнес-инкубаторы. В области создано 5 бизнес-инкубаторов, в том числе ГБУ Челябинской области «Инновационный бизнес-инкубатор», на площадке которого действует бизнес-инкубатор офисного типа на 49 офисов для предпринимателей из числа социально незащищенных слоев населения (молодежи, инвалидов, женщин, многодетных родителей). На муниципальном уровне бизнес – инкубаторы действуют в Магнитогорске, Озёрске и Снежинске. Кроме того, созданы 3 инновационных технопарка (в Миассе, Магнитогорске и Челябинске), 2 венчурных фонда (Южно-Уральский венчурный инновационный фонд «Инновации. Технологии. Развитие» и Фонд содействия развитию венчурных инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере Челябинской области).

В целях оказания имущественной поддержки малому бизнесу утверждены Перечень областного имущества (49 объектов площадью 11,2 тыс. кв.м.), а также 108 Перечней муниципального имущества для предоставления в аренду предпринимателям, включающих 1,8 тыс. объектов общей площадью около 340,0 тыс. кв. метров.

В областной Программе предусмотрено около 15 видов финансовой поддержки: компенсация процентных ставок по кредитам и договорам лизинга, возмещение предпринимательских затрат, связанных с сертификацией, оплатой стоимости вознаграждения по договорам поручительства, участием в выставках, разработкой сайта, модернизацией производства и другие [4].

Финансовая поддержка оказывается предприятиям, занимающимся приоритетными видами деятельности (производство, инновационная деятельность, сельское хозяйство, здравоохранение, образование, предоставление услуг по организации внутреннего туризма).

В рамках Программы развития бизнеса в 2011 году за счет областных и федеральных средств 223 предпринимателям предоставлены субсидии на 76,1 млн рублей.

1. Иберла К. Факторный анализ. М.: Статистика, 1980. 458 с.
2. Программные продукты серии ОЛИМП. СтатЭксперт. М.: 1996. 324 с.
3. Харман Г. Современный факторный анализ. М.: Статистика, 1972. 538 с.
4. Официальный сайт малого предпринимательства Челябинской области [Электронный ресурс]: Малый бизнес Челябинской области. – Челябинск. – Свободный доступ: <http://chelbiznes.ru>

САРТРИАНСКИЕ ИСТОКИ КОНЦЕПЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ ФРЕДРИКА ДЖЕЙМИСОНА*

*Посвящается 25-летию Института философии и права
Уральского отделения РАН*

УДК 321.02; 141.32

Е.А. ИВАНОВА

Первым изданным трудом Фредрика Джеймисона стала опубликованная в 1961 году книга «Сартр: истоки стиля». И хотя эта работа, написанная в качестве докторской диссертации в Йельском университете, где Джеймисон изучал французскую литературу под руководством известного филолога Эриха Ауэрбаха, в основном носила литературоведческий характер, уже в ней отразились некоторые тенденции последующего развития методологии исследователя, а также его философских и политических взглядов. Говоря о влиянии французского теоретика на раннем этапе творчества Фредрика Джеймисона, британский исследователь Шон Хомер отмечает, что «фигура Сартра, наряду с Лукачем и Адорно, остается одним из центральных ориентиров теоретического проекта Джеймисона» [12, р. 2]. И действительно, на всем протяжении становления и развития этого проекта, характеризовавшемся в терминологии постмодернизма некоторой ризоматичностью, интеграцией и синтезом элементов различных парадигм, исследователь систематически обращается к творчеству Сартра.

Тема свободы, глубоко и по-новому освещенная Жаном-Полем Сартром в его многочисленных работах, начиная с самого раннего этапа его творчества, оказалась весьма актуальной и своевременной для послевоенной Америки 1950–1960-х годов. Его идеи, хотя и были восприняты академической средой США крайне неоднозначно, тем не менее, проникая постепенно, оказали заметное влияние, но только на интеллектуальную, но и, опосредованно, на политическую жизнь американского общества, которые в этот период особенно тесно переплелись между собой.

Как отмечает Энн Фултон, автор книги «Сторонники Сартра: экзистенциализм в Америке, 1945–1963» [См.: 11, р. 2], зна-

комство американского академического сообщества с идеями французского философа произошло уже после, Второй мировой войны, и на протяжении, по меньшей мере, двух последующих десятилетий отношение к самому Сартру и его концепциям в департаментах философии американских университетов и колледжей оставалось крайне противоречивым. Первоначальный скептицизм в оценке значимости Сартра как философа в среде американского философского сообщества был отчасти обусловлен достаточно прозаической причиной: на английский язык переводились в основном его литературные произведения, поэтому отсутствие переводов основных философских трудов Сартра заставляло воспринимать сартрианство скорее как литературную школу [см.: 11, р. 22]. В этих условиях главными центрами исследования творчества Сартра стали департаменты французской литературы американских университетов, где студенты и преподаватели, благодаря хорошему знанию французского языка, могли действительно глубоко изучить его работы. В частности, одним из таких центров являлся департамент французской литературы Йельского университета [см.: 11, р. 22], в котором в конце 1950-х – начале 1960-х обучался Фредрик Джеймисон, защитив магистерскую, а затем и докторскую [см.: 18, р. 3] диссертации по теме «Сартр: истоки стиля». По признанию самого Джеймисона, важную роль в подготовке этой работы сыграл профессор Анри Пейр [см.: 15, р. 12], возглавлявший департамент французской литературы Йеля с 1939 по 1969 год. Пейр, как отмечает Э. Фултон, активно направлял студентов на изучение экзистенциализма как литературного и философского течения и был одним из тех ученых – выходцев из Франции, которые сыграли ключевую роль в знакомстве Америки с идеями Сартра [см.: 11, р. 23–24].

*Статья подготовлена при поддержке совместного научного проекта ИФип УрО РАН и ИФПР СО РАН № 12-С-6-1003 «Новые парадигмы социального знания»

Более близкое знакомство американских философов с философскими концепциями Сартра стало возможным только в 1956 году, когда на английский язык был переведен его фундаментальный труд «Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии». Однако до этого момента представления американских философов о сартрианской философии главным образом основывались на знакомстве с небольшим эссе французского философа «Экзистенциализм», которое многими было воспринято довольно критично. Идеи Сартра об абсолютной свободе человека, заброшенного в мир и обреченного нести полную ответственность за свое существование, многим показались слишком пессимистичными. К примеру, один из молодых американских критиков Сартра того времени Оливер Беррис в своей рецензии на «Экзистенциализм» назвал его философию философией отчаяния [см.: 4, р. 14]. И даже Хейзел Барнс, ставшая впоследствии самым авторитетным американским специалистом по творчеству Сартра и популяризатором экзистенциализма в Америке, первоначально характеризовала его как «модную философию поражения и отчаяния» [цит. по: 4, р. 92], пришедшую из послевоенной Европы.

Вместе с тем, неоднозначное отношение к Сартру в философских кругах было также обусловлено его стремлением дистанцироваться от академической среды и, что еще более существенно, его политической позицией. Дело в том, что с течением времени стали очевидными возросшие симпатии и интерес Сартра к марксизму, что в условиях политики маккартизма начала 1950-х годов лишь усиливало подозрение к его идеям. «Охота на ведьмы», развернутая в рамках этого курса и нацеленная, в общем и целом, на борьбу с прокоммунистическими силами внутри государства и теми, кто симпатизировал им, велась и в стенах американских университетов [см. напр.: 8; 9]. Жертвами этой борьбы стали, в том числе, некоторые преподаватели высшей школы. По данным, приведенным в книге американского исследователя Джона Маккамбера, «98 преподавателей гуманитарных институтов стали либо объектами расследования, либо свидетелями противоположной стороны на заседаниях правительственных комиссий» [17, р. 25]. Вместе с тем, по понятным причинам особое внимание проводников этого курса было обращено к философским департаментам как традиционным рассадникам свободомыслия и нежелательных идей. Так, из 742 преподавателей философии, входивших в состав Американской ассо-

циации университетских преподавателей, 1,2% оказались под давлением политики маккартизма, превысив по этому показателю число преподавателей английского языка и литературы в 4 раза и на 20% число преподавателей физики, удерживая, таким образом, по оценкам Маккамбера, первое место среди представителей всех прочих областей знания [см.: 17, р. 25]. В то же самое время не только американские, но и зарубежные интеллектуалы, симпатизировавшие левым идеям, вызывали настороженность у спецслужб США. В частности, и Жан-Поль Сартр, и Симона де Бовуар неоднократно оказывались в их поле зрения из-за своих критических высказываний в адрес американской культуры, внешней политики и маккартистского курса [см.: 10].

В этих условиях политические и философские идеи Жана-Поля Сартра, которые были популярны и востребованы во Франции того времени, оказалась почти на периферии официальной американской академической философии, где на тот момент господствующие позиции уже практически закрепила за собой аналитическая философия с характерной для нее позитивистской проблематикой и методологией, стремлением приблизить философию к науке, свободной от пустых спекуляций и политической ангажированности. Анализируя результаты доминирования этого типа философии в американской академии, начиная с 1950-х годов и на протяжении нескольких десятилетий, американский философ Ричард Рорти констатировал, что в это время в департаментах философии фактически перестали изучать Гегеля, Ницше, Хайдеггера и других. Как следствие, в американских университетах эта традиция стала предметом дискуссий в других департаментах – например, истории, политики и сравнительного литературоведения [19, р. 198].

Наряду с указанными последствиями политики маккартизма ее запреты и ограничения произвели и вполне ожидаемый обратный эффект. Как отмечает Фредрик Джеймисон, описывая свой личный опыт, именно маккартизм стал тем решающим фактором, который способствовал радикализации его взглядов в 1950-е годы [см.: 16, р. 120].

В этой связи можно сказать, что обращение Джеймисона к Сартру было обусловлено не только беспристрастным философским поиском и исследовательским интересом, но и отчетливыми политикомировоззренческими мотивами, а именно стремлением найти ролевую модель вовлеченного в политику интеллектуала [12, р. 6].

По этому поводу сам Джеймисон отмечал: «...для целого поколения французских интеллектуалов, а также для других европейцев, особенно молодых британских левых, равно как и для американцев, таких, как я, Сартр представлял собой модель политически активного интеллектуала, одну из немногих ролевых моделей, которые у нас были, но которой было достаточно» [Цит. по: 12, р. 4].

В 1960-е годы с их революционным накалом, критическим переосмыслением социальных условий и обновленным дискурсом политической борьбы фигура французского философа сохранила свое значение для многих американских левых [См.: 7, р. 226], а его идеи и язык отразились в способе артикуляции и интерпретации ключевых проблем и в целом повлияли на формирование того политического нарратива 1960-х, который выступил как альтернатива господствующему.

«Человек совсем не является вначале, чтобы потом быть свободным, но нет различия между бытием человека и его «свободным бытием»» [2]. Таков конституирующий принцип онтологии радикальной свободы Жана-Поля Сартра, сформулированный им в работе «Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии», который стал определяющим одновременно и для его философской, и для его политической программ. Однако в случае Сартра это не просто одна из многих патетических деклараций и призывов к свободе, которые вдохновляли и служили идейным обоснованием протестных движений конца 1960-х годов в Европе и Америке. Свобода для него является неизбежным следствием несотворенности человека, его заброшенности в мир, а также представления о том, что сознание человека есть чистое ничто и не содержит в себе ничего, что было бы ему имманентно, будучи при этом всецело обращено вовне в поисках своего постоянно ускользающего содержания. Это сознание, лишенное каких бы то ни было устойчивых, изначально данных, априорных, оснований, и в силу этого вынужденное бесконечно конструировать себя, каждый раз делая свободный выбор, не подкрепленный никакими трансцендентальными «подсказками». Эта проблематичная ситуация имеет два важных следствия: такая радикальная свобода порождает чувство тревоги и отчужденности от мира, которое человек способен усмирить лишь проектируя и утверждая свое бытие в мире, в выборе которого он свободен.

Принципиально важную функцию в этом проектировании себя в мире для Сартра выполняет воображение. Описывая

его онтологический статус, в своей работе «Воображаемое: феноменологическая психология воображения» он пишет: «...воображение не является некоей эмпирической и дополнительной способностью сознания, оно есть само сознание в целом, поскольку в нем реализуется свобода сознания; любая конкретная и реальная ситуация сознания в мире наполнена воображаемым в той мере, в какой она всегда представляет собой выход за пределы реального...Ирреальное порождается за пределами мира сознанием, которое остается в мире, и человек способен воображать именно потому, что он свободен в трансцендентальном смысле» [3, с. 306]. Таким образом, сознание человека в своей потенции всегда воображающее, и именно воображение является тем, что позволяет человеку определить свое место в мире, установить контуры реального и пространство возможного. Анализируя концепцию воображения Сартра, Р. Талли отмечает его конституирующий потенциал, подчеркивая, что для французского философа «акт воображения сам по себе уже является способом формирования реальности, поскольку оно устанавливает возможность для сознания понять «реальный» мир» [20, р. 5].

Идея заброшенности и потерянности человека в мире в философии Сартра перекликается с концепцией когнитивного картографирования Фредрика Джеймисона, которая в проекте американского теоретика занимает особое место, фактически выполняя функцию политической стратегии.

Анализируя положение субъекта в реальности, и Сартр, и Джеймисон описывают его в терминах пространства. Сартрианская идея о творческом и свободном поиске человеком индивидуального проекта своего бытия-для-себя, превращающегося для него в собственный универсум, в центре которого он сам и оказывается, близка по своей сущности к требованию Джеймисона о поиске ментальных карт. И если в первом случае обретение своей «пространственности» равносильно обретению своего присутствия в мире и преодолению отчужденности от него, то во втором определение субъектом своего местоположения в социальной реальности имеет по сути тот же онтологический смысл.

Для Джеймисона человек/субъект, также как и для Сартра, оказывается затерянным в пространстве реального. Однако, объясняя истоки этого проблематичного состояния, американский теоретик указывает на его вполне конкретные социально-исторические предпосылки, связывая потерянную и отчужденность человека от социальной ре-

альности с логикой развития современного капитализма, который он называет поздним. Сопоставляя поздний капитализм с классическим капитализмом и докапиталистическими формами социальности, Джеймисон делает вывод о том, что если в этих последних формах «непосредственный и ограниченный опыт индивидов все еще мог налагаться и совпадать с той реальной экономической и социальной формой, которая этот опыт определяет» [13, р. 349], то капитализм в своей поздней стадии все чаще лишает индивидуальный опыт субъекта точек соприкосновения с социальной реальностью. И дело не столько в утрате ощущения значимости и аутентичности этого индивидуального опыта под унифицирующим воздействием глобализации, сколько в степени и интенсивности проникновения капиталистической логики во все без исключения сферы социальности.

Джеймисон утверждает, что в условиях позднего капитализма это проникновение становится тотальным – как в пространстве реального, так и в пространстве символического, что делает фактически невозможным формулирование какого бы то ни было альтернативного индивидуального или об-

щественного проекта, свободного от этой доминирующей логики. Для того чтобы восстановить способность человека/субъекта к политическому действию, т.е. восстановить его статус как субъекта политического, для начала ему необходимо вернуть себе ощущение социального пространства и умение ориентироваться в нем. Необходимы своего рода ментальные карты, которые обозначат контуры пространства и назовут его.

В этой процедуре когнитивного картографирования Джеймисон приписывает большое значение воображению. Он отмечает, что «когнитивная картография имеет целью четкое выражение структуры Воображаемого в наших отношениях к социальным структурам» [1], которые мы можем постичь «только посредством воображаемого, в фантазии или в нарративе» [1]. В этом отношении его проект снова сближается с проектом Сартра. И если, как утверждает французский философ, сознание тождественно воображению и тот факт, воображает субъект или нет, зависит лишь от его мотивации, то те надежды, которые Фредрик Джеймисон возлагает на способность сознания к производству утопий, не являются тщетными.

1. Джеймисон Ф. Репрезентация глобализации [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2010/04/05/jameson/> (дата обращения: 16.04.2013).
2. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. [Текст] / Ж.-П. Сартр. М.: АСТ, 2009. 928 с.
3. Сартр Ж.-П. Воображаемое: феноменологическая психология воображения. [Текст] / Ж.-П. Сартр. СПб.: Наука, 2001. 320 с.
4. Barres O. In the Depths of Despair. Existentialism by Jean – Paul Sartre. Review / O. Barres // the Saturday Review. May 31, 1947. P. 14.
5. Buchanan I. Fredric Jameson: Live Theory. / I. Buchanan. Continuum, 2006. 140 p.
6. Cannon B. Hazel E. Barnes 1915-2008: A Tribute and Farewell / B. Cannon, E. Hazel // Sartre Studies International. Volume 14, Issue 2, 2008. P. 90-103.
7. Cotkin G. Existential America / G. Cotkin. The Johns Hopkins Univ. Press, 2005. 368 p.
8. Deery P. 'Running with the Hounds' Academic McCarthyism and New York University, 1952-1953 / P. Deery // Cold War History. Vol. 10, No. 4, November 2010. P. 469-492.
9. Devinatz V.G. McCarthyism on the Charles: The Life and Times of Labour Historian Ray Ginger before and After His Dismissal from Harvard University / V.G. Devinatz // Left History. Vol. 13, Issue 2, Fall/Winter 2008. P. 128-150.
10. Friedman M.P. Of Sartre, race, and rabies: "Anti-Americanism" and the transatlantic politics of intellectual engagement / M.P. Friedman // Atlantic Studies. Vol.8, №3, September 2011. P. 361-377.
11. Fulton N. Apostles of Sartre: Existentialism in America, 1945-1963. / N. Fulton. – Northwestern Univ. Press, 1999. 170 p.
12. Homer S. Sartrean Origins // Fredric Jameson: A Critical Reader (eds. Sean Homer and Douglas Kellner) / S. Homer. New York: Palgrave Macmillan, 2004. P. 1-21.
13. Jameson F. «Cognitive Mapping» // Marxism and the Interpretation of Culture (eds. Nelson, C., Grossberg, L.) / F. Jameson. Univ. of Illinois Press, 1990. P. 347-360.
14. Jameson F. Marxism and Form: Twentieth Century Dialectical Theories of Literature / F. Jameson. Princeton Univ. Press, 1971. 432 p.
15. Jameson F. Sartre: the Origins of a Stile / F. Jameson. Yale Univ. Press, 1961. 228 p.
16. Live Jameson. An Interview with Fredric Jameson // Buchanan I. Fredric Jameson: Live Theory / I. Buchanan. Continuum, 2006. 152 p.
17. McCumber J. Time in the Ditch: American Philosophy and the McCarthy Era / J. McCumber. Northwestern Univ. Press, 2001. 213 p.
18. Roberts A. Fredric Jameson. Routledge Critical Thinkers / A. Roberts. Routledge, 2000. 176 p.
19. Rorty R. Philosophy in America Today / R. Rorty // American Scholar. P. 183-200.
20. Tally R. T. Jr.. Sartre, Marcuse and the Utopian Project Today. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.lib.purdue.edu/clcweb/vol12/iss1/2> (дата обращения: 16.04.2013).

ЕЩЕ РАЗ О ТАК НАЗЫВАЕМОЙ НОВОЙ ХРОНОЛОГИИ

УДК 930.24+94(0)

А.С. ЧУПРОВ

Появление новой хронологии оказалось в одном ряду с бесконечными разоблачительными кампаниями, начавшимися еще в годы перестройки и ельцинских реформ. В 80–90-х годах XX в. многие, кто претендовал на самостоятельность мышления, кто «изголодался» по свежему, а главное – «честному», взгляду на историю, сметали с книжных полок очередной опус академика А.Т. Фоменко и его очередного соавтора*.

Главное в новой хронологии – это укорачивание одних эпох в истории и удлинение других. «Темное средневековье» Западной Европы (примерно с III по XII вв.) было объявлено злонамеренной выдумкой хронолога-кальвиниста И.Ю. Скалигера, жившего во Франции-Италии-Швейцарии-Голландии в XVI–XVII веках. Соответственно начало «христианской» эры датировалось XII веком, когда в 1151 г. в Крыму родился Христос (он же Андрей Боголюбский и множество других известных персонажей мировой истории). История же России удлинялась примерно настолько же, насколько была урезана история Западной Европы. Египетская, китайская, греческая и римская античность становилась совсем нашей, «русской», поскольку всё это – история Русь-Орды.

Работы А.Т. Фоменко вызвали переполох и в академических кругах. Состоялись публичные дебаты в Академии наук и ведущих университетах страны. Крупнейшие специалисты в области истории, лингвистики, математики, астрономии, физики старались наглядно показать несостоятельность концепции новой хронологии и, мягко говоря, «вольность» ее авторов в обращении с фактами и цифрами. Своеобразным итогом дискуссии стала статья академика С.О. Шмидта «“Феномен Фоменко” в контексте современного общественного сознания» [9]. Правда, обозначив слабые места концепции А.Т. Фоменко и неслучайность ее появления, основ-

ное внимание С.О. Шмидт уделил тому, что, по его мнению, должно было выработать у молодежи иммунитет к такого рода теориям (формирование «правильного» исторического сознания, краеведение и т.п.). Тогда академическая наука – ввиду фактического отказа А.Т. Фоменко от участия в дискуссиях с профессиональными историками – «закрыла» тему новой хронологии**.

Однако, как говорил В.С. Черномырдин, «отродясь не было и вот опять». Критика ничуть не поколебала позиции академика А.Т. Фоменко и его сторонников. К радости своих адептов А.Т. Фоменко и Г.В. Носовский на каждое критическое замечание в свой адрес отвечали более мощным контрударом. Подключили Интернет, радио, телевидение, кинематограф. Концепция новой хронологии из чисто научного явления превратилась в феномен общественной жизни. Центральные каналы стали транслировать пространные интервью авторов новой хронологии. А в 2009 году стартовал грандиозный 24-серийный проект кинокомпании “Godland Pictures” «История: наука или вымысел?», получивший, судя по откликам в Интернете, весьма сильный общественный резонанс***.

Действительно, концепция А.Т. Фоменко подкупает своей формальной логичностью. Такое ощущение, что в ней всё непонятное и алогичное в истории (например, изображение Мама в византийской короне, ведущего свои войска под христианскими хоругвями и т.п.) встает на свои места, обретает целостность и законченность. Но, увы, соблюдение законов формальной логики – это еще не гарантия истины. Это, как любят говорить математики, «условие необходимое, но недостаточное». Известно, что все самые знаменитые бредовые теории вполне логичны. Но от этого они не перестают быть бредовыми. Как писал И. Кант, «болезни

*С полным перечнем книг А.Т. Фоменко и его соавторов (М.М. Постникова и Г.В. Носовского) по новой хронологии, изданных в 1981 – 2012 гг. на русском и иностранных языках, можно ознакомиться на сайте <http://www.chronologia.org/bibliography.html> (дата обращения: 15.12.2012). На сегодня их насчитывается более ста наименований общим тиражом около 1 миллиона экземпляров.

**О фактическом прекращении дискуссии с профессиональными историками еще в 1999 г. пишет М.Л. Городецкий: <http://hbar.phys.msu.ru/gorm/fomenko/answer2.htm> (дата обращения: 15.12.2012).

*** На сайте <http://www.google.ru/search?> приводится свыше двух миллионов материалов, посвященных фильму (дата обращения: 15.12.2012).

головы» (так в XVIII веке было принято называть психические заболевания, связанные с нарушением логики) делятся на два вида. Первый, когда из неправильной посылки делаются правильные, т.е. логичные, выводы (это еще полбеда). Второй, когда из правильной посылки делаются неправильные, алогичные выводы. Последний вид, по мнению Канта, практически неизлечим [3]. Добавлю к этому еще одно соображение. Гегель рассматривал нормальное мышление как результат перманентного снятия безумия, «латентно» свойственного любому нормальному человеку. Порождается это безумие противоречивостью всего сущего [1]. Однако в отдельных случаях такое снятие – по разным причинам – не «срабатывает» и мы имеем феномен гениальности-безумия как, кстати, и остроумия.

Неслучайно предшественником А.Т. Фоменко был народоволец Николай Морозов, просидевший в одиночной камере 20 лет, где и сочинил эту «новую хронологию». Гениальность и безумие часто переплетаются [8]. (Предлагал же Хрущеву в начале 60-х годов XX в. «совесть нации» академик А.Д. Сахаров обложить Америку со стороны двух океанов десятками атомных бомб и взорвать, чтобы вызванная взрывом волна захлестнула США с двух сторон)*. Наверное, многие обратили внимание на ту почти маниакальную настойчивость, с которой А.Т. Фоменко и Г.В. Носовский развивают и пропагандируют свою концепцию. Наверное, без увлеченности и напора ощутимого результата хоть в искусстве, хоть в науке получить невозможно. Тем более что для математиков А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского новая хронология – это хобби, любительское увлечение, ставшее делом жизни, игра ума. А.Т. Фоменко – человек, безусловно, неординарный, талантливый и весьма образованный в области истории. Однакостораживает установка рассматривать все и вся сквозь призму идефикс. С такими людьми вести диалог очень трудно. Они, как герой шукшинского рассказа «Срезал», умеют говорить и спорить, но не хотят и не умеют прислушиваться к оппоненту, а тем более учиться у него.

В подлинно научной дискуссии не может быть проигравшего и победителя. Научная дискуссия всегда предполагает взаимообогащение и углубление в понимании (всеми сторонами) сущности обсуждаемого предме-

та. Тут не «дружба побеждает», а рождается истина. Однако этого, как показывают представленные в Интернете материалы, посвященные спорам вокруг новой хронологии, просто-напросто нет. Есть «диалог глухих». В лучшем случае представлено отношение общественности к новой хронологии: 1) нравится (≈25%); 2) не нравится (≈25%); 3) «в этом что-то есть» (≈50%)**.

Критика в научной дискуссии всегда предполагает: 1) установление исходных, системообразующих элементов концепции и проверку ее внутренней логической непротиворечивости; 2) определение соответствия концепции имеющемуся эмпирическому материалу с учетом «теоретической нагруженности» фактов; 3) выяснение причин, условий и целей появления этих методов и концепций и, наконец, 4) прогнозирование возможных практических последствий применения этих методов в науке и утверждении этой концепции в общественном сознании. Таким образом, научная критика – это всегда, говоря на манер Канта, **определение границ «возможного применения»** того или иного подхода, метода, концепции.

Об исходных, системообразующих элементах новой хронологии скажу чуть ниже. Сейчас же замечу, что при всей «складности» эта концепция все же небезупречна с точки зрения внутренней непротиворечивости. Критики концепции Фоменко–Носовского обнаружили в ней множество несогласованностей***, поэтому не буду на этом останавливаться. Что же касается соответствия концепции имеющемуся эмпирическому материалу с учетом «теоретической нагруженности» фактов, об этом написано также довольно много: от якобы русских васильков в гробнице Тутанхамона до искажения результатов дендрохронологического и радиоуглеродного анализа артефактов [7]. Могу лишь свидетельствовать (поскольку профессионально занимался историей Сибири XVII века), что никаких признаков существования в это время сибирского-ордынского царства со столицей в Тобольске, о котором пишут А.Т. Фоменко и Г.В. Носовский, нет. Действительно, первые сибирские города были одновременно крепостями, а служилые люди воевали с местными племенами вплоть до 70-х годов XVIII века. Но, спрашивается, что это за столица независимого

*http://ru.wikipedia.org/wiki/Фалин,_Валентин_Михайлович (дата обращения: 15.12.2012).

** <http://www.google.ru/search?> (дата обращения: 15.12.2012).

***http://ru.wikipedia.org/wiki/%CD%E2%E0%FF_%F5%F0%E2%E2%E3%E8%FF_%D4%E2%EC%E5%ED%EA%E2 (дата обращения: 15.12.2012).

от Москвы царства, когда здесь чуть ли не на каждый гвоздь надо было получить добро в Сибирском приказе? Или, может быть, Сибирский приказ находился не в Москве, а в каком-нибудь «дубликанте» Тобольска? А бесконечные «сыски», проводимые этим приказом после воеводства практически всех московских назначенцев? Неужели тысячи документов, появившиеся в ходе этих расследований и благополучно сохранившиеся до наших дней, были «нарисованы» «фальсификатором» истории России и Сибири немцем Г.Ф. Миллером (1705–1783)? Или русский историк немецкого происхождения успел перевезти фонды Сибирского приказа из Сибири в Москву?

Небезгрешны авторы новой хронологии и в подборе фактов. Берут те, которые (после определенной интерпретации) согласуются с концепцией. А те, которым никакая интерпретация «уже не помогла», игнорируют. Впрочем, этому может быть и другое объяснение. «Если факты противоречат моей теории, тем хуже для фактов»*. Иначе говоря, принятая концепция как бы сама ищет, отбирает и интерпретирует факты, которые согласуются с ней. Подобно тому, как цветовой фильтр позволяет вычлнить в многокрасочном мире только то, что окрашено в один определенный цвет. Тартария (она же Русь-Орда) с присущей ей системой двойного управления (гражданского и военного при верховенстве последнего) – это основной якобы эмпирический элемент новой хронологии. Хотя в действительности он не более чем гипотеза, построенная на весьма зыбких основаниях. Но, несмотря ни на что, этот «факт» служит системообразующим для всей новой хронологии. С таким же успехом можно было взять Атлантиду и факты всей мировой истории интерпретировать в свете появления, существования и гибели этой цивилизации и последствий этого вплоть до настоящего времени и обозримого будущего. Главное – найти «свидетельства» причинно-следственных связей между Атлантидой и историей всех «оставшихся» народов и государств.

Обратимся к исходным логическим основаниям новой хронологии. Нам с экранов телевизоров говорят: «Благодаря новой хронологии Фоменко–Носовского в исторической науке меняется парадигма». На самом деле тут не парадигма меняется. Исчезает сама история. Бесспорно, хроно-

логия – это хребет исторической науки (как ритм в музыке). Однако зададимся вопросом: «Хронологию чего создали Фоменко и его соавторы?». Казалось бы, ответ очевиден – истории. Но ведь всякая хронология (то есть количественная определенность) не только относительна, но и качественно обусловлена. Одно дело хронология изменений в космосе и совсем другое – в истории. Четыре года Великой Отечественной войны – это не четыре года относительно спокойного периода. Думать, что астрономическое время – это что-то абсолютно объективное, а историческое время – исключительно субъективное, неверно. Во-первых, как показал в «Критике чистого разума» И. Кант, сама возможность счета, арифметика и геометрия покоятся на априорных формах организации внутренних и внешних ощущений субъекта (пространства и времени) [2, с. 48–69]. Во-вторых, и астрономическое, и историческое время – это «всего лишь» концепты, принятые в разных областях знания. Когда происходит подмена одного концепта другим, мы неизбежно приходим к тем «чудесам», которыми переполнена историческая конструкция Фоменко–Носовского. Это как раз тот случай, когда из неверной посылки (подменный концепт и весьма сомнительный исходный эмпирический факт) делаются «верные» (то есть логичные) выводы. А дальше, как говорится, «дело техники». Просто надо в соответствии с принципом дедукции (заключение от общего к частному) нарисовать картинку из прошлого. Чем их больше и чем они ярче, тем лучше. Точнее, убедительнее. Существует же концепция, согласно которой, истина – это чувство удовлетворенности**. Тем более что читатели, слушатели и зрители работ Фоменко–Носовского воспринимают их схему как построенную от частного к общему, т.е. индуктивно. А.Т. Фоменко неслучайно сначала называл свои фантастические идеи гипотезами. Они и были гипотезами в смысле лакатосовской концепции исследовательских программ, где гипотезы призваны защитить центральную идею, так называемое «жесткое ядро» концепции [5]. Это потом его сторонники, окончательно не доказав, а именно уверовав в их истинность, стали преподносить их как открытия.

Критики новой хронологии, как правило, указывают на фантастичность этой концепции. Действительно, трудно поверить, что этрусски – это те, кто произошел

*Приписывается Г. Герелю.

**<http://personal-m.ucoz.ru/free/truth.htm> (дата обращения: 15.12.2012).

«от русских», что Ярослав Мудрый и Чингисхан – это одно и то же лицо. Как и в то, что Христос – это Андрей Боголюбский, а египетские пирамиды – это усыпальницы правителей Русь-Орды. Но вера – это вопрос убедительности подачи материала. К тому же легковверных людей всегда находится превеликое множество. Сам автор новой хронологии охотно рассказывает, с чего всё началось. И про Ньютона (не Исаака, а астронома, «обнаружившего» эффект ускорения вращения Луны), чья работа побудила А.Т. Фоменко заняться хронологией. И про Н. Морозова. И про параллелизм правящих династий, натолкнувший еще Н. Морозова на мысль о дубликантах в истории, когда одно и то же лицо в разных источниках именовалось по-разному*. Но это всё вопросы методики исследований и интерпретации конкретных источников. Тут можно спорить до бесконечности. Нас в данном случае интересует другое. Как в принципе А.Т. Фоменко мог прийти к таким невероятным суждениям? Что в самой логике выдающегося ученого лежит в основании этих «фантазий»?

Ответ на этот вопрос я вижу, во-первых, в самой природе человеческого разума; во-вторых, в профессиональном стиле мышления А.Т. Фоменко. Как показал всё тот же И. Кант, человеческий разум по природе своей требует непротиворечивости, завершенности и целостности картины мироздания. Это а priori задается тем, что Кант назвал «идеалом чистого разума» [2, с. 345]. Кант, разумеется, не называет это богом, однако всякое (в том числе религиозное) конкретное воплощение этого принципа всегда проблематично, хотя и скроено по законам формальной логики, законам рассудка. Экстраполяция эмпирических суждений, основанных на чувственном опыте, на область, которая не может быть дана в ощущениях, приводит к формированию представлений, которые в принципе не доказуемы. Тут и «вступает в свои права» вера. В сущности, вера – это выбор, который делает человек. В этом суть человеческой свободы. Один верит в бога, другой верит в его отсутствие. И ни одна «вера» не может быть ни доказана, ни опровергнута.

А.Т. Фоменко стремится строить непротиворечивую целостную картину мироздания в соответствии с законами формальной логики. Свое место в ней занимает, естественно, историческая реальность. Но образ ее скроен в соответствии с логикой, точнее, стилем дифференциальной геометрии. В сущности,

новая хронология – это не хронология истории, а ее «дифференциально-геометрическое» виденье. Причем весьма и весьма любопытное. Убедительность этой концепции более всего придает формально-логическая причинность. Например, утверждается, что вплоть до конца XVI века Западная Европа платила дань московским царям, и что стиль барокко с его чрезмерной роскошью появился потому, что западноевропейская знать, освободившись от русь-ордынского ига, наконец-то могла позволить себе излишества. Почему? Потому что не стало прежнего хозяина, который обирал королей, герцогов, графов и курфюрстов до нитки. Потому что передрались они там, в далекой Тартарии (Русь-Орде) друг с другом, истощились за годы великой смуты. Вот и не могут теперь контролировать своих западноевропейских вассалов, как это было в XIII–XVI веках. Иронизировать можно, конечно, сколько угодно, но здесь мы сталкиваемся с довольно серьезной вещью, а именно подменной причинности логичностью.

Принцип детерминизма (причинности) – один из самых главных в научном познании. Но не всегда и не везде. Например, принцип детерминизма полностью отсутствует в математике. Именно поэтому математик может с легкостью необыкновенной строить весьма логичные (и потому убедительные) схемы, выдавая их за причинно-следственные связи. Но логичность – это еще не причинность. Событие Y после события X совсем необязательно означает, что событие Y произошло в результате события X. Шотландский философ Д. Юм (1711–1776) не случайно пришел к выводу о том, что причинность – это не более чем удобная, комфортная для человека форма представления о последовательности тех или иных событий, в сущности, привычка [11, с. 450]. Кстати, именно эта идея натолкнула И. Канта заняться критикой чистого разума [4, с. 11]. С другой стороны, иногда выявление причин, т.е. объяснение, совсем не входит в задачу историка. А.Ф. Лосев, исследуя становление исторической науки в Древней Греции, пришел к выводу о том, что «отец истории» Геродот и вовсе не был этим озабочен. Первые намеки на установление причинно-следственных связей в истории Лосев обнаружил только у Фукидида [6].

Таким образом, вместо пусть неполной, неточной, противоречивой и загадочной исторической картины в новой хронологии мы получаем очень логичную, прямо-таки мате-

*<http://www.chronologia.org/faq/ground.html> (дата обращения: 15.12.2012).

матическую, но совершенно фантастическую картину мировой и отечественной истории. В нее можно верить, а можно и не верить. Каждый волен выбирать, как ему заблагорассудится. Поэтому вопрос о правомерности новой хронологии не может решаться на основе убедительности. Он может решаться только на основе практической целесообразности.

Каковы цели и возможные практические последствия пропаганды новой хронологии? Примечательно, что по началу издание книг по новой хронологии финансировал занявшийся политикой чемпион мира по шахматам Гарри Каспаров и другие «ультралибералы»*. Какой бы ни была политическая ориентация авторов новой хронологии, сам этот факт не может не насторожить, поскольку в политике всякая крайность оборачивается экстремизмом (хоть правым, хоть левым), который ничего хорошего людям не сулит. Он может быть «красивым» и безобидным в теории. На практике же это всегда кровь, разруха, массовое одичание, всеобщий страх и ненависть. Можно только поблагодарить А.Т. Фоменко за постановку вопросов, похожих на те, что задают дети с их еще ничем незамутненным сознанием. С научной точки зрения они очень интересны и могут стимулировать дальнейшие исторические изыскания по конкретным сюжетам. В этом, собственно, и заключаются границы «возможного применения» новой хронологии. Однако политическая и мировоззренческая составляющие этой концепции вызывают протест. Понятно, что дело тут не в примитивном желании историков (якобы жертв романовской мистификации и немецкой фальсификации истории Руси) сохранить

свои зарплаты, не в корпоративной солидарности, не в заискивании перед властью, не в отсутствии у них каких бы то ни было способностей к самостоятельному мышлению (именно об этом через предложение не устают писать и говорить адепты новой хронологии). Всё гораздо серьезнее. Речь идет о самосохранении нации. О сохранении мировоззренческого «каркаса» каждого человека. На практике это может иметь гораздо более серьезные последствия, чем смена птолемеевской картины на коперниканскую. От того, что люди узнали, что Земля крутится вокруг Солнца, а не наоборот (кстати, именно с этим переворотом в науке сравнивал появление новой хронологии сам А.Т. Фоменко**), народы и государства не стали разваливаться.

Еще А. Шопенгауэр, решительно отказав истории в статусе науки, подчеркивал ее ничем незаменимую роль «личной» памяти человечества в целом и каждого народа в отдельности [10, с. 460–461]. Лишите человека памяти о самом себе, внушите ему, что он «совсем не тот, кто был вчера», и он, действительно, станет другим. И не важно: лучше или хуже, но другим. Так и с исторической памятью. Изменение традиционной хронологии неизбежно повлечет за собой изменение социально-культурного «самочувствия» нации, ее самоидентификации. В такой «переходный» момент со всяким народом можно делать все, что угодно. Можно просто уничтожить. Одно утешает, что историческая память нации определяется не только политиками и письменной историей, но и устной памятью каждого поколения.

Остается лишь ответить на «вечный» вопрос «*Qui prodest*» (Кому это выгодно)?

1. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т.3. М., 1977. С.175–176 и др.
2. Кант И. Критика чистого разума. М., 1994.
3. Кант И. Опыт о болезнях головы // Кант И. Собрание сочинений в восьми томах. Том 2. Под общей редакцией А.В.Гулыги. М., 1994. Переводчик 2 тома Б.А.Фохт.
4. Кант И. Сочинения в 8 т. М., 1994, Т. 4.
5. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995.
6. Лосев А.Ф. Античная философия истории. М., 1977.
7. Новиков, А. Крах новой хронологии [Текст] / А. Новиков. М.: Изд. Букстрим, 2011.
8. Чезаре Ломброзо. Гениальность и помешательство // Ch. Lombroso. Genio e follia (1864). СПб., 1892.
9. Шмидт, С.О. «Феномен Фоменко» в контексте современного общественного сознания [Текст] / С.О. Шмидт // Исторические записки. 2003. № 6 (124). С. 342–387.
10. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т.2. М., 1993.
11. Юм Д. Сочинения в 2 т. М., 1966. Т.1.

*См: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Новая_хронология_\(Фоменко\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Новая_хронология_(Фоменко)) (дата обращения: 15.12.2012).

**См. интервью А.Т. Фоменко в программе «Рожденные в СССР» от 08.12.2011 г.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛИБЕРАЛЬНЫМИ МЫСЛИТЕЛЯМИ И УЧЕНЫМИ ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX вв.

УДК 93/99(4/9)

Б.Н. КАРИПОВ

Восстание Емельяна Пугачева и Французская революция 1789 года рассеяли иллюзии просвещенного абсолютизма. В этих условиях в рядах дворянской интеллигенции либеральные идеи, воспринятые от европейских учителей, подвергались критической обработке и, соотнесенные с российскими реалиями, начали обретать конкретное содержание. Идея свободы как естественного состояния человека оставалась центральной и в начале царствования Александра I. Однако, памятуя о произволе предшествующего царствования, молодые сподвижники царя ожидали подкрепления идеи свободы политическими гарантиями, которые виделись в конституционных правах. Огромную роль в обосновании этих идей сыграл русский общественный и государственный деятель, реформатор и законодатель М.М. Сперанский. Опираясь на теорию естественного права, он разработал первый проект политического устройства России, предусматривавший разделение властей и законодательное ограничение самодержавия [6, с. 118]. По существу, это был первый проект Российской Конституции.

Представитель «классической школы» государственоведения известный русский профессор права и публицист А.Д. Градовский видел предел государственной власти в конституции и считал, что именно конституцией должна ограничиваться государственная власть [3, с. 3–4]. По его мнению, основным и общим признаком конституционной формы являлось «самоограничение» государственной власти, в силу чего эта власть не могла быть абсолютной, в чьих бы руках она ни находилась: в руках народа или монарха с народным представительством. Юридическим выражением такого самоограничения А.Д. Градовский считал основные законы, или конституции. В них, по его мнению, содержались те необходимые юридические и политические положения, в пределах которых должны были действовать все государственные власти, в том числе и законодательная власть. Сама законодательная

власть связывалась и ограничивалась конституцией. Законы, исходящие от нее, должны были быть конституционными; в противном случае они не могли иметь обязательной силы. Конституция являлась законом, поставленным над всеми факторами государственной власти, которые должны были сообразовать с высшим законом собственные действия в области законодательства, суда и управления [8, с. 568].

Большинство либеральных российских мыслителей являлись сторонниками концепции равновесия и взаимодополнения в отношениях между гражданским обществом и государством, что позволяло сдерживать произвол последнего. По мнению русского правоведа, философа, историка и публициста Б.Н. Чичерина, общество как единое целое проявляло себя в деятельности общественных союзов. Государству как одному из этих союзов принадлежала верховная власть в обществе. Однако государственными формами не исчерпывалось всё многообразие общественной жизни; «в пределах единства» всегда имелось необходимое «место для отдельных лиц и для частных союзов; и те, и другие требуют свободы и самостоятельности» [7, с. 214]. Нарушение же такой самостоятельности со стороны государства и его органов вело к деспотизму. Следовательно, именно свобода являлась необходимым условием сосуществования гражданского общества и правового государства. Она предполагала одновременное развитие той и другой институциональных парадигм в принадлежащих им сферах деятельности. Последовательно отстаивая приоритет права, российские либералы связывали его с идеей сильного государства, способного проводить необходимые реформы, обеспечивая порядок в стране. Отсюда их пристальное внимание к идее государственности, активные усилия по разработке концепции правового государства [9, с. 432].

Составной частью концепции правового государства российские либеральные мыслители считали принцип *разделения властей*.

Это объясняется тем, что данный принцип рассматривался не только как содержательное понятие, обладающее немалым эвристическим зарядом для решения различных теоретических проблем, но и как важнейший политико-правовой механизм функционирования политической системы. Речь в первую очередь шла об адаптивных свойствах принципа разделения властей, что являлось актуальным для политической действительности российского общества и государства, вставших на путь реформирования и модернизации. Российские либеральные мыслители считали, что теоретическая разработка этого принципа будет во многом способствовать «снятию» разрушительных, деструктивных элементов в развернувшихся со второй половины XIX века процессах преобразования политической системы России.

Либералы дореволюционной России исходили из понимания принципа разделения властей как принципа политико-правовой власти. При разработке этой темы они сталкивались с проблемой формирования представления о государственной власти как единой и неделимой. Утверждалось, в частности, что суверенная государственная власть представляет собой не какой-то механический агрегат определенных полномочий в территориальных пределах государства, но органическое единство всех правомочий единой воли государственной личности, властвующей в пределах всей территории государства. Единая личность государства и его единая властвующая воля не могут быть делимы.

Российский ученый – юрист, теоретик права Н.И. Палиенко считал, что на территории одного государства может существовать одна суверенная государственная власть. В своей территориальной сфере суверенная государственная власть исключает иную суверенную власть и не может дробиться на несколько суверенных властей. В этом случае она не являлась бы высшей территориальной властью, не говоря о том, что подобное дробление суверенной власти противоречит ее природе, которая представляет собой не механическую сумму прав властвования, но потенциальную полноту всех. Судя по целям, которые осуществляются, и по формам, которые реализуются, государственная власть проявляет себя в самых различных функциях, из которых основными выступают: законодательство, суд и правление в материальном и формальном смыслах. Эти функции и могут распределяться различным образом между разными органами одного государства. Каждый орган имеет свою юридически определенную сферу действия, компетен-

цию. Но так как это органы одного и того же государства, осуществляющие одну и ту же государственную власть, то никакого деления этой власти нет [4, с. 449–502].

Многие российские мыслители и ученые юристы связывали пределы государственной власти с явлениями социально-психологической жизни людей. Так, Н.И. Палиенко, исходя из того, что государственная власть в основе своей есть явление коллективно-психологического характера, пришел к выводу, что в качестве мотивации поведения подвластных исключительно подавляющей принудительной силы, находящейся в распоряжении властителя, недостаточно. Согласно его взглядам, нормы в целом и законы в частности, представляют собой не что иное, как «внешнеимперативные нормы». Поэтому их обязательность для государства должна была обуславливаться тем психологическим фактором, который в огромной мере сам обуславливал силу государства и его власть, – признанием со стороны подвластной моральной авторитетности, пользы, рациональной необходимости подчинения таким нормам [5, с. 339]. Таким образом, воля подвластных оказывалась не менее важной, чем воля властвующих. Именно первая из двух волей должна служить базисом для объяснения отношения права к государству.

Используя результаты психологического анализа права, Н.И. Палиенко дал формально-юридическое объяснение связанности государства правом. Властитель мог быть связан устанавливаемыми им нормами не потому только, что обязательность этих норм основалась на его собственном убеждении и желании. Главной причиной являлось то обстоятельство, что в этой социальной массе, властителем которой он являлся, созревало сознание и признание обязательности и для него норм, декларируемых им самим. Тогда эти нормы отрешались в сознании подвластных от воли властителя, объективировались и противопоставлялись властителю как связывающее его внешнее определение деятельности независимо от его произвола, субъективных убеждений и воли. Таким образом, нравственные ограничители принимали форму юридических, формальных, ограничителей. В подданных государства и их нормативных убеждениях заключалось не нравственное, свободное самоопределение властителя, но правовое, внешнеимперативное его определение [5, с. 338–342].

Одним из условий воплощения в жизнь идеи подчинения государства праву российские либералы считали разделение функций государственной власти. Разделяя законода-

тельные, управленческие и судебные функции государственной власти, российские либеральные мыслители исходили из того, что органы, осуществляющие эти функции, неравнозначны. Традиционным было признание верховенства законодательной власти. Считалось, что верховная власть не изменит начала законности, если отменит своим новым законом любой из ранее изданных ею законов. Верная началу законности, власть подчиняется закону и в своих судебных решениях, и в своих актах управления.

Российский государственный и политический деятель, юрист и публицист В.М. Гессен, в частности, считал, что, законодательствуя, государство свободно, поскольку оно не связано положительным правом. Законодательная власть по своему существу не может быть ограничена законом. Однако пребывая в лице правительственной власти (то есть, осуществляя такую власть), государство ограничено действующим правом. Издавая законы, государство связывает и обязывает им не только подчиненных ему индивидов, но вместе, непосредственно или опосредованно, и самое себя. Закон накладывает известные обязанности на граждан, предоставляя соответствующие права правительству; но в то же время закон накладывает известные обязанности на правительство, предоставляя гражданам соответствующие права. Государство в лице своей правительственной власти так же подчиняется закону, как и каждый гражданин в отдельности [1, с. 12].

Российские либеральные государственоведы, в основном представлявшие университетскую юридическую школу, исходили из того, что принцип разделения властей имеет *иерархический* характер. В отношениях законодательной, исполнительной и судебной властей верховенство принадлежит первой. Такое построение правовой государственности вело не только к разграничению, но и обособлению функциональной деятельности. Сторонник этой позиции, В.М. Гессен, настаивал на том, чтобы власти были не разделены, а обособлены. Такое обособление предполагало отделение правительственной и судебной властей от законодательной власти – но не для того, чтобы они находились в равном положении, а для того, чтобы законодательная власть подчиняла себе подзаконные правительственную и судебную власти. Уравновешивание властей в теории Шарля Луи де Монтескье, по его мнению, находилось в прямом противоречии с принципом единства государственной власти. Другими словами, для В.М. Гессена соподчинение действий правительства и

суда контролю законодателя являлось фактическим подтверждением принципа разделения властей.

Либеральная политико-правовая парадигма основывалась на том, что административные власти в своих требованиях должны были постоянно основываться на законе. Своими действиями и распоряжениями административные власти никогда не должны были нарушать личных и общественных прав, основанных на законе. Законы устанавливали пределы административной деятельности, однако при этом не определяли ее содержания. Правительство часто не столько исполняло закон, сколько пользовалось государственными средствами в законных пределах. Не имея значительной доли свободы, возможности самоопределения, административные власти не могли бы выполнить своего предназначения. Но при значительной свободе действий административный орган мог легче нарушать формальные требования закона, чем судья. Законодатель не мог предусмотреть всех обязанностей, входящих в состав административной деятельности. В этом состояло основное начало административной организации. Если основным началом судебной организации являлся принцип независимости судей, которая гарантировалась их несменяемостью, то основным началом административной организации являлась ответственность [3, с. 95–96].

Что касается судебной власти, то назначение ее усматривалось в восстановлении или защите права, когда оно нарушалось, или в определении, кому принадлежит право, когда оно являлось спорным. Общим мнением было утверждение, согласно которому судебное решение обязательно является применением общего закона к каждому конкретному случаю. Однако если судебное решение по идее есть только применение закона к частному случаю, то судья должен был превратиться в пассивного проводника закона, и его деятельность в таком случае исчерпывалась бы механическим его приложением. Судебное решение должно было основываться исключительно на законе, потому что суд призван был руководствоваться волей законодателя, выраженной в той или иной форме. Но из этого не следовало, что деятельность судьи должна была быть пассивной. Каждый практический случай представлял собой сочетание типичного и своеобразного, и такая диалектическая позиция требовала от судьи немалых теоретических и практических знаний для определения того, какой закон применим в каждом отдельном случае. Судебное решение требовало ряда особых приемов, сово-

купность которых носила имя толкования законов; изъяснение смысла законов, содержащееся в судебном решении, представляло собой особый и самостоятельный элемент права. Если постановленное решение влияло на способ применения закона к другим однородным случаям, то оно служило образцом истолкования закона. Судебная интерпретация в тех случаях, когда судебное дело восполняло пробел в законодательстве (решение по подобию), превращалось в самостоятельный источник права, конкурирующий с законодательством.

Особое внимание либеральными учеными и мыслителями пореформенной России уделялось *гарантиям правомерности правительственной власти*, которая воспринималась как источник субъективных публичных прав граждан. Считалось, что и публичные, и частные права гражданина гарантируются судебной защитой и охраной. Сообразно особому характеру публичных прав наиболее важной формой их судебной защиты В.М. Гессен видел в институте административной юстиции своеобразную и обособленную организацию судебной власти, призванную защищать субъективные публичные права путем отмены незаконных распоряжений административной власти. Значимой формой контроля деятельности исполнительной власти считалось рассмотрение законодателями неправомερных действий высших должностных лиц с последующим ходатайством перед судом о вынесении меры наказания. В.М. Гессен подчеркивал, что принадлежашее палате народных представителей право привлечения к уголовной ответственности министров является гарантией не только (и не столько) закономерности, сколько целесообразности правительственных актов. Юридическая ответственность дополнялась

институтом политической ответственности. Кабинет министров, обязанный отчитываться за свои действия и решения перед парламентом, всегда должен был учитывать, что он мог быть смещен последним за неравномерные действия [2, с. 221–223].

В рассмотрении вопроса о разделении властных полномочий российские либералы придерживались общей позиции, что государственная власть как верховная едина и неделима, и разделить ее можно только функционально. Различаются же они по целям, которые осуществляет государство, и по формам, в которых действуют его органы. Различие функций законодательства, управления и суда не совпадает с различием законодательной, исполнительной и судебной властей. Это несовпадение проявляется в том, что управление представляет собой более широкое понятие, чем исполнение. Деятельность государственных органов должна подчиняться праву, должна быть подзаконной.

В заключение отметим, что эффективность разделения властей как способа организации государственной власти в достаточной мере нашла доказательства в теориях российских либералов. Принцип разделения властей был признан как необходимый компонент социальной системы, основанной на автономии личности, ее свободной деятельности в экономике и политике, либерально-демократической организации управления общественными делами. В основу модели политических изменений пореформенной России, сформулированной либеральными мыслителями и учеными, был положен концепт правового государства. С помощью правовой государственности либералы надеялись разрешить многочисленные коллизии между личностью и государством.

1. Гессен В.М. О правовом государстве // Правовое государство и народное голосование. К реформе государственного строя России. Выпуск 2. СПб.: Изд-во Н. Глаголева, 1906. 361 с.

2. Гессен В.М. Теория конституционного государства. Издание 3. СПб.: Изд-во «Касса взаимопомощи студентов Санкт-Петербургского политехнического института императора Петра Великого», 1914. 299 с.

3. Градовский А.Д. Государственное право важнейших европейских держав. Часть 2. // А. Д. Градовский. Собрание сочинений. Т.5. СПб.: Изд-во М.М. Стасюлевича, 1902, 567 с.

4. Палиенко Н.И. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль: Изд-во «Типография губернского правления», 1903. 591 с.

5. Палиенко Н.И. Учение о существе права и правовой связанности государства. Харьков: Изд-во «Типо-литография М. Зильберберг и сыновья», 1908. 351 с.

6. Сперанский М.М. Проекты и записки. М., Л.: Изд-во АН СССР «Наука», 1961. 272 с.

7. Чичерин Б.Н. Собственность и государство. В 2-х частях. Часть 1. М.: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и К^о, 1882. 267 с.

8. Ширинянц, А.А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли) [Текст] / А.А. Ширинянц. М.: Изд-во Московского университета, 2011. 568 с.

9. Шутов, А.Ю. Российское земство и европейские традиции местного самоуправления (формирование представительства в местном самоуправлении России и Европы второй половины XIX – начала XX века) [Текст] / А.Ю. Шутов. М.: Изд-во Московского университета, 2011. 432 с.

ЭВОЛЮЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ПАРЛАМЕНТА В 1990–2000–е ГОДЫ

(На примере Республики Хакасия)*

УДК 94(470+571.513)

Е.В. ТЫШТА

Проблема соотношения влияния экономических и политических факторов на трансформационный процесс является актуальной как для историков, так и философов. 1990-е годы – время коренного перелома в российской истории. Трансформационные процессы, имевшие место в данный период, кардинальным образом изменили политическую и социально-экономическую системы общества. Последствия этих изменений мы ощущаем до сих пор, да и сам трансформационный процесс еще не завершен. Республика Хакасия как составная часть Российской Федерации была включена в политические и социально-экономические трансформации. В республике трансформационные процессы в 1990-х гг. нашли свое проявление в трех основных факторах. Во-первых, замена старой партийно-советской политической элиты на новую. Во-вторых, это развитие гражданской активности населения, формирование новых общественных организаций и движений. И, в-третьих, трансформация республиканского законодательства, повлекшая за собой изменения в политической и социально-экономической сферах. Цель данной статьи – проследить, каким образом менялась законотворческая работа в хакасском парламенте на различных этапах трансформационного процесса.

Историографический обзор данной темы не велик. Это обуславливается, главным образом, тем, что период времени, отделяющий нас от анализируемых событий, незначительный. Автор при анализе трансформационных процессов в Хакасии пользовался в большей степени архивными документами. Тем не менее, следует выделить ряд научных работ. В частности, коллективную работу В.И. Васильева, А.В. Павлушкина, А.Е. Постникова [3], которые в своей монографии подробно анализируют функционирование региональных парламентов, в том числе и их законодательную деятельность. Авторы отмечают разнонаправленность принимаемых законов на различных этапах истории. Некоторые про-

блемы законодательной работы хакасского парламента освещены в работах А.И. Крутикова и Б.А. Ултургашевой. Так, А.И. Крутиков анализирует процесс принятия Конституции Республики Хакасия, выделяет основных участников, определяет степень влияния федерального центра на принятие Конституции РХ как «весьма незначительный» [5, с. 12]. Б.А. Ултургашева анализирует деятельность парламента во время становления современной региональной политической системы Республики Хакасия [6].

Основные формы функционирования органов представительной власти – это принятие нормативно-правовых актов: законов и постановлений. Ввиду того, что Облсовет Хакасской автономной области XXI созыва (1990–1991 гг.) не был самостоятельным политическим институтом, так как до 1991 г. Хакасия входила в состав Красноярского края, и недоработал свой срок до конца, в данном исследовании будут проанализированы результаты работы последующих представительств: Верховного Совета РХ I созыва (1992–1996 гг.) и Верховного Совета РХ II созыва (1997–2000 гг.), Верховного Совета РХ III созыва (2001–2004 гг.).

Если попытаться проанализировать принятые данными представительствами законы, то можно выделить несколько тенденций. Наибольшее количество законов, рассматриваемых Верховным Советом РХ I созыва, касались вопросов государственного устройства республики и деятельности отдельных органов власти. Причем в Хакасии чуть меньше 50 % из них (17 из 35) было принято в 1992 году [4]. Это связано с «установочным» (региональные парламенты этого периода принимали уставные документы регионов) характером работы парламентов в этот период. Следующий всплеск интереса депутатов к данной проблематике наблюдается в 1995–1996 годах, что было обусловлено завершением в Хакасии трансформационной стадии политического процесса, окончанием

* Исследование проведено при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (номер соглашения: 14.В37.21.0511).

формирования новой политической системы республики и принятием Конституции РХ. На протяжении работы Верховного Совета РХ II созыва интерес народных избранников к данной тематике также был постоянен. В среднем в год принималось 2–3 закона, регулирующих государственное устройство республики. Эта тенденция была связана с изменениями, вносимыми в ранее разработанные и принятые нормативные документы. Большинство вносимых изменений было направлено на приведение законов Республики Хакасия к соответствию российскому и региональному законодательству. Эти же причины для народных избранников второго созыва послужили началом разработки конституционных законов и законов, направленных на изменение и дополнение основного закона республики.

Вторая тенденция законодательной работы регионального парламента связана с увеличением доли «экономических» законов. Если Верховный Совет Республики Хакасия (далее – Верховный Совет РХ) первого созыва рассмотрел и принял за 5 лет своего существования 14 законов в сфере экономики, то Верховный Совет РХ II созыва за 4 года принял 45 законов. Причем мы наблюдаем постоянное увеличение доли принимаемых законов в данной сфере. Увеличение частоты рассмотрений «экономических» законов связано с ухудшением экономического положения в регионе и попытками парламента повлиять на сложившуюся ситуацию.

Следует отметить, что народные избранники всех рассматриваемых республиканских органов представительной власти достаточно часто обращали своё внимание на вопросы экологии. Так, Верховный Совет РХ I созыва принял 6 законов, посвященных проблемам природопользования и экологии, Верховный Совет РХ II созыва – 7 законов, а Верховный Совет РХ III созыва – 6 законов.

Большой интерес проявляли народные избранники к проблеме реформирования местного самоуправления, в частности, в нашем регионе созывами ассамблеи было принято, соответственно, 11/17/21 законов (Верховный Совет РХ I созыва (1992–1996 гг.) /Верховный Совет РХ II созыва (1997–2000 гг.) /Верховный Совет РХ III созыва (2001–2004 гг.), посвященных вышеуказанной проблематике. Если оценивать деятельность хакасских парламентариев по данному направлению, то необходимо отметить их активную позицию. Так, за рассматриваемый период местное самоуправление реформировалось пять раз, с этим связано большое количество законов, посвященных данному вопросу.

Особое внимание заслуживают нормативные акты, регулирующие сферы образования, науки, культуры, медицины. Если в ходе

работы Верховного Совета РХ I созыва было принято лишь 7 законов в данной сфере, то народные избранники второго представительства рассмотрели и приняли 28 законов РХ и республиканских программ, наибольшее количество которых приходится на 2000 год. А Верховный Совет РХ III созыва вновь вернулся к прежним показателям – 8 законов.

Кроме того, отметим процесс принятия закона «О съезде хакасского народа». Статус данного политического института в различных регионах Российской Федерации был различен. Так, в Республике Тыва это был политический орган, а в Хакасии – общественная организация. Но законотворческий процесс в обоих случаях был достаточно сложен. Закон Республики Хакасия «О съезде хакасского народа» готовили более полутора лет. А в Тыве Верховный Хурал I созыва восемь раз рассматривал подобный законопроект, следующее же представительство еще трижды вносило поправки.

В целом, оценивая законотворческую деятельность различных хакасских представительств, следует обратить внимание на направленность работы последних. Как правило, они принимали нормативные правовые акты, соответствующие конкретному этапу трансформационного процесса, решая наиболее острые на тот момент проблемы региона. Так, например, в первой половине 1990-х годов большое количество принятых законов в сфере государственного управления говорит о кардинальных преобразованиях в региональном политическом процессе, что характерно для складывания в этот период всех российских региональных политических систем. Возврат законов на доработку в Верховный Совет РХ Председателем Правительства РХ имел место только в третьем созыве хакасского парламента. Было возвращено лишь два принятых закона, что намного меньше, чем в других региональных представительствах (например, в Республике Тыва Президент РТ в 1990-е годы вернул на доработку в Верховный Хурал РТ 64 уже принятых закона). Возможно, этот факт является следствием достаточно высокого уровня профессионализма хакасских парламентариев, а также меньшей степени вмешательства исполнительной власти в законотворческий процесс, что говорит не только об уважении и взаимодействии ветвей власти в республике, но и о стабильной политической ситуации в регионе.

Увеличение количества принятых региональным парламентом законов в конце 1990-х – начале 2000 годов связано с приведением республиканского законодательства в соответствие с федеральным. Вследствие чего либо вносились поправки в уже существующие

ющие законы, либо принималась их новая редакция. Данная тенденция характерна не только для Хакасии, но и для большинства других субъектов Федерации.

Количество принятых нормативно-правовых актов не имеет прямой зависимости от активности деятельности регионального парламента. Наоборот, чем больше проработан текст закона, тем меньше поправок и изменений необходимо будет в него внести впоследствии. Большие проблемы в региональный законотворческий процесс привносит необходимость разработки опережающего законодательства, когда регионы вынуждены были принимать законы в сфере совместной компетенции Российской Федерации и субъектов Федерации, при отсутствии базовых федеральных законов. Этим можно объяснить большое количество законов, принятых Верховным Советом РХ, посвященных реформированию местного самоуправления. Большую роль в определении степени субъективности участника трансформационного процесса играет вопрос: «Кто является субъектом законодательной инициативы?». В хакасском парламенте в ежегодных отчетах Председателя Верховного Совета РХ о работе органа представительной власти указываются субъекты законодательной инициативы, чьи законы были приняты. В качестве примера, в 2003 [2] году из 130 рассмотренных законопроектов: Председателем Правительства РХ были представлены 34, депутатами Верховного Совета РХ – 88, Избирательной комиссией – 4, Верховным Судом РХ – 1, представительными органами местного самоуправления – 2, Конституционной комиссией Республики Хакасия – 1. Данная тенденция прослеживается и по другим годам. Около половины или чуть более половины законопроектов вносятся депутатами Верховного Совета РХ, что дает право говорить о хакасском парламенте как активном участнике трансформационного правотворческого процесса.

Одной из форм влияния парламента на события, происходящие в регионе, является принятие различного рода подзаконных актов, в том числе и постановлений парламента. Любые вопросы, рассматриваемые на сессиях, требуют принятия постановлений. Таким образом, анализируя характер принятых постановлений, можно определить общую направленность работы государственного представительства, рассмотреть, какие сферы политической жизни регулируются народными избранниками.

Степень активности регионального представительного парламента во многом зависит от характера политического режима региона, полномочий регионального парламента и особенностей общероссий-

ского протекания базового политического процесса. Если исключить внеочередные сессии Верховного Совета РХ, посвященные конкретным событиям, то количество принимаемых решений варьируется от 12 до 45 за сессию. Конечно, численность принятых различных подзаконных актов не является показателем работы органа представительной власти, который, в свою очередь, характеризуется значением принятых документов. Итак, если проанализировать направленность подзаконных актов, принятых хакасским парламентом, то лидером окажется непосредственно деятельность самих органов законодательной власти (около четверти всех принимаемых решений). Хотелось бы отметить, что большинство постановлений, относящихся к данной категории, касаются процессуальной работы легислатур.

К характерным чертам в работе хакасских органов представительной власти относится увеличение рассматриваемых вопросов, посвященных взаимоотношениям с судебной властью региона во второй половине 1990-х годов. Как правило, это согласие или несогласие на назначение судей различных рангов. Так, Верховным Советом РХ было принято значительное количество подзаконных актов, регулирующих различные стороны экономики региона. Кроме того, хотелось бы обратить внимание на снижение доли рассматриваемых на сессиях парламента обращений граждан. Если депутаты Верховного Совета РХ I созыва, из всех рассматриваемых вопросов, 16,4 % случаев разбирали различные обращения (то есть непосредственно выполняли указы избирателей), то доля обращений в работе Верховного Совета РХ III созыва составила всего лишь 3,4 % [2; 4].

Характерной тенденцией для работы рассматриваемых парламентам явилось снижение активности легислатур по регламентации деятельности исполнительной власти региона. Так, практически на половину снижается доля постановлений Верховного Совета РХ II созыва, которые регулируют деятельность исполнительных органов власти (с 6,5 до 3,4 %). Это объясняется уменьшением полномочий хакасского парламента вследствие принятия Конституции РХ 1995 года. Кроме того, с завершением оформления модернизированного облика политической системы региона связано значительное уменьшение рассматриваемых Верховным Советом РХ вопросов, посвященных государственному устройству республики (с 3,3 до 1,9 %).

Помимо этого, депутаты всех ассамблей регулярно рассматривали вопросы местного самоуправления, экологии, социальной сферы, назначали выборы различного уровня и т.д. Изменения в политической системе, но-

вые тенденции регионального политического процесса, деятельность федерального центра влекли за собой появление новых направлений в деятельности региональных парламентов: изменение конституции, рассмотрение протестов прокурорами на уже принятые законы и постановления, законодательные инициативы в парламент Российской Федерации, рассмотрение обращений органов представительной власти других субъектов Федерации. Так, например, в деятельности Верховного Совета РХ III созыва было рассмотрено и вынесено постановлений на 52 протеста прокуратуры, что составило 19,7% всех рассматриваемых вопросов [2].

К общим положительным тенденциям следует отнести небольшое, но постоянное увеличение законодательных инициатив региональных парламентов, то есть регионы пытаются влиять на законотворческий процесс в Российской Федерации. Также представительства стали чаще обращаться к федеральным структурам: к Федеральному Собранию РФ, Председателю Правительства РФ, Президенту РФ.

Особо хотелось бы остановиться на контрольных полномочиях региональных парламентов. На региональном уровне ассамблеи имеют право вести контроль за исполнением законов и постановлений. В деятельности Верховного Совета РХ III созыва, помимо традиционной формы контроля, появились новые. В частности, проверки деятельности внебюджетных фондов, например, проверка Фонда медицинского страхования РХ, проведенная по инициативе депутатов Верховного Совета РХ, вскрыла значительные нарушения и привела к смене руководства Фонда. Особо следует отметить деятельность Верховного Совета РХ по контролю за правопорядком в республике. Орган представительной власти республики предоставил информацию в Генеральную прокуратуру РФ «О положении в Прокуратуре РХ», вследствие чего было проведено расследование.

Проанализировав как законотворческую, так и не законотворческую деятельность ре-

гиональных парламентов, можно сделать следующий вывод. Парламент Хакасии, в силу исторических причин и конфигурации местной политической элиты при небольшой разнице в полномочиях (согласно Конституции РХ 1995 г.), обладал некоторой автономностью и самостоятельностью в принятии политических решений (причем большей, чем экономических). Этим можно объяснить его сосредоточенность на решении региональных политических проблем, разработке республиканского законодательства.

Таким образом, характеризуя основную направленность деятельности хакасского парламента, мы можем отметить: главное место в работе Верховного Совета РХ I созыва занимали вопросы государственного устройства, становления и регламентации деятельности различных политических институтов республик, что характерно для конструктивной стадии политического процесса. Данный созыв народных избранников выполнил свою главную задачу – разработку и принятие конституции региона, которая заложила основы функционирования новой политической системы в Хакасии. Большинство решений парламентов последующих двух созывов были направлены на поддержание существующей системы, таким образом, политический процесс в Республике Хакасия во второй половине 1990-х годов вошел в режим функционирования.

Усиление вертикали власти в начале 2000-х годов привело к снижению «политического веса» исполнительной власти регионов, а тем самым, по правилу маятника, должно было произойти усиление представительной ветви. С введением в практику норм федерального законодательства, регулирующих деятельность региональных парламентов, уничтожилась большая часть межрегиональных диверсификационных различий, произошла унификация институционального устройства политических систем регионов. На данный момент этот процесс не завершен, и на наш взгляд, в полной мере не может привести к равновесию ветвей власти в регионах России.

1. ВАРСРХ (Ведомственный архив Верховного Совета Республики Хакасия) / Протоколы, стенограммы и материалы Верховного Совета Республики Хакасия третьего созыва (1997–2000).

2. ВАРСРХ / Протоколы, стенограммы и материалы Верховного Совета Республики Хакасия третьего созыва (2001–2004).

3. Васильев В.И., Павлушкин А.В., Постников А.Е. Законодательные органы субъектов Российской Федерации. М.: «Городец-издат», 2001. 288 с.

4. ГАРХ (Государственный архив Республики Хакасия). Опись 1. Фонд Р – 782.

5. Крутиков А.И. О некоторых вопросах принятия Конституции и формирование правовой базы РХ // Вестник: научно-информационный журнал. 2000. № 3. С. 3–13.

6. Ултургашева Б.А. Актуальные вопросы государственности Республики Хакасия на современном этапе [Текст] / Б.А. Ултургашева // Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий. Абакан: Из-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2005. С. 85–89.

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЕМЕЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В 1920-е гг. НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО УРАЛА

УДК 947.055

М.А. МИШИНА

Системное реформирование российских вооруженных сил в контексте современных социально-экономических реалий обнаружило корпус сложнейших проблем, которые стали предметом широкого общественного обсуждения. Среди наиболее обсуждаемых в СМИ тем явилась проблема обеспечения жильем военнослужащих как вышедших в отставку, так и продолжающих службу в Российской армии. В данном контексте обращение к историческому опыту решения подобных вопросов представляется актуальной исследовательской задачей.

Первая мировая война, российские революции, гражданская война существенно подорвали экономический потенциал страны. Советское государство, преодолевая трудности финансово-экономического порядка, выделило средства на социальную поддержку различных категорий населения, в том числе и военнослужащих. Помощь оказывалась чаще в виде денежных пособий, так называемых «красных пайков», которые в 1921 году в Челябинской губернии получали 88 353 семьи красноармейцев в среднем ежемесячно на 57 883 тыс. руб. [1. Д.26, Л.106 об.]. «Красный паёк» выделялся на три группы «военных» семей: семьям, потерявшим кормильцев в Красной Армии; семьям, потерявшим кормильцев в старой армии; семьям военнослужащих. Преоб-

ладали семьи, потерявшие кормильцев в Красной Армии. В Челябинской губернии на 1 мая 1923 года во всех уездах, кроме Верхнеуральского, таких семей было больше (см. табл. 1).

В сельской местности обеспечение контингентов военнослужащих проводилось в порядке крестьянской взаимопомощи по принципу широкого участия в ней всего крестьянского хозяйства. В этих целях по декрету Совнаркома, принятому в мае 1921 года, была создана новая организация в лице крестьянских обществ взаимопомощи (КОВ) и их комитетов. «Кресткомы» избирались самими гражданами на сходках. В Инструкции комитетам КОВ (постановление Челябинского губисполкома, декабрь 1921 года) было отмечено, что в области обеспечения семьи красноармейцев освобождаются от выселения, переселения и уплотнения, от уплаты за квартиру и принудительных работ, от уплаты прямых налогов, кроме натурального. Помощь сельским семьям красноармейцев проводилась в виде пахоты, бороньбы, посевов, покосов, уборки хлеба, молотьбы, выдачи топлива [1. Д.437. Л.45; Д.26. Л. 106 об.].

В середине 1920-х годов семьи военнослужащих являлись основным контингентом собесов. В Челябинском округе на 1 октября

Таблица 1

Структура семей военнослужащих на 1 мая 1923 года в Челябинской губернии по уездам [1. Д. 689. Л. 52–53]

Уезд	Семьи, потерявшие кормильцев в Красной Армии	Семьи, потерявшие кормильцев в старой армии	Семьи военнослужащих	Всего семей
Челябинский	147	101	37	285
Курганский	32	16	22	70
Златоустовский	62	19	7	88
Троицкий	102	41	30	173
Верхнеуральский	118	27	157	302
Итого по губернии	461	204	253	918

1925 года клиентура собеса состояла из 304 семей. Из них семей военнослужащих – 236. По группам они распределились так: семьи, потерявшие на войне кормильца, – 194; семьи военнослужащих – 42 [2. Д.14. Л.54]. С 1924 года органы социального обеспечения начали вести работу по охвату сельских семей военнослужащих. Анализ архивных данных свидетельствует о том, что размер установленных ставок сельским семьям был ниже, чем городским, в Уральской области – на одну треть (см. табл. 2).

В то же время, в городе, все семьи, имеющие право получать пособия и пенсии, получали их. В селе количество лиц, получавших пособия и пенсии, было значительно меньше числа имеющих право на ее получение. Их доля составляла всего 15 % (см. табл. 3). Особенно низкая доля получающих пособия и пенсии среди сельчан приходилась на семьи лиц, погибших на войне.

С 1926 года с завершением восстановительного периода в промышленности и перенесением центра внимания на тяжелую индустрию политика правительства в деле социального обеспечения семей военнослужащих была определена следующими законодательными актами: постановление

СНК РСФСР (от 18.08.1926 г.); положение о государственном обеспечении инвалидов военной службы и их семей, семей умерших или безвестно отсутствующих военнослужащих, семей лиц, призванных в ряды рабоче-крестьянской Красной Армии, а также лиц, утративших работоспособность или лишившихся кормильца вследствие активного участия в борьбе с контрреволюцией (постановление ВЦИК от 11.10.1926 г.). Этими двумя законами были установлены твердые правовые основы по социальному обеспечению. Значительно расширен круг обеспечиваемых.

Общее количество семей военнослужащих, являющихся контингентом социального обеспечения, росло. В Челябинском округе количество семей – клиентов собеса – с 1923/1924 года по 1927/1928 год увеличилось в 2,5 раза (см. табл. 4). Этот рост можно объяснить увеличением количества сельских семей, обеспечиваемых органами собеса.

В середине 1920-х годов на Южном Урале, как и по России в целом, наблюдался рост ассигнований по социальному обеспечению. В 1926/1927 году бюджет социального обеспечения в Челябинском округе вырос в 16 раз.

Таблица 2

Размер пособий, выдаваемых собесом, семьям Уральской области в 1925 году, руб. [2]

Количество нетрудоспособных в семье	Фактический размер выплат	Размер установленных областных ставок	
		городским семьям	сельским семьям
3 чел.	5,00	18,00	12,00
2 чел.	3,75	12,00	8,00
1 чел.	2,50	6,00	4,00

Таблица 3

Статистический отчет Челябинского окружного собеса за июль–сентябрь 1926 года о количестве семей военнослужащих в городах и сельской местности, имеющих право и получающих пособия и пенсии [2. Д. 44. Л. 28]

Тип семьи		Городские клиенты	Сельские клиенты
Семьи лиц, погибших в гражданскую войну	Имеющих право	110	321
	Получающих (%)	110 (100)	21 (6,5)
Семьи лиц, погибших в империалистическую войну	Имеющих право	67	236
	Получающих (%)	67 (100)	13 (5,5)
Семьи красноармейцев, находящихся на военной службе	Имеющих право	40	162
	Получающих (%)	40 (100)	75 (46)
Итого	Имеющих право	217	719
	Получающих (%)	217 (100)	109 (15)

Таблица 4

**Категории семей, являющихся контингентом социального обеспечения
Челябинского округа, состоящие на государственном обеспечении
с 1923/1924 по 1927/1928 годы [2. Д. 44. Л. 147]**

Категория семьи	1923/1924	1924/1925	1926/1927	1927/1928
Семьи убитых на войне красноармейцев	105	119	131	156
Семьи убитых на войне староармейцев	71	78	80	74
Семьи военнослужащих	–	46	115	102
Итого	262	348	522	646

Таблица 5

**Бюджет социального обеспечения в Челябинском округе с 1923/1924 г.
по 1926/1927 г., руб. [2. Д. 44. Л. 147]**

Наименование бюджета	1923/1924	1924/1925	1925/1926	1926/1927
Окружной бюджет	5 304	19 647	9 856	14 541
Городской бюджет	–	4 709	30 000	46 208
Районный бюджет	–	–	16 428	21 710
Бюджет Горсовета Челябинска, Копейска	–	–	–	3 000
Итого	5 304	24 356	56 284	85 459

Увеличивалось и количество источников. Если в 1923/1924 году Челябинский окружной собес распоряжался лишь средствами, поступившими из окружного бюджета, в 1924/1925 году – дополнительно и из городского, а через год – еще и районного, а затем и городского Совета Челябинска и Копейска (см. табл. 5).

В 1926/1927 году расходы бюджета Челябинского окрсобеса составили 36 313 руб., что соответствует 1,2 % всего местного бюджета. Он включал в себя преимущественно средства окружного бюджета (87,1 %) и значительно меньше – госбюджета (12,9 %). [2. Д.14. Л.54]. Но не всегда выплаты проходили гладко. Поступали и жалобы красноармейцев военкомам своих полков о невнимательном отношении райисполкомов к удовлетворению законных требований красноармейцев по обеспечению их семей. В письме военкома Сибирского полка от 10 февраля 1928 года за № 616 председателю Челябинского окрисполкома были названы Воскресенский, Челябинский, Шумихинский, Ялинский, Бродокалмакский, Мишкинский районные исполнительные ко-

митеты, которые в течение нескольких месяцев не рассматривали заявления красноармейцев о выдаче пособий их семьям и не давали никакого ответа [3. Д.2104. Л.128.].

Таким образом, исследование государственной поддержки семей военнослужащих в 1921–1928 годах показало, что эти семьи были в поле зрения органов социальной защиты. В первые годы нэпа государство через собесы оказывало материальную помощь лишь городским семьям военнослужащих, заботы сельских семей ложились на плечи общественности. Но ситуация изменилась. Сельские семьи также перешли в ведение собесов, объемы оказываемой поддержки из года в год росли. Мы дистанцируемся от идеологической стороны вопроса, по нашему глубокому убеждению, любое государство в своей политике реализует какую-либо идеологию, в данном случае, нам было важно подчеркнуть, что даже в условиях экономической нестабильности государство находило возможность стабильного финансирования социальных программ, в том числе поддержки военнослужащих и их семей.

1. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-138. Оп. 1.

2. ОГАЧО. Ф. Р-253. Оп. 1.

3. ОГАЧО. Ф. Р-98. Оп. 1.

УПОЛНОМОЧЕННЫЕ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПРИ СНК/СМ СССР ПО КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1943–1965 ГОДАХ

УДК 908.470.4(947.8)+9с

А.Г. ПОДМАРИЦЫН

Формально институт областных уполномоченных по делам РПЦ изучен. Вполне очерчен круг их теоретических обязанностей. Однако рассмотрением практической деятельности уполномоченных на региональном уровне занимаются лишь в качестве иллюстраций, комплексные исследования регионального характера отсутствуют. Целью предлагаемой статьи является подробное рассмотрение ежедневных обязанностей этой группы советских чиновников, позволяющее конкретизировать и уяснить практическую деятельность уполномоченных. Для примеров использовались факты из практики куйбышевских уполномоченных – С.В. Гасилина, С.П. Алексеева и В.Х. Корчагина, последовательно сменявших друг друга в 1943–1965 гг. В процессе исторического исследования возникает необходимость конкретизации обязанностей, прав и возможных действий данной группы чиновников в указанный период. Статья восполняет и этот пробел.

После начавшейся нормализации отношений государства и Русской православной церкви в 1941 г. возникла необходимость создания специальной структуры, которая занималась бы вопросами регулирования этих отношений со стороны государства.

Постановлением СНК СССР от 23 октября 1943 г. был создан Совет по делам Русской православной церкви, который являлся общегосударственным органом, осуществлявшим контроль над правильным применением советских законов о культурах центральными и местными советскими органами, за выполнением советского законодательства о религиозных культурах Русской православной церковью [14, с. 25]. На первых порах регулированием вопросов, связанных с РПЦ, непосредственно занимался сам Совет Народных Комиссаров СССР. В течение 1944–1945 гг. появились постановления правительства, регламентировавшие статус церквей на освобожденных территориях, открытых во время немецкой оккупации, о порядке открытия церквей, об открытии

общецерковных учебных заведений, об открытии Троице-Сергиевой лавры и передаче мощей св. преп. Сергия Радонежского и другие. Председатель Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпов в своем выступлении перед епископами РПЦ 24 ноября 1944 г. заявил, что «те явления, которые происходят в жизни Церкви, во взаимоотношениях между Церковью и государством, не представляют чего-то случайного, неожиданного, не носят временный характер, не являются тактическим маневром...Эти мероприятия вытекают из той тенденции, которая наметилась ещё до войны и которая получила свое развитие в ходе войны» [Цит. по: 2, с. 342–343]. Естественно, что аппарат нового Совета предполагал наличие на местах своих представителей в лице уполномоченных Совета по республике, краю, области. Постановлением СНК СССР от 18 декабря 1943 г. на местах были утверждены при облисполкомах уполномоченные Совета. Решением исполкома Куйбышевского областного Совета депутатов трудящихся от 28 февраля 1944 г. № 12/5 был утвержден уполномоченный Совета по делам РПЦ по Куйбышевской области.

Теоретический круг обязанностей уполномоченного был достаточно широк. Прежде всего, он был обязан предварительно рассматривать и проверять поступившие ходатайства верующих граждан об открытии молитвенных зданий. В конце процедуры уполномоченный давал положительное или отрицательное заключение. Поводом для отрицательного заключения могло быть: несоответствие требованиям оформления ходатайства (должно быть подписано не менее 20 местными жителями, не лишенными по суду избирательных прав); получение подписей под ходатайством принуждением, обманом, подделка подписей; непригодность культового помещения по ветхости либо техническим (санитарным, пожарным) условиям; невозможность освобождения бывшего здания храма вследствие его переоборудования и использования под культурные, жилые, оборонные цели (за исключением использова-

ния под склады). В середине 1940-х – конце 1950-х гг. теоретически допускалось при отсутствии молитвенного здания использовать арендованные частновладельческие дома или дома коммунального фонда [7, л. 2–2об.]. В Куйбышевской области таких примеров не обнаружено. Если храм не был закрыт решением каких-либо советских органов (но не действовал более года), он открывался на общих основаниях.

Следующим направлением работы уполномоченного являлась регистрация религиозных обществ, их исполнительных органов и служителей культа.

После получения из центра разрешения по состоявшемуся заключению уполномоченного и согласия местных властей происходит регистрация общества. В заявлении, подписанном не менее 20 местными гражданами, они заявляли о желании добровольного объединения для отправления религиозных обрядов и просили зарегистрировать религиозное общество с передачей ему в бессрочное и бесплатное пользование здания и культового имущества (если оно сохранилось). К заявлению прилагался именной список подписавших с указанием их гражданства, места работы, возраста, местожительства и судимости [7, л. 2об.–3].

Уполномоченный, после выдачи справки о регистрации религиозного общества, в трехдневный срок был обязан выслать в местный исполком распоряжение о заключении с верующими договора о передаче им в бесплатное и бессрочное пользование здания храма, культового имущества и сторожки (при наличии последних). Кладбища (даже если храм располагался на его территории) передаче религиозным обществам не подлежали.

Договор составлялся и подписывался теми же верующими, что подписывали заявление о регистрации религиозного общества. Кроме договора, ими же подписывалась опись принятого культового имущества, при его наличии. Документы эти хранились: у уполномоченного, в местном исполкоме и в религиозной организации [7, л. 3].

После избрания на общем собрании исполнительного органа (не менее 3 лиц) и ревизионной комиссии (в том же количестве), они подлежали регистрации уполномоченным. Он имел право отвода как отдельных лиц, так и органов в целом. При отсутствии отводов выдавалась справка о регистрации обоих органов.

Формально для регистрации священно-церковнослужителей необходима была анкета на служителя культа. На практике принято

было согласовывать кандидатуры с уполномоченным перед их регистрацией. При положительном решении выдавалась справка о регистрации служителя культа. Интересно, что, например, уполномоченный требовал согласовывать с ним совершение разовых или нескольких богослужений командированными священниками (благочинными, секретарем епархиального управления) в пределах одной области/епархии. В таком случае священнослужителю, имевшему регистрацию при конкретном приходе, выдавалась разовая или временная регистрация на право совершения богослужений в другом приходе. Уполномоченный не регистрировал священнослужителя в случае отказа милиции в местной прописке. При других причинах отвод уполномоченный осуществлял через епископа [8, л. 3].

Третьей составной частью документальной деятельности уполномоченного был учет религиозных обществ и культовых зданий, а также церквей, закрытых по решению советских органов либо не действующих по иным причинам.

На каждое зарегистрированное религиозное общество уполномоченный заводил регистрационное дело, содержавшее в себе 9 обязательных документов/копий и все документы о последующих изменениях [8, л. 4].

Недействующие молитвенные здания учитывались по специальному списку, содержавшему сведения о местонахождении здания, решения советского органа о его закрытии и его использовании на момент заполнения списка [8, л. 4].

Кроме ведения определенных документационных форм, уполномоченному поручалось наблюдение за правильным и своевременным проведением в жизнь законов и постановлений правительства, относящихся к РПЦ, и за выполнением договоров о пользовании молитвенными зданиями и культовым имуществом. Уполномоченные следили за выполнением следующих положений.

Общество могло пользоваться только одним зданием.

Обряды могли отправляться в культовых зданиях и до конца 1950-х гг. в домах/квартирах верующих, в больницах, местах заключения, кладбищах и крематориях. Запрещалось проводить богослужения с 00 до 6 часов, кроме дней, предписанных требованиями обряда. Преподавание вероучения разрешалось в специальных учебных заведениях (семинариях и академиях) лишь совершеннолетним гражданам.

Сбор пожертвований разрешался лишь на цели, связанные с управлением молит-

венным зданием и культовым имуществом, наймом служителей культа и содержанием исполнительного органа. Допускался сбор на патриотические цели. Имущество, пожертвованное общине, становилось государственным и также подлежало внесению в инвентарную опись [8, л. 4об.-5].

До конца 1940-х гг. разрешалось совершение шествий и церемоний под открытым небом (кроме шествий вокруг собственно культового здания) с разрешения местного исполкома, с подачей за 2 недели заявления на разрешение.

Собрания по управлению обществом могли проходить с разрешения местного Совета с письменным извещением не менее чем за 3 дня. О принятых решениях сообщалось местному Совету, который уведомлял уполномоченного [8, л. 5-5 об.].

Постановлением СНК СССР от 22 августа 1945 г. религиозным организациям были даны частичные права юридического лица. Это касалось вопросов приобретения (постройки) либо найма религиозной организацией домов для причта, сторожек, гаражей, сараев, складов, свечных и иных мастерских. Религиозным организациям было запрещено наследовать какую-либо недвижимость либо предметы по завещанию граждан. Приобретенное (построенное) недвижимое имущество немедленно муниципализировалось и вносилось в инвентарные описи.

Уполномоченный являлся первой инстанцией, который рассматривал вопрос о закрытии церкви [8, л. 6]. Церковь могла быть закрыта по нескольким формальным причинам: по просьбе самих верующих, с возможной опротестацией в течение двух недель остальными членами религиозного общества (но не менее 20 человек); при неоднократном нарушении обществом законодательства о культах, а также в отношении здания и имущества. При закрытии открытых при оккупации церквей – в двух случаях: если бывшие культовые здания были переоборудованы под светские цели до войны и если при оккупации под храмы были отданы помещения государственных или общественных учреждений.

Уполномоченный делал заключение для местной власти (край – облисполкома), выносилось закрытое решение и представлялось на согласование Совету по делам РПЦ. При получении решения о закрытии договор расторгался по соглашению сторон либо в судебном порядке.

Вплоть до конца 1950-х гг. формально предусматривалась возможность строительства новых молитвенных зданий силами и

средствами верующих. После получения разрешения на строительство в райисполком или Горсовет представлялись сметы и проект на утверждение. По окончании строительства, после приемки здания и его муниципализации местным Советом, верующим здание передавалось в предусмотренном для этого порядке [8, л. 6-6об.]. Для других целей здание могло быть переоборудовано лишь по разрешению Совета по делам РПЦ по представлению Советов Министров союзных, автономных республик или край - облисполкомов. Слом и разборка как действующих, так и недействующих зданий, угрожающих обвалом (при удостоверении техническим актом) допускалась по распоряжению Советов Министров союзных, автономных республик или край - облисполкомов [8, л. 6об.].

Уполномоченный был обязан своевременно и регулярно информировать Совет по делам Русской православной церкви и местные власти о деятельности РПЦ на территории республики, края, области.

Изначально периодичность информационных отчетов устанавливалась квартальной, с середины 1950-х гг. перешли на полугодовую отчетность. Еще предусматривались специальные информации уполномоченных, приуроченные к великим праздникам (с большим скоплением народа).

Осуществлявшееся уполномоченным делопроизводство было представлено следующей номенклатурой: дело руководящих документов (законы, указы, постановления правительства, директивы, инструкции циркуляры Совета по делам РПЦ при СНК/СМ СССР); дело секретной переписки; дело отчетов (доклады, отчеты, статистические таблицы); регистрационные дела по учёту религиозных обществ; дело по учёту недействующих молитвенных зданий; дело отклоненных ходатайств; дело жалоб [8, л. 7об.].

Обобщая практическую деятельность уполномоченного Совета по делам РПЦ по Куйбышевской области, можно выделить следующие направления.

Уполномоченный рассматривал жалобы по вопросам, относящимся к общинам: нарушение договоров о пользе молитвенными зданиями и культовым имуществом, на неправильность налогового обложения, на неправильные действия исполнительных органов и ревизионных комиссий. По этим вопросам, в случае надобности, вносил свои предложения в облисполком, иногда – местный исполком.

На практике для проверки поступивших заявлений и жалоб, получения необходи-

мых сведений о состоянии здания и работе исполнительного органа, уполномоченный, как правило, обращался в местные советские органы, совершая личные выезды только в особых случаях.

В случае решения принципиальных вопросов уполномоченный согласовывал свои действия с Советом по делам РПЦ при СНК/СМ СССР и с местными областными руководящими партийными (обкомом ВКП(б)/КПСС) и советскими органами. Для решения практических вопросов могли образовываться комиссии с привлечением для работы в них соотвествующих работников [8, л. 7об.].

Сохранившиеся документы позволяют восстановить перечень лиц, последовательно бывших уполномоченными Совета по делам РПЦ по Куйбышевской области за все время существования Совета.

Первым областным уполномоченным Совета по делам Русской православной церкви утвердили Сергея Васильевича Гасилова, который был уполномоченным около 3 лет, до лета 1947 г. [9, л. боб.].

С чем пришлось столкнуться уполномоченному в самом начале своей деятельности? Прежде всего, это десятки заявлений об открытии церквей как от отдельных граждан, так и от групп верующих, и с каждым днем количество прошений возрастало [10, л. 2]. В 1947 г. в Куйбышевской области был открыт последний, 19-й по счету, православный храм, и их количество не менялось до 1961 г. После 1949 г. количество прошений верующих с десятков снизилось до единичных, следующая волна роста наметилась в 1956 г. и достигла своего пика в 1958 г. (28 заявлений, одно из них имело 2700 подписей) [13, л. 24–25].

Уполномоченный и архиерей общались достаточно ровно. Прежде чем представлять уполномоченному на регистрацию священнослужителя, архиерей испытывал его способности на клиросе и одновременно старался по своим каналам узнать больше о просителе либо просто проверить его. В одном из годовых отчетов Патриарху Алексию I архиеп. Алексей (Палицын) писал: «...передо мной всегда стоит вопрос: кого пошло священником в открываемый приход?! Кадров нет!.. Иные безместные священники далеко отошли душой от своего прямого призвания, окопавшись на разных гражданских службах, у некоторых психология совсем изменилась» [3, л. 1.].

Второй по порядку уполномоченный, Сергей Павлович Алексеев, служил в должности около 14 лет, с июля 1947 по май 1961 г. С.П. Алексеев получил от предшественни-

ка несколько запутанное делопроизводство. Так, в информационном отчете за III квартал 1947 г. уполномоченный указывал, что в практике его предшественника не применялись составленные вперед на квартал планы, и что отчеты за I и II кварталы вообще не были составлены [13, л. 32].

Нового уполномоченного отличала четкость и дисциплинированность. По тогдашней управленческой практике чиновники облисполкома зачастую командировались в область (в большинстве случаев в сельские районы) во время ежегодных сезонных кампаний (яровая посевная, уборочная, по заготовке кормов, по сдаче скота государству, озимая посевная). Несколько раз в начале своей деятельности С.П. Алексеев подробно расписывал, сколько времени в отчетном периоде он провел в командировках. Председатель Совета Г.Г. Карпов отмечал, что уполномоченных на местах привлекали и использовали на других руководящих работах, что порой они находились в одном помещении с другими чиновниками (нарушался режим секретности), иногда в течение нескольких лет совмещали должности уполномоченных по делам РПЦ и по делам религий (несмотря на постоянные указания из Москвы), у некоторых из них на первых порах просто не было какого-либо помещения [14, с. 29, 30–31]. Алексееву, в силу командировочной деятельности, стало возможным непосредственно на местах рассматривать те или иные заявления верующих; в планах квартальной работы у него систематически предусматривалось посещение действующих религиозных общин. В акте проверки деятельности уполномоченного Алексеева инспектором Совета по делам РПЦ в ноябре 1959 г. отмечался правильный стиль его работы, дисциплинированность и авторитетность [12, л. 9].

Летом 1961 г. последним областным уполномоченным Совета по делам РПЦ стал В.Х. Корчагин, занимавший должность до ее упразднения. В отличие от своего предшественника, который руководствовался инструкциями и указаниями из Москвы применительно к уже сложившейся ситуации, Василий Хрисанфович зачастую буквально выполнял московские рекомендации, не считаясь с возможностью их воплощения на месте. Он настоял на введении в городских церквях выходного дня, на частичном сокращении там же штатов [1, с. 147]. Инициативу уполномоченного о закрытии второй церкви в почти миллионном Куйбышеве отклонил идеологический отдел обкома, указав Корчагину на ее несвоевременность и необоснованность [12, л. 3–4].

По его инициативе получили распространение комсомольские пикеты около городских (в первую очередь) храмов. Комсомольцы, пользуясь физическим превосходством, понуждали престарелых верующих оставлять младенцев и несовершеннолетних родственников (приносимых/приводимых первыми для причащения) в специально оборудованных «детских» помещениях около храмов, где со старшими из них велись принудительные беседы нигилистического характера. Были случаи, когда патрули разворачивали самих родителей с детьми, насильственно фиксируя анкетные данные верующих [1, с. 149–150]. «Мы будем добиваться, чтобы детей не пускали в храм», – заявил уполномоченный. – «Детей школьного возраста – не крестить!» [1, с. 156–157]. Только через Патриарха Алексия I удалось прекратить местный советский произвол [1, с. 151].

Корчагиным быстро была закрыта «бесперспективная» церковь в с. Подвалье. С престола взяли, скомкали и бросили антиминс и пролили св. миро (вещество, используемое в таинстве миропомазания). Реакция уполномоченного Корчагина на жалобу епархиального секретаря А.А. Савина была следующей: «Мы ненавидим Церковь!» и угроза, чтобы не очень-то распространялся о происшедшем [1, с. 153]. Тому же секретарю уполномоченный угрожал, что отберет у него детей и передаст в интернат [1, с. 151]. Активно включился уполномоченный в кампанию по сдаче государству предметов обихода и одежды, пригодной в качестве милостыни верующими в храмы. Сохранился циркуляр уполномоченного № 24 от 11 декабря 1963 г., рассылавшийся исполнительным органам, в котором дотошно перечислены возможные разновидности этих подаяний (платки

женские б/у и новые, скатерти б/у и новые и т.д.) [6, л. 5]. Кроме того, Корчагин административными мерами ограничил производство церковных свечей в 1961 г. почти на 30%. Уполномоченный при этом запретил производить свечи для реализации другим епархиям. Так, например, в 1957 г. свечи куйбышевской епархиальной свечной мастерской покупали большинство приходов Уфимской, приходы Куйбышевской, Ульяновской, Саратовской и Свердловской епархий. Всего в тот год, несмотря на перебои с сырьем, было выработано 31980 кг свечей [5, л.8–9]. В 1961 г. свечи реализовывались только в Куйбышевской епархии и присоединенной к ней на правах благочиния (в 1959 г.) Ульяновской.

Но уже в следующем 1962 г. производство возросло на 40%, перекрыв даже показатели 1960 г. [6, л. 3]. Это с учетом того, что свечи опять-таки продавались лишь приходом Куйбышевской епархии, включая Ульяновское благочиние.

Можно сделать вывод, что деятельность уполномоченных Совета по делам РПЦ по Куйбышевской области была строго регламентирована инструкциями из центра. Зачастую функции аппарата уполномоченного сводились к учетным, разрешительно-запретительным, реже – аналитическим действиям. Порой это выливалось в прямое администрирование на грани произвола. Отличаясь, естественным образом, как личности, все они, тем не менее, служили прямыми проводниками партийных установок в отношении церкви.

Изучение практической деятельности уполномоченных Совета по делам РПЦ при СМ СССР на местах поможет установлению и конкретизации процессов, происходивших в регионах.

1. Иоанн (Снычев), митрополит. Симфония жизни и служения (из дневниковых записей) [Текст] / Иоанн (Снычев), митрополит. СПб., 2010. 320 с.

2. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Сост. Г. Штриккер. Кн.1. М.: ПроPILEI, 1995. 400 с.

3. Самарский епархиальный архив (СЕА). Ф.1. Оп.1.11.Д.355. Доклад – отчет Св. Патриарху Алексию I по управлению Куйбышевской епархией за 1946 год.

4. СЕА. Ф.1. Оп.1.11.Д.358.

5. СЕА. Ф.1. Оп.1.11.Д.359.

6. СЕА. Ф.1. Оп.1.11.Д.445.

7. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 4.

8. ЦГАСО. Ф.Р-4089. Оп.1. Д.35.

9. ЦГАСО. Ф.Р-4187. Оп.2. Д.1.

10. ЦГАСО. Ф.Р-4187. Оп.2. Д.4.

11. ЦГАСО. Ф.Р-4187. Оп.2. Д.12.

12. ЦГАСО. Ф.Р-4187. Оп.2. Д.51.

13. ЦГАСО. Ф.Р-4187. Оп.2. Д.53.

14. Чумаченко Т.А. Государство, Православная Церковь, верующие. 1941-1961 гг. М.: «АИРО-XX», 1999. 248 с.

СОВРЕМЕННОСТЬ И СУБЪЕКТИВНОСТЬ

УДК 122/129

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

У современности много характеристик, претендующих на определение ее специфики: постмодерн, постиндустриальное информационное общество, общество массового потребления, проектно-сетевой социум... З.Бауман сравнивал современность с жидкой средой... Ф.Фукуяма еще недавно говорил о конце истории, а теперь пишет о постчеловеческом будущем... И все характеристики применимы. Но не дают некоего целостного представления.

Хорошо известна притча о попытках «познания слона» по его частям: для кого-то он был длинный и гибкий, для кого-то толстый и шершавый, для кого-то тумбообразный, для кого-то короткий и тонкий, как веревочка, для кого-то твердый и кривой... Но в притче речь шла о слепых, каждому из которых была доступна какая-то часть слона: кому хобот, кому нога, кому бивень, кому хвост... Это не означает, что попытки рефлексии современности делаются вслепую. Просто социологам открывается один срез, экономистам – другой, политологам – третий, специалистам по информатике – четвертый, etc...

Как представляется, это серьезный вызов философии – попытаться выработать не то чтобы обобщенное, но некое «мировоззренческое» понимание современности, позволяющее хотя бы очертить контуры этого «слона» – эпохи, в которой существуют современные общества и каждый из нас. И дело не столько в «научной картине мира», сколько именно о целостном миропонимании, включая осмысление места и перспектив человека в этом мире и в этом обществе, как и состояния, и перспектив самого общества.

Пассивность философии в ее поиске уже привела к характеристике современности как преимущественно «постсекулярности»... Представляется, что в этом обнажается если не главный нерв, то нечто очень существенное для понимания ситуации.

На одной из лекций Р. Инглхарта (с его результатами почти 40-летнего анализа динамики ценностей современного общества и общим трендом от ценностей выживания и безопасности к постматериальным ценностям свободы и самореализации) в пи-

терском кампусе Высшей школы экономики возник вопрос о дальнейшей перспективе – после достижения «шведскости». И чем объяснить нарастающие межэтнические напряженности и конфликты, снижение рождаемости, нарастание доли «правого» голосования в европейских странах? Исследователь ответил, что его интересовали только тенденции последних десятилетий, но не прогнозирование будущих. Очень честный и достойный ответ. Исследование с временным лагом в 40 лет – выдающийся результат. Но есть и несколько большие временные лаги...

А ситуация, между тем, удивительно напоминает последний этап Римской империи. Хорошие институты, развитая система права. Высокое качество жизни. Широкое развитие сферы досуга, развлечений и всевозможных удовольствий. Терпимость к отклонениям и порокам. И при этом – хороризация, пророчества конца света, многочисленные мессии, тяга к трансцендентному. И хорошо известно – чем это закончилось: нашествием варваров и распространением христианства.

Обильный поток публикаций, посвященных осмыслению постсекулярности, связывают ее с «возвращением» религии [11]. Оно трактуется либо в духе общей демократической толерантности, как равноправной допустимости религиозного дискурса в публичной сфере (Д.Ролз, Ю.Хабермас), либо как неизбывная важность религии для обоснования морали (Ч.Тэйлор, М.Сандел, П.Бергер). Однако, как представляется, дело не только и не столько в оживлении религиозных поисков (от фундаментализма и активизации ислама до разнообразных форм New Age), сколько в причинах, порождающих эти поиски.

Плоды Просвещения: медиация как маркетинг гуманизма

Современное общество, его образ жизни – буквальная реализация великого проекта гуманизма Просвещения – закономерный итог и результат идей гуманиз-

ма Просвещения, с его лозунгами: «Все во имя человека!», «Все на благо человека!», «Человек есть мера всех вещей!». И мы знаем этого человека – это каждый из нас. Любая потребность, если она выражена и артикулирована, подлежит удовлетворению. Механизмы, ткани этой реализации, осуществленной к концу XX столетия в ядре стран цивилизационного фронта, вполне понятны. Это рыночная экономика, урбанистический образ жизни, формирование третьего сословия (граждан, горожан, буржуа) как социальной базы этого образа жизни, в политическом плане выражающегося в демократии. В эпистемическом – суть торжество рациональности. Нахождение некоего общего знаменателя, общих онтологических (экзистенциальных) допущений. В экономическом плане это – маркетизация.

В традиционном обществе ценности выстроены иерархически («вертикально») – от простейших потребностей до ценностей трансцендентного порядка (истина, красота, добро, Бог). Массовое общество на основе рыночной экономики «съело» эту вертикаль, которая, начиная снизу, по мере развития массового потребления, оседала, оседала... А точнее, речь идет о приведении всех ценностей к общему знаменателю маркетизации. В результате чего мы имеем дело с уже с ценностно «плоским» миром, в котором ценности организованы не вертикально, а горизонтально, превратившись в рубрики рынка массового потребления. Но мир утратил вертикальное измерение. Моралисты называют это ценностным релятивизмом постмодерна, но надо понимать корни и природу этого релятивизма.

В этом обществе право на существование имеет и существует только то, что кому-то нужно. ***Это мир воплощения желаний. Причем – желаний доступных. В этом плане это мир имманентный, самодостаточный.***

Это ни плохо и ни хорошо, а суть некоторая фаза развития цивилизации, которая обладает массой достоинств и привлекательных черт, но у которой (как и у любого достижения цивилизации) имеется ряд негативных последствий. Борьба с этим продуктом и достижением цивилизации бессмысленно, но можно и должно проти-

востоять его негативным последствиям*.

Обозначим некоторые, если не негативные, то неоднозначные из этих последствий на примерах науки, искусства, политики...

Парадоксы «плоской» имманентности

Торжество рациональности обернулось ***кризисом рационализма***. Сначала – крахом позитивистской программы методологии науки. Затем – установлением зависимости научного познания от ценностных и культуральных факторов (Т.Кун, П.Фейерабенд), признанием множества рациональностей, а науки – в качестве одной из ценностно-нормативных систем осмысления действительности, строящейся на фундаментальных метафорах (мифах). С множеством трактовок главной ценности познания – истины, которые весьма легко переходят из одной в другую: как соответствия реальности, как целостности, как непротиворечивости, как соответствия неким идеалам...

Имманентный, плоский мир «хотелок» выводит на первый план не разум, а эмоции. Это хорошо видно на примере философии, где за последние 100 лет тематика методологии научного знания, практически, вытеснена попытками осмысления эмоционального содержания бытия (Dasein). Речь идет об экзистенциальных эмоциях страха (ужаса), скуки (тоски), а также о социально-культурных эмоциях, обеспечивающих социализацию и социальный контроль на основе норм и выражения оценочного отношения: зависти (рессентимента), чести (гордости), стыда (совести), смеха. И эти попытки осмысления в минимальной степени ориентированы на выработку рационально выстроенных представлений, моделей, чаще они представляют собой стилистически изощренные сочетания «означающих без означаемых», в лучшем случае – метафорические коннотации. Это видно даже на примере программ бизнес-консультирования, где программы целерационального планирования, организации, практически, вытеснены многочисленными «психологическими тренингами» по любому поводу. В России же это обернулось полным пренебрежением к науке, образо-

*Так, этой объективной «игре на понижение» могут противостоять задающие в плоском мире ценностные ориентиры гражданское общество, полноценная элита и внятная культурная политика. Отсутствие этих факторов делает общество беззащитным перед «игрой на понижение» и ценностным релятивизмом, превращая его в релятивизм нравственный. Именно эта ситуация имеет место в российском обществе.

ванию и здравоохранению, подменой их паранаучными, а то и откровенно шарлатанскими практиками. При устойчивости этой тенденции возникает угроза полной дискредитации знания как такового.

В «плоском» имманентном мире радикально изменилась **роль искусства**. Если раньше оно участвовало в социализации трансляцией нормы (типического), то теперь оно участвует в социализации за счет тестирования норм на их границы, провоцируя проверку нормы на скручивание и на излом. Сцена, экран, выставочный зал стали официально признанными площадками социальной провокации, где творится недопустимое в обыденной жизни. Более того, с этой функцией искусство вышло на улицы. Это социализация, но иного рода, когда провокация заставляет задуматься – а это уже норма или еще нет*.

Можно вспомнить об угрозе, которую Дж.Агамбен, вслед за М.Хайдеггером, обозначил как **«новую животность»** [1]. Животное, включенное в причинно-следственные связи, находится в «оцепенении», оно неспособно отразить активизирующие его поведение факторы. Человек, вроде бы, обладает этой способностью. Но современное массовое секулярное информационное общество, дающее, вроде бы, ясное представление об активаторах (желаниях, потребностях) человеческого поведения, а главное – дающее возможность удовлетворения любых желаний, выводит человека на новый уровень «оцепенения», открытости бытия, лишнего включенности в открываемое. Речь идет о ситуации, когда все активаторы желаний известны, а желаний нет. Неоткрытость открытому миру, фундаментальная скука человеческого бытия, когда знание всех возможностей ведет к бездействию. Скуку, как естественное состояние, обрывают всякие растормаживатели, втягивая во внешние по отношению к человеку цепочки зависимостей. Вернее, они есть всегда, эти цепочки, только латентно существующие. А вот их активизация активизирует человека. В современном сетевом социуме человек – игрушка каких-то активаторов, которые сами в свою очередь не что иное, как самовозбуждающаяся сеть.

Можно говорить даже **о нарастании роли мифологии и даже архаизации**. В условиях информационного общества массового потребления авторитетность подменяется паблицитностью (известностью и узнаваемостью). Личность предстает как череда проектов, а маркетинг и PR становятся требованиями к жизненной компетентности. Функцию ориентации в мире выполняют бренды (товаров, компаний, регионов, стран, идей, персон) – как социальные мифы, в т.ч. – апеллирующие к традиционной мифологии. Миф – фундаментальная метафора, есть вера в большую реальность, лежащую за данной реальностью, делающую эту реальность реальностью. Это не просто платонизм. В этом смысл концептуального развития науки, которая, в этом плане, мифологична по своему посылу расколдовывания мира, придания ему статуса «реальности». В этом плане сама метафора, метафоризация есть стремление к трансцендентному**. В условиях плоского имманентного мира все метафоры приравниваются. С одной стороны, у всех них оказывается один общий знаменатель маркетизации (спроса). С другой – все они имеют один онтологический статус и приравнены – нет абсолютной истины. А значит – нет большей реальности, чем вот эта.

Так или иначе, но в современном обществе открытие новых связей (в науке), протест, реформы (в политике), инновация (в технике), вообще любое творчество не столько открывают «новые миры», сколько расширяют мир «этот», накапливая в нем большее разнообразие качеств и связей. Ну и попутно – создавая новый сектор рынка. Этот ценностно «плоский» мир становится все более самодостаточным, имманентным, не нуждающимся в новых измерениях. Он именно имманентен, замкнут на самого себя. Если в традиционном обществе человеческое «бытие под взглядом» (Ж.-П.Сартр) было объектом некоего трансцендентного (Божественного) взгляда, то теперь оно объект критического взгляда «других», окружающих его людей. И в этом плоском информатизированном мире таких «других» становится все больше, а человеческая жизнь становится все более прозрачной для их взглядов.

*В России с ее традициями в искусстве, с десятилетиями насаждавшегося искусства социалистического реализма современное искусство воспринимается с трудом, вызывая зачастую неадекватно агрессивную реакцию.

**В этом плане так называемый материализм суть не что иное, как идеализм... До меня и вне меня существует некий материальный мир. И я, претендуя на каким-то образом его познание, формулирую некие законы его развития, что позволяет мне потом преобразовывать мир, общество, приводя их в соответствие с этими законами. Чем не идеализм и даже волюнтаризм!

Поэтому нынешний мир информационного общества массового потребления не только плоский в ценностном плане, но он и **лишен образа будущего**. Даже в 1960-х была «научная фантастика». Сейчас – либо римейки, сиквелы, приквелы, бесконечные пародии, перепевы, «старые песни о главном», либо – фэнтези в средневековой стилистике, когда нет банковского процента, и все человеческие достоинства личностны и непосредственны. Его настоящее – не переход от прошлого в будущее, а пролиферация нарративов о прошлом, в которой имена и события меняют свои смыслы и содержание. Фактически речь идет о неспособности инвестировать настоящее в будущее, когда неуверенность в истине дополняется уверенностью в пересмотрах. Самовоспроизведение, саморепродуцирование стало смыслом творчества [4]. «Новое» в этом искусстве – не иное, а «неузнаваемое обычное», вроде редимейда, помещаемого из обыденного в вечное [3, с. 86].

Архаизация проявляется в том числе и в нарастающей феминности современного общества. И дело отнюдь не в феминизме. Ценности общества массового потребления: здоровье, достаток, жизненный успех, любовь-морковь, семья, дети... Это ценности этого мира и одновременно это ценности преимущественно феминные. В обществе массового потребления главная «целевая группа» – женщины. Именно им, прежде всего, адресуется реклама, они – главные посетители дворцов культуры массового потребления – ТРЦ. В этой ситуации традиционные мужские ценности носят сервильный, обслуживающий характер ценностей базовых – феминных. Это ни хорошо и ни плохо. Это факт. Как и то, что женщины – существа, лучше укорененные в этом мире, чем мужчины. В силу центристскости мироощущения и мироощущения. В отличие от мужского – центростремительного.

Ценностной релятивизм при поверхностном понимании «диалога культур» и «мультикультурализма» в условиях объективного процесса глобализации оборачиваются издержками поверхностного и неглубокого понимания условий реализации прав человека и толерантности. Можно говорить о радикальном **кризисе либерализма**, источниками которого были рационалистический сайентизм, этический утилитаризм и политическая имперская культура – надэтничная и надконфессиона-

льная. Поэтому кризис источников закономерно подводит к вызову либерализму как их идеологическому выражению. Например, как быть с толерантностью к нетолерантным? Веер других примеров таких издержек достаточно широк: от проблем биоэтики (порожденных достижениями генной инженерии, трансплантологии, медицины) до этнокультурных напряжений и конфликтов. Неоднозначность проблем и решений вырастает до масштаба политического и международного. Россия еще только погружается в эту неоднозначную ситуацию.

По крайней мере, очевидно, что либералистскому постмодернизму оказалось нечего противопоставить фундаментализму. Более того, он сам уничтожил возможности межрелигиозного диалога [10]. Выявилась глубокая противоречивость либеральной демократии в целом, основанной на двух противоречащих друг другу секулярных мифах:

- просвещенческом представлении политики как дискурса публичного разума, опора которого на «объективное знание» позволяет элите возглавлять общественное развитие;

- революционистском, эгалитаристском мифе всеобщего избирательного права, политики больших чисел, в которых представление коллективной воли определяется путем подсчета мнений и фантазий индивидуальных граждан-избирателей [2, с. 94]. Более того, начиная с уравнительной справедливости (равенства перед законом, равенства возможностей), либерализм пришел к изощренным техникам равенства распределительного*.

Важно понять, что никакие культуры никогда ни в какой «диалог» не вступают. Каждая культура самодостаточна и содержит ответы на все вопросы. В диалог вступают только личности. Только у личности могут возникнуть вопросы, ответы на которые требуют выхода за некие привычные рамки стереотипов.

И вот тут, похоже, нащупывается главное.

Субъективность и запрос на трансцендентное

Человек как существо, наделенное сознанием, не может быть замкнут в имманентности, действительно чреватой «новой

*Имеется в виду классическая работа Ролза Д. Теория справедливости. Нвсб/Изд-во НГУ, 1995, а также движение Д.Ролза навстречу коммунитаристской и социал-демократической критике его концепции.

животностью». Как существо конечное в пространстве и времени, он пытается постичь бесконечное разнообразие мира всегда с какой-то позиции, точки зрения, в каком-то смысле. Животное не просто сканирует реальность, оно само часть этой реальности. Наделенный сознанием человек, являясь носителем трансцендентального субъекта, стремится заглянуть, зайти за экран сущего – подобно главному герою кинофильма «Шоу Трумана» или путнику с известной гравюры, иллюстрирующей Птолемею модель мироздания.

Действительно, условием осмысления является способность выхода в некий out, в «позицию вневходимости» (М.М.Бахтин), в некий контекст. Так, смысл слова из фразы, смысл фразы – из текста, смысл текста – из контекста. Смысл жизни – не в самой жизни. Для его обнаружения надо выйти в некий контекст, придающий жизни смысл, в нечто большее, чем конечное существование. И человек, в отличие от животного, способен к такому переходу, к трансцендированию в иное. В том числе – к рефлексии, дающей ему опыт самопознания, выхода в out, открывающий ему самого себя. Этот опыт трансцендирования открывает человеку путь к овладению причинно-следственными связями, к преодолению своей животности, овладению ею.

И тогда становится ясным, что, когда речь идет о современности, как постсекулярности, то дело не сводится к формам религиозности. Дело в неизбывном запросе на трансцендентное, даже тоске буржуазного плоского мира по трансцендентному, и – в формах реализации ответа на этот запрос. **Вопрос о современности – это вопрос о тяге к трансцендированию, о поисках новой трансцендентности.** Что стоит за этими поисками? Чем они обобщаются для социальной реальности? Это действие некоего иммунитета, реагирующего на ощущения угрозы «новой животности»? Насколько существенна в этом роль религиозности?

Что касается активизации новой религиозности, то сама по себе фундаменталистская ориентация апеллирует к ритуалу, к материальной форме религиозности, в чем-то схожей с машиноподобной автоматически воспроизводимой репродукцией. Парадоксально, но в этом фундаментализм совпадает с наиболее радикальным результатом секуляризованного Просвещения.

Поэтому Б. Гройс во многом прав, утверждая, что фундаментализм есть религиозность постмодерна с его установкой на буквальное повторение [3, с. 220–223].

Запрос на трансцендирование выражается также как в критике, которая предполагает выход в out по отношению к окружающей действительности, так и в поиске нового, открытии и освоении этого нового. В обоих случаях речь идет о неудовлетворенности настоящим, нежелании ограничиваться комбинациями и модификациями старого.

Почему эти поиски проявляются большей частью в радикализме? С одной стороны – в правом, фундаменталистском радикализме, апеллирующем к необходимости культивирования религиозных практик, дающих опыт трансцендирования в иное, основывающих отношения в этом мире на отсылках к религиозной трансценденции. С другой стороны – в левом революционаристском протесте, свойственном современному искусству, гуманитарно-творческой интеллигенции.

Но насколько левая эта левизна? Насколько она привязана к социалистическим идеям? Не является ли это просто проявлением антибуржуазности, неприятием и отталкиванием имманентного плоского мира?

Характерно главное: оба тренда – «фундаменталистский» и «революционаристский» – по сути дела, сходятся. Оба «растворяют» личность в некоей сверхжизненной идее, обладающей колоссальной смысложизненной силой, выводящей существование в новый горизонт. Личность предстает не самоценной сущностью, а средством реализации этой идеи, этой силы, а человеческая жизнь получает мощное обоснование, придающее ей смысл и оправдание. Недаром, как свидетельствуют очевидцы, прошедшие гитлеровские и сталинские лагеря, выживали в них люди, находившие (или устанавливающие для себя) какие-то правила поведения, выходящие за рамки лагерного регламента. В первую очередь это были глубоко религиозные люди и люди, преданные некоей политической идее*[8].

Вопрос о свободе как ответственности в этом контексте трансформируется в ответственность служения идее – религиозной, политической, научной... И эта свобода воли как «воля к неволе» обладает колос-

*Много примеров таких судеб можно найти в «Колымских рассказах» В. Шаламова.

сальной притягательностью, поскольку снимает с человека проблему морального выбора в текущей жизни: выбор предопределен полной самоотдачей.

В каком-то смысле поиск трансцендентного оборачивается «бегством от свободы», но от свободы институциональной, тогда как сопричастность трансцендентному позволяет утверждать свободу суверенную. А образ жизни массового буржуазного общества, включая правовую культуру, политическую демократию, права человека есть торжество свободы институциональной, регламентирующей свободу суверенную. Но проектно-сетевой социум не способствует институционализации свободы, доказательной аргументации, реализуя суверенную свободу, способствует предъявлению, демонстрации мнения, убеждений, декларированию соответствующих посланий. Можно сказать, что наше время – эпоха возврата акцента суверенной свободы после столетий модерна с его акцентированием свободы институциональной, апеллирующей к научной рациональности, праву. Но общий тренд очевиден – элиты все более дистанцируются от «массы», одновременно эту массу порождая и формируя. А дистанцирование и выделенность нуждаются в оправдании и легитимности. Религиозная практика решает эту задачу наиболее просто и эффективно.

Важно только понять, что поиск нового трансцендентного неизбытен для человеческого существования. Неспособность переживать трансцендентное закрывает (как минимум!) перспективы развития знания и опыта. Человеку не дана вся полнота знания. И для расширения осмысления ему необходимо признание существования (онтологическое допущение) чего-то непознанного, трансцендентного, сопричастность которому открывает путь познания и расширения опыта, открытия новой гармонии, новой целостности мира.

Если в политической, моральной и религиозной сфере он чреват последствиями разной степени и характера неоднозначности, то есть сферы деятельности, которые построены именно и только на таком поиске нового опыта трансцендирования в иное. И эти поиски большей частью конструктивны и даже социально значимы. Это, прежде всего, наука и искусство. Но даже наука в современном обществе сталкивается с ситуацией оправдания не только социальной значимости, но и даже просто допустимости некоторых исследований – ситуация немыслимая в XIX и первой половине XX столетий.

Возможно, перспективы поиска новой трансценденции возможны в связи со все более отчетливым трендом постчеловечности [7]? Укажем только некоторые его характеристики:

- нарастающая утрата искусством традиционной предметности и образности;

- практики посттелесности, когда достижения биотехнологий, генной инженерии, медицины, трансплантологии достигли уровня, когда менять не только внешний облик, внутренние органы, но и пол, в результате чего тело из «темницы духа» превратилось в костюм, платье, которые можно не только украшать, но и менять;

- все более явное смещение с представлений о сущем, со стремления на основе этих представлений к преобразованию сущего к потенцированию, овозможиванию сущего – не только с помощью построения компьютерной виртуальной реальности, но и таких социальных практик, как страхование и кредит [9];

- следствием этого являются новая мораль, впервые в истории утрачивающая симметричность в отношениях между индивидами (как между поколениями, так и одного поколения), утрачивающими общность зачатия, вынашивания и появления на свет.

Но самое главное – даже не это, а то, что любой протест, любая девиация, любое творчество, любой прорыв за рамки плоского имманентного мира только способствует его расширению. Более того – вокруг этого протеста, прорыва тут же создается новый рыночный сектор, направленный на удовлетворение и этого желания тоже. Так было с движением хиппи, с революционаризмом New Left, духовными поисками New Age...

Каждое из этих движений, протестовавшее против пошлости плоскости буржуазного общества, только расширяло его – этого общества разнообразие: «а вот это наши хиппи», «а вот тут – леваки», «а это ребята с альтернативными религиями», «вот тут они собираются», «а вот это их фенички, и их можно даже приобрести как сувениры»... Похоже, этот плоский имманентный мир способен переварить любую попытку выхода за его рамки. И творчество только все накапливает различия в сущем, по сути дела – фрактализирует настоящее. Не более. Но и не менее.

Ergo

Мы имеем дело с имманентным (даным здесь и сейчас) самодостаточным миром и социумом. И эта его имманентность

чревата: либо тотальным манипулированием, либо скатыванием в фундаментализм и еще большую закрытость, либо революционеризмом левацкого толка.

Но во всех трех случаях речь идет о выходе за границы имманентного. Манипулятор, неотеократ, революционер апеллируют к критике сущего имманентного, к необходимости выхода за его пределы, получая, тем самым, обоснование установлению новой власти. Является ли изошренная медийная манипуляция единственной альтернативой леваческому релятивистскому революционеризму и неофундаментализму?

Человек не самодостаточен, а возможно и не самоцелен, не самоценен.

Он – принципиально открытая система. Открытая для осмысления и переосмысления. Возникает запрос на некую новую «позицию вненаходимости», в т.ч. в контексте постчеловечности. Что нас ждет... Новое расширение имманентности? Расширение круга причинно-следственных связей? Неорационализм? Но это предполагает уяснение и принятие каких-то новых исходных оснований, онтологических допущений сущего... А значит и одновременное открытие новых горизонтов трансцендентного.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что современность – особенно в ее российских условиях – имеет дело с серьезным цивилизационным вызовом.

1. Агамбен, Дж. Открытое. Человек и животное [Текст] / Дж. Агамбен. М.: РГГУ, 2012.
2. Асад Т. Что могла бы представлять собой антропология постсекуляризма? // Логос. 2001. № 3 (82). С. 94.
3. Гройс, Б. Политика поэтики [Текст] / Б. Гройс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012.
4. Делез Ж. Различие и повторение / пер. с фр. Н.Б. Маньковской и Э.П. Юровской. СПб: Петрополис, 1998.
5. Павлов, А.В. Заметки о современности и субъективности. Модерн и пластичность [Текст] / А.В. Павлов // Социум и власть. 2012. № 6. С. 5–11.
6. Павлов, А.В. Заметки о современности и субъективности. Критерий современности [Текст] / А.В. Павлов // Социум и власть. 2013. № 1. С. 5–14.
7. Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб: Алетейя, 2002.
8. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
9. Эпштейн М.Н. Философия возможного. СПб: Алетейя, 2001.
10. After the Postsecular and the Postmodern: New Essays in Continental Philosophy of Religion. / ed.A.P.Smith, D.Whistler. Cambridge: Cambridge Scholars Publ., 2010.
11. Taylor Ch. A Secular Age. Cambridge, L.: Belknap Press of Harvard University Press, 2007; Taylor Ch. Fuer einen neuen Saekularismus. Zur Einfuehrung // Transit. 2010, Bd.39, s. 11–27; Habermas J. Religion in the Public Sphere // European Journal of Philosophy. 2006, vol. 14 (1), p. 2–16; Habermas J. Zwischen Naturalismus und Religion. Frankfurt am Main, 2005; The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics /ed by P.Berger. Grand Rapids, Michigan: Wm. B. Eerdmans Publishing Company, 1999. Подборки публикаций на русском языке в: Логос. 2001. № 3 (82). Человек.ru. № 8 (2012). Тема номера: «Постсекулярная парадигма». Новосибирск, 2012. Из отечественных работ стоит выделить: Хоружий С.С. Постсекуляризм и антропология // Человек.ru. № 8 (2012). С. 15–34; Узланер Д. Введение в постсекулярную философию // Логос. 2001. № 3 (82). С. 11–13.

ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ СОВРЕМЕННЫМ

(В контексте статьи А.В. Павлова

«Заметки о современности и субъективности»)

УДК 101.9

С.В. БОРИСОВ

Современность – личная оценка мироустройства под углом проблемности своей жизни и поиск способа решения проблем. Модерн же – протестный потенциал современности, ее нацеленность на создание технологических средств решения проблем и пространства, где возможны именно технологические решения.

А.В. Павлов

О чем невозможно говорить, о том следует молчать.

Л. Витгенштейн

Человечество выработало множество способов манипуляции со временем. Время можно измерять, с помощью времени можно ориентироваться в пространстве, время можно покупать и продавать, время можно ускорить или замедлить и т.п. Все это – примеры объективации времени, когда осуществляется перевод онтологической проблематики в гносеологическое русло, что есть, по М. Хайдеггеру, – «забвение бытия». Происходит подмена тезиса, как в известной сказке Е. Шварца, если «теряешь» драгоценное время, то оно начинает нам «мстить», забирая наши лучшие годы и превращая нас в немощных стариков. По сути, проблема моего переживания временности подменяется проблемой «своевременности», когда мое время превращается в чуждую мне объективированную силу, навязывая мне свой жесткий и неумолимый ритм. С такого рода объективированным представлением о времени живут многие люди. Этой объективации времени человечество обязано, прежде всего, науке и пропагандирующей ее достижения позитивистской сциентистской философии. Ведь именно сциентизм порождает модерн. То, что раньше находилось в области чувств и переживаний, перешло в область объективного «измерения» посредством геометрических моделей этих чувств и переживаний в виде градуированных шкал и математических функций. Разум склонен больше доверять математическому расчету, нежели смутным и противоречивым чувственным данным. Это дает новое представление о времени. Можно, например, спросить:

«какое сейчас время?» и услышать ответ, исходящий из мироощущений человека: «время сбора урожая», «смутное время», «время поста и молитв». Модерн же вкладывает в этот вопрос совсем иной контекст, который ныне стал для всех привычным: «сколько сейчас времени?». Жизнь покинула время, исчезла его качественная составляющая, время превратилось в простое исчисляемое количество. Конечно, субъективный аспект переживания временности остается. Гуманитарное знание упорно отстаивает свое право на специфическое понимание времени посредством понятий «историческое время», «культурная эпоха», «времена» и т.п. и борется против любых сциентистских нападок на историю, когда историческое время сводится к простой хронологии и хронометрии. Итак, можно констатировать, что некогда единое время распалось на две фактически изолированные области: объективное и субъективное. Такой дуализм мучителен для целостного восприятия мира. В этих условиях всегда актуальным будет хайдеггеровский призыв вернуть утраченное единство бытия и времени. Статья А.В. Павлова является своего рода ответом на этот призыв посредством глубокого философского анализа такого «экзистенциала», как современность [1; 2].

«Нетрудно заметить, – пишет автор, – что для активного человека любая общественная обстановка будет современной уже потому, что сама его субъективность означает восприятие реальности под углом проблем. Любое препятствие его целям и планам требует преодоления: его

надо разрушить и создать новые условия. В таком случае современность становится многообразием индивидуальных проблем, поиском и выбором способов решения, не только одним протестом, но и созиданием. Пойдет ли дальнейшее развитие по модернистскому пути или сложится что-то другое, зависит от того, какое решение проблем предпочтительней [1, с. 8].

Итак, как я встроен в современность? Через осознание себя во времени, точнее во временности своего существования. Как возникает во мне это осознание? Посредством столкновения с проблемами в «пограничных ситуациях» (К. Ясперс) жизненного опыта. В принципе, существует только одна граница, которая актуализирует вопрос моего существования – это граница времени: настоящего, насыщенного моим существованием или требующего моего осуществления-присутствия, и «ненастоящего», небытия – прошлого или будущего. Я начинаю ощущать острый дефицит своего существования, когда осознаю себя на этой границе. Меня «нет дома», т.е. в настоящем, я либо убежал из него в будущее в своих мечтах и фантазиях, либо застрял в прошлом в своей памяти. И в том и в другом случае я становлюсь несовременным. Я гоню от себя настоящее, я не могу в нем себя почувствовать, потому что оно мне кажется чужим, «не моим». Однако в состоянии пограничности есть и положительные моменты для моей экзистенции. Это состояние дает мне шанс осознать, что ничего другого, кроме настоящего, нет, ничего нельзя изменить, поэтому единственным выходом из этой ситуации будет возврат к себе самому, к своим глубинным личностным структурам. Таким образом, в осознаваемом мной временном разрыве слышится «звон» моей экзистенции. Где я себя потерял? Где я себя оставил, предал, проявил пренебрежение к себе, не позаботился о себе? Я должен найти себя здесь и сейчас, в этой ситуации, я должен стать современным, и в этом мое спасение.

Модерн выработал множество «технических» решений проблемы «экзистенциального вакуума» (В. Франкл). Но опять-таки здесь наблюдается та же подмена тезиса, что и с определением времени: экзистенциальное, субъективное содержание вопроса замещается на опосредованное, объективированное содержание. Например, «позаботься о себе!» и тут же под

рукой оказывается «глянец» с услужливыми советами: измени свою внешность, позволь себе те или иные удовольствия, соверши путешествие, устрой себе отдых и т.п. Однако это только симуляции решений. Отсрочка приговора не означает его отмены. Или другой распространенный случай – это стремление быть современным, понятое буквально, как погоня за модой, будь то стиль одежды, образ жизни или технические усовершенствования. Все это симулякры, которые не дают возврата к себе, наоборот, они ведут по пути забвения, приятного сна наяву. Быть современным в подлинном смысле слова означает принять фактичность ситуации и выйти из нее не путем ее игнорирования или забвения себя, а путем изменения своего отношения к происходящему и к себе самому. Например, это может быть поводом расстаться с прошлыми обидами и тем самым прорваться из небытия-прошлого к бытию-настоящему. Или это может быть поводом покончить со страхами перед непредсказуемым и стремительно надвигающимся небытием-будущим для того, чтобы целиком и полностью сосредоточиться на бытии-настоящем. При этом внешне, скорее всего, наше поведение будет представлять собой реализацию советов из «глянца», разница будет заключаться только в осознании мотива: или мы всеми силами убегаем от себя или, наоборот, к себе возвращаемся.

А.В. Павлов пишет далее: «Современность – это умение жить и быть субъектом в соответствии с меняющейся реальностью, включая изменения самой структуры своей жизни и субъективности. Это особая культура жизни: проблемный, внутренне противоречивый и динамичный разум. Это ценности, восходящие не к воспроизводству достигнутого, а к поиску новых достижений, не к единообразию, а к многообразию личностей и формам их сосуществования» [1, с. 9].

Осуществить тот или иной жизненный выбор я могу только, исходя из определенной осознанной или неосознанной мной системы ценностей. Конечно, с осознанными ценностями жизнь переживается гораздо полнее. Осознание времени делает ценности актуальными, поскольку не нарушает их безусловного статуса, не позволяет им перейти в обусловленное. В «пограничной ситуации» временности

обусловленным являюсь я сам со своими прежними представлениями, теперь они поставлены под сомнение, потому что в этой ситуации они не работают. Осознание временности показывает мне всю несостоятельность моих прежних суждений о жизни. Возникает потребность в опоре или во внутреннем стержне. Именно тогда осознание ценностей становится самой важной жизненной потребностью. Осознание безусловного характера ценностей спасает в буквальном смысле этого слова. Мое пробуждение в настоящем, т.е. в подлинном понимании ценности как чего-то безусловного, абсолютного будет длиться до тех пор, пока я сам не нарушу этого достигнутого мной единства. В таком случае быть современным означает здесь и сейчас, в каждый миг своего существования утверждать и реализовывать то, что является для меня ценным. Забвение ценностей, их перевод в разряд обусловленного есть, таким образом, свидетельство моего выпадения из бытия, выпадения из современности.

Конечно, забвение ценностей не происходит в одночасье. Для того чтобы научиться забывать, требуется длительное привыкание. Сначала все наше существо сопротивляется этому. Мы не можем мириться с обманом, мы не можем быть равнодушными и безучастными, мы стараемся быть мужественными. Но потом появляется «ленивая» мысль: а что я смогу изменить? Обстоятельства выше нас. Так некогда безусловное для нас переходит в обусловленное. Более того, для этого «перехода» сразу же находится «разумное» оправдание: я ничего не могу изменить, потому что в мире есть зло. Конечно, мы при этом понимаем, что не в состоянии так просто судить о наличии «мирового зла». Более того, если мы познакомимся с философской литературой по этому вопросу, то увидим, что большинство философов дают на него отрицательный ответ, т.е. никакого объективного зла не существует. Тем не менее, осознание безусловного характера ценностей может быть надолго утеряно, поставлено под сомнение. Придумывая же для себя это оправдание, мы можем с уверенностью констатировать лишь одно – мы предали свои ценности, мы лишили их безусловного статуса, а, следовательно, мы предали себя, наше существование в настоящем превратилось в проблему, мы стали

несовременными. «Современность, – пишет А.В. Павлов, – это нонконформизм, а несовременность – конформизм, первое – «я», осваивающее чужое и освобождающееся от него, а второе – «я», увязшее в чужом» [1, с. 10].

По словам автора, «для любого живого человека современность тотальна, и помимо нее ничего попросту нет» [2, с. 6].

Реальность, согласно К. Ясперсу, имеет свойство исчезать, а обретается она между Богом и экзистенцией. Мы не можем «прибить» реальность к какому-либо времени и месту, придать ей четкую фиксацию в пространстве-времени, потому что само пространство-время текуче и непрерывно меняется. «Объективированная реальность» – это скорее атрибут нашего интеллекта, нежели свойство самой реальности. Быть современным означает обретение реальности в пространстве-времени между двумя намеченными выше полюсами. Один полюс – трансценденция, безусловные ценности, Бог. Другой – экзистенция, уходящая корнями в бессознательное. Постичь эти полюса человеческому разуму не дано, ему открывается лишь «просвет бытия» (М. Хайдеггер) в ситуации «между». Это и есть современность.

Присутствие в реальности – это неповторимый жизненный опыт. Его уникальность человек пытается запечатлеть всеми доступными ему интеллектуальными или художественными средствами. Однако данные средства весьма несовершенны, дважды войти в одну и ту же реку не удастся никому. Моменты настоящего со временем превращаются в поблекшие забытые «фотоснимки»: на знакомых нам лицах запечатлелись моменты неведомого нам счастья. Однако именно переживания жизни во всей ее полноте, наш жизненный опыт, подвергаемый постоянному анализу, это и есть, по сути, единственная открытая для нас реальность. Существование же всего иного сомнительно. Ощущение полноты жизни дает нам возможность философствовать, исходя из самой жизни, и в эти мгновения рождается то интеллектуальное богатство, которое придает настоящему его неповторимый уникальный смысл. Поэтому быть современным означает видеть в жизни смысл. С одной стороны, смысл трансцендентен, вездесущ, но, с другой – нет такой жизненной ситуации, которая была бы лишена смысла, следовательно, смысл

имманентен, экзистенциален и открывается он только в момент настоящего, поэтому смысл всегда современен.

А.В. Павлов отмечает: «Онтология современности зарождается в индивидуальном самобытии человека, а он, в свою очередь, получает право оценивать мир в параметрах «современное/несовременное» всякий раз, когда встречается с таким же самобытием другого или не находит его» [2, с. 8].

Да, обретение смысла возможно только в подлинной коммуникации. Ведь в подлинной коммуникации встречаются экзистенции. Все внешнее уходит на задний план, поэтому нет смысла лгать, защищаться или обороняться. Только в этих условиях мое сообщаемое дойдет до адресата и будет понято. Таким образом, подлинная коммуникация даст мне возможность моего осуществления в настоящем, а другому – возможность погрузиться в себя на столь же глубокий экзистенциальный уровень. Большинство из нас привыкли жить в атмосфере лжи и притворства. В этой атмосфере любые, даже самые значимые слова обнаруживают нищету смысла. Но дело не в словах. «Нищета в нас самих,

если мы делаем слово нищим» (В. Библихин). Да, конечно, мы не хотим выглядеть «идиотами» Достоевского. Об этом говорить не принято, а об этом – неловко, эти темы лучше обойти, а этих тем лучше не касаться. Так из недомолвок и недоговоренностей сплетаются целые кружева лжи. Разорвать эти путы обмана становится все труднее, потому что многое из этого сплел я сам. В таком случае, разоблачения приходится начинать с себя. В этом контексте быть современным означает находиться в пространстве подлинной коммуникации. Разоблачая логику обмана, я приучаюсь блокировать в себе те привычки, которые ее закрепляют.

Стремясь к подлинной коммуникации, не нужно бояться быть непонятым. Лучше быть непонятым в правде, чем разоблаченным в обмане. Кроме того, подлинная коммуникация может осуществляться самыми разными способами, которые предложит нам сама жизнь, сама современность, так что, если «нет слов», смысл найдет себе другую дорогу. Как правило, самым верным знаком его присутствия является благоговейное молчание.

1. Павлов, А.В. Заметки о современности и субъективности. Модерн и пластичность [Текст] / А.В. Павлов // Социум и власть. 2012. № 6. С. 5–11.

2. Павлов, А.В. Заметки о современности и субъективности. Критерий современности [Текст] / А.В. Павлов // Социум и власть. 2013. № 1. С. 5–14.

ЦЕНТР И РЕГИОНЫ: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НОВОГО РОССИЙСКОГО ИМПЕРСКОГО ПОРЯДКА

(Рецензия на монографию: Красняков Н.И. Западные национальные регионы в системе государственного управления Российской империей в XVIII – начале XX вв. Закрепление автономистской традиции в российской государственности. Екатеринбург: УраГС, 2009. 208 с.)

Посвящается 25-летию Института философии и права Уральского отделения РАН

УДК 321

М.А. ФАДЕИЧЕВА

Вряд ли исторические аргументы могут быть полезны в разрешении современных противоречий. Исторические обиды служат плохую службу в определении характера межгосударственных и межэтнических отношений в настоящем. Чтобы объяснить причины имеющихся проблем, следует перелистывать страницы истории одну за другой в обратном порядке, не останавливаясь на странице, ближайшей к современности. Так, например, не только известный пакт Молотова–Риббентропа 1939 г., но и малоизвестный «пакт» Штрембергера–Шереметева 1710 г. может объяснить нечто в новейшей истории России. Парадокс заключается в том, что многие современные политические проблемы вовсе не современны, а стары, например, стары, как мир Российской империи. Они являются наследством бывшей власти, причем не той, которая была десять, двадцать, пятьдесят лет назад, а той, которая была не одно столетие назад. Именно знание того, как складывалась Российская империя, как возникала и функционировала система имперского управления захваченными и колонизованными территориями может объяснить многое в отношениях Российской Федерации и новых независимых государств, образованных на постсоветском пространстве после распада СССР. История имперской государственности до сих пор отражается в отношениях Федерального центра и субъектов Российской Федерации, в природе и особенностях асимметричного российского федерализма. Рассмотрение исторических особенностей развития имперской государственности, этого «бэкграунда» современного государственного устройства, может

дополнить такие существующие подходы в изучении российского федерализма, как институционализм, теория рационального выбора, элитистский подход. Суждение о том, что власть исходит из единого центра так же, как и «суждение о том, что власть сосредоточена в политическом пространстве и “исходит отовсюду”, приобретает свою твердость и значимость лишь тогда, когда виден конкретный механизм ее функционирования» [2, с. 264] и имеется их историческое обоснование. Весьма поучительная история связана с тем, как в пространстве Российской империи государства становились регионами, как регионы превращались в государства, каким образом они управлялись. Эта история представлена в монографии Николая Ивановича Краснякова «Западные национальные регионы в системе государственного управления Российской империей в XVIII – начале XX вв. Закрепление автономистской традиции в российской государственности», вышедшей в Екатеринбурге в 2009 г.

Детально, скрупулезно и захватывающе интересно отображено в монографии то, как происходило присоединение западных окраин Российской империи: все западные приобретения – результат разделов государств и следствие войн. Малая Россия стала частью Московской Руси в середине XVII в. Непростые отношения лифляндского и курляндского рыцарства с Польшей и Швецией привели к тому, что были присоединены остзейские (немецкие) губернии. Так, например, Курляндия была присоединена при Екатерине II в результате третьего раздела Польши. Территориальное расширение Российской империи за счет присоединения

западных губерний – того, что называлось «области от Польши присоединенные», было связано с разделами Речи Посполитой по договорам Российской империи с Австрией и Пруссией. Раздел Великого княжества Финляндского также произошел по итогам войны со Швецией. В итоге войны с Турцией 1806–1812 гг. к Российской империи была присоединена часть княжества Молдавского – Бессарабия.

Автор монографии ставит перед собой задачу исследования региональных систем управления Российским государством имперского периода в историко-правовом контексте. Выясняется, что в течение более чем трех веков остается одна и та же проблема – проблема «центр – регионы», так как этнонациональное, культурно-религиозное, административно-управленческое своеобразие территорий требовало и требует от правительства «проведения прагматично-компромиссной региональной политики поиска оптимальной модели взаимоотношений регионов и центра» [3, с. 31]. В связи с этим и представлены модели государственного управления, такие, как: административно-автономистская; национально-автономистская, включая национально-территориальную (культурную) автономию; государственно-автономистская как высшая форма региональной самостоятельности. При этом четко определен критерий их выделения, а именно: источник власти в регионе и объем самостоятельности в законодательном регулировании управления местными делами. Прослежена эволюция управления регионами. Так, развитие административно-территориального автономизма Малороссии привело, в конечном счете, к нивелированию местных особенностей, к унифицированной системе управления, устранению различий между обычаями края и общим правом империи. Что касается остзейского края, то есть губерний Лифляндской, Эстляндской и Курляндской, то в нем шел «процесс объединения правовых систем остзейского местного права и общеимперского в направлении последовательного распространения на Прибалтику общеимперских институтов государства и права» [3, с. 106]. В западных губерниях территориальные управленческие структуры подчинялись общей системе правительственных учреждений России. В Великом княжестве Финляндском была сформирована государственно-автономистская модель регионального управления: «внутри имперских российско-финских отношений сформировались четкие линии: с одной стороны на защиту интересов националь-

ного развития Финляндии, а с другой – на основе геополитических и экономических потребностей государства в сторону формирования закономерных для имперского пути общих потребностей населения страны» [3, с. 166]. Попытки установить сверху и оформить законом административно-территориальную форму автономии для Бессарабии не были реализованы на практике из-за неподготовленности населения. Управление царством Польским эволюционировало от государственно-автономистского статуса к обособленной системе государственного управления в составе Российской империи. Можно утверждать, что на асимметричном политико-правовом пространстве Российской империи при всем многообразии моделей властных отношений власти и частей империи все же преобладает линия унификации устройства и управления.

В процессе расширения имперских территорий путем войн и колонизации усложнялась «социальная среда», следовательно, и управление империей. Не вызывает сомнения то, что «история государства и права России не может быть исчерпывающе исследована и представлена без учета и понимания полиэтнического и многонационального характера российской государственности» [5, с. 16]. Разнородность территорий и этносов, на них проживающих, была такова, что единообразно управлять было невозможно. В результате устанавливалось автономистское (в разной мере) устройство в составе Российской империи. Однако автономистская традиция была подчинена интересам империостроительства. Она была вынужденной мерой из-за пресловутой разнородности в экономическом, ресурсном, этнокультурном развитии. Были «присоединены» абсолютно отличные друг от друга в цивилизационном отношении территории. Эту разнородность нечем было скрепить, кроме верховной власти и ее единообразного правления. Отсюда сочетание противоположных тенденций: с одной стороны – автономизм, с другой стороны – централизация. Именно поэтому каждый царь, император проводил реформы административно-территориального устройства и управления колонизованными территориями. Перманентные реформы не приводили к улучшениям кардинальным, системным, но только к частичным: управление Российской империей осуществлялось «в ручном режиме». «Следуя природному милосердию и здоровой политике, Государь всем народам, покоренным его оружием, оставляет прежние законы и обычаи, все права и преимущества, коими пользовались они до завоевания» [3,

с. 176]. Это – для начала, а далее имперская логика и политическая практика приводила к упразднению самобытных порядков, насаждению порядков общеимперских и унифицированных законов. К этому подталкивало стремление укрепить позиции центра, для чего казался годным только один способ – выстраивание вертикали имперской власти. Таким образом, «противодействуя и содействуя, вступая с подчиненными в многообразные отношения, государство-империя не изменяет своей природы, поскольку зависимость основывается на отношениях неравенства...» [З, с. 27].

Противоречие между имперской сущностью единообразия управления и реальной невозможностью его осуществления приводило к тому, что государственный механизм не справлялся с управлением, поэтому постоянно перекраивали территории, меняли порядок управления, переписывали законы. Читатель может сделать собственные выводы о том, что все «новации в империостроительстве» были вызваны единственной целью – всемерного укрепления самодержавия. Автономизм был всего лишь средством для этого, в той же мере, в какой и регионы были средством для пополнения имперской казны. Однако все инновации приводили к тому, что управление становилось не лучше, а хуже. Управляли так, что к началу XX века накопились неразрешимые противоречия, сложился глубочайший кризис. Плохой имперский менеджмент был не самой последней причиной из числа тех, которые вызвали Октябрьский переворот 1917 года – Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

Несмотря на убедительные доказательства, которые приводит автор монографии в пользу своих основных выводов, сохраняется интрига в виде оставленных без ответа вопросов. Принципиально важно выяснить, почему в западных территориях «повышалась конфликтность социума», что «приводило, с одной стороны к централизации полномочий в делегатурах правительственных учреждений, но с другой – к формированию новых высших органов по делам данного региона – высших комитетов, что в итоге только разобщало управленческие усилия государства...» [З, с. 207]. Может быть, неэффективное управление и приводило к «повышению конфликтности социума»? Остается загадкой, почему Россия в рассматриваемый период (XVIII – начало XX вв.) «органически эволюционировала в форму государственного устройства переходного типа», причем в двух противоположных направлениях: «или как государство унитарное

с элементами автономности отдельных административно-территориальных единиц, или как регионалистское, следовательно, с присутствующими условиями движения к федерации или конфедерации» [З, с. 208].

В монографии сделан ряд выводов как бесспорных, так и вызывающих желание дискутировать. Можно согласиться с тем, что «в государственно-правовой системе признавались специфические свойства национальных территорий-населения», что «на прагматическом уровне они поддерживались и сохранялись вплоть до момента наступления их опасности для имперского политико-правового пространства» [З, с. 208]. Однако вызывает сомнение пассаж о «некорыстности» увеличения пределов Российской империи. Всякая империя увеличивает пределы по своей имперской сущности, хотя всегда имперский центр представляет это для захваченных и колонизованных территорий как благодеяние, а подчинение имперским порядкам для подданных как истинное наслаждение. В доказательство «некорыстности» приводится аргумент, что «первоначально расширение ее территории осуществлялось за счет родственных в культуре и религии народов, и уж потом в эту орбиту вовлечено население Финляндии, Бессарабии, Польши, а в последнюю очередь – мусульмане Средней Азии» [З, с. 208]. Однако, во-первых, самодержавная власть не спрашивала разрешения на завоевание ни родственных, ни неродственных в культуре и религии народов. Во-вторых, как можно сначала захватить то, что находится дальше? Как можно было сначала «в эту орбиту» «вовлечь» мусульман Средней Азии? Что же «некорыстного» в том, «когда ради престижа увеличения территории империи и ее внешнеполитического авторитета государство сохраняет местные вольности и тем самым привлекает местное население на свою сторону, намеренно проводя мероприятия по повышению своего авторитета на новых территориях» [З, с. 132]? И, наконец, говорится о закономерно наращиваемой мощи центростремительных тенденций, что объясняется созданием «критической массы для устойчивости государственного единства за счет славянского ядра» [З, с. 208]. Нарастание мощи центростремительных тенденций вернее может быть объяснено имперскими амбициями, которые центральная власть пыталась представить как «решительный ответ на внешние вызовы». Нарастание мощи центростремительных тенденций обернулось слабостью центра. Не внешние вызовы и угрозы, а неповоротливость механизма бюрократического дворянско-буржуазного государства

и внутреннее состояние общественного недовольства этим механизмом и вызвало гибель Российской империи.

Кроме несомненных достоинств монографии, к числу которых относится и дискуссионность некоторых выводов, следует отнести еще несколько. Автору монографии известны взгляды современных исследователей. Но что еще более значимо, он привлекает на свою сторону имена двадцати восьми видных, но малоизвестных ныне ученых-правоведов, историков, исследователей истории государства российской классического периода, XIX – начала XX вв.: Л.А. Тихомиров, И. Андриевский, Б.Э. Нольде, С.А. Котляревский, Н.М. Коркунов, Н.И. Лазаревский, О.К. Нотович, И.А. Блинов, П. Мрочек-Дроздовский, А.Д. Градовский, Г.В. Вернадский, В.Е. Якушкин, А. Вицын, М.В. Довнар-Запольский, Ф.И. Леонтович, П. Даневский, Н.Н. Корево, М.К. Любавский, В.Е. Романовский, В. Остен-Сакен, Э.Н. Берендтс, А.П. Липранди (А. Волюнец), Ф.П. Еленев, Е.Игнатъев, Р.Ф. Германсон, Н. Кареев, К. Валишевский, И.А. Никотин. Причем привлечены они не в качестве «степени разработанности проблемы», а функционально: многие их определения и выводы не утратили своей актуальности. Например, определение самодержавия «как такой формы правления, когда вся полнота государственной власти сосредоточена в руках одного человека – царя, короля, императора – и притом так, что в государстве не только нет власти, стоящей над ним, но нет власти, ему равной», которое сформулировано Н.И.Лазаревским [3, с. 27]. Также вывод О.К.Нотовича о государственном управлении, которое со времен «первого организатора российской государственности» – Петра Великого, «развивалось исключительно в сторону чиновно-канцелярского режима» [3, с. 28].

В монографии используется тщательно проработанный категориальный аппарат, что является несомненным достоинством всякого научного сочинения. Принципиально важны-

ми для раскрытия темы представляются понятия империи как формы государственного политико-территориального устройства, этноса и нации, региона и принципа регионализма, автономизма. Теоретико-методологическая продуманность не противоречит вовлечению в научный оборот до настоящего времени неизвестного богатейшего фактического материала, интереснейшего и потрясающего по объему. Извлечение фактического материала из архивных недр, получение исторических данных «из первых рук» отражает принципиальную позицию автора, о которой он заявляет, ссылаясь на высказывание В.Д.Спасовича, выдающегося русского адвоката, ученого и общественного деятеля конца XIX – начала XX вв., который замечал, что от историка требуется, прежде всего, чтобы он не компилировал, а работал по первоисточникам, по архивам.

Можно согласиться с тем, что за время своего существования «российская государственность накопила огромный и многообразный опыт становления и совершенствования своего административно-территориального устройства... Он имеет прямые выходы в сферу практической деятельности государственных и общественных структур, чьими усилиями создается и укрепляется новая отечественная государственность» [1, с. 308]. Знакомство с кратким аналитическим рассказом о ней может оказаться полезным для российской власти, тем более что проблема отношений центр – регионы относится к разряду вечных: изменяются исторические обстоятельства, следовательно, требуется перманентная подстройка этих отношений. Знание прошлого позволяет понять отношение федерального центра и регионов, субъектов Российской Федерации, объяснить происхождение комплекса величия и преодолеть демодернизационные «великодержавные тенденции развития Российской Федерации – уж чересчур велика схожесть между сегодняшней общественно-политической ситуацией и имперским периодом России» [3, с. 206].

1. Административно-территориальное устройство России. История и современность [Текст]. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 320 с.

2. Ильченко, М.С. Институционализм и проблема субъекта: опыт анализа федеративных отношений [Текст] / М.С. Ильченко // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Вып.9. Екатеринбург: УрО РАН, 2009. С. 263–274.

3. Красняков, Н.И. Западные национальные регионы в системе государственного управления Российской империей в XVIII – начале XX вв. Закрепление автономистской традиции в российской государственности [Текст] / Н.И. Красняков. Екатеринбург: УрАГС, 2009. 208 с.

4. Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. Политическая история России от становления самодержавия до падения Советской власти. М.: НОРМА-ИНФРА, 1999. 800 с.

5. Стешенко Л.А. Многонациональная Россия: государственно-правовое развитие X–XXI вв. М.: НОРМА, 2002. 384 с.

АННОТАЦИИ К СТАТЬЯМ

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Академической политической науке на Урале – 25 лет. В статье дается обзор основных научных исследований и результатов Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук в области политической философии и политических наук за 25-летний период со дня его основания.

Ключевые понятия: политическая философия, политическая наука, символическая политика, Модерн, постмодерн, демократия, институт демократии, дискурс-анализ, идеологии, утопии, масс-медиа, политические институты, национализм, федерализм, лоббизм, оппозиция.

ВЛАСТЬ

Русакова О.Ф., Ковалева Д.М. «Мягкая сила» и «умная власть»: концептуальный анализ. Рассматриваются методологические подходы к анализу концептов «мягкой силы» и «умной власти» в современной литературе. Особое внимание уделяется критическим оценкам концепта soft power, которые содержатся в работах Дж. Галларотти и К.С. Грея. Опираясь на работы Дж. Ная и других современных исследователей, авторы определяют smart power как искусство комбинирования элементов «мягкой» и «жесткой силы», выделяют методологические принципы, лежащие в основе данного концепта.

Ключевые понятия: «мягкая сила», «жесткая сила», «умная власть», государственная стратегия.

Ильченко М.С. Инерция в развитии российской политической системы: подходы к анализу. В статье рассматриваются основные подходы к анализу инерционных явлений в российской политике. Отмечается, что, несмотря на устойчивую традицию рассмотрения инертности в качестве одного из характерных свойств политической системы России, сам феномен инерционного развития остаётся изученным крайне слабо. Автор подчёркивает, что анализ современной российской ситуации требует рассмотрения инерции не только как сопутствующего фактора системного развития, но и как комплекса механизмов, обеспечивающих воспроизводство сложившегося в России политического порядка.

Ключевые понятия: инерция, институциональные механизмы, зависимость от исторического пути, наследие прошлого, исторический институционализм.

Лобовиков В.О. Исторический материализм в «цифровом формате» (сравнительный анализ интеллектуальных концепций и трендов социально-политических наук в связи с попытками осмысления модернизационных тенденций). В статье предлагается к обсуждению некая простая дискретная математическая модель формально-аксиологического аспекта исторического материализма, трактуемого в широком значении этого термина. «История» и «материя» точно определяются и систематически исследуются как ценностные функции, зависящие от ценностных переменных в двузначной алгебре формальной аксиологии. В этой алгебре точно определяется отношение формально-аксиологической эквивалентности ценностных функций и генерируется список уравнений,

ANNOTATIONS TO THE ARTICLES

SCIENTIFIC LIFE

Academic political science in Ural turns 25. The article gives a review of basic scientific research in the field of political philosophy and political science made by the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences over a period of 25 years since its foundation.

Key concepts: political philosophy, political science, postmodern, democracy, institution of democracy, discourse analysis, ideology, utopia, mass media, political institutions, nationalism, federalism, lobbyism, opposition.

POWER

Rusakova O.F., Kovaleva D.M. «Soft power» and «Smart power»: conceptual analysis. The article deals with the methodological approaches to the analysis of the concepts of “soft power” and “smart power” in modern literature. Special attention is paid to the critical evaluation of the concept “soft power”, which is contained in the works of J. Gallarotti and K.S. Gray. Relying on the works of J. Nye and other modern researchers, the authors define “smart power” as an art of combining elements of soft and hard power; they also highlight methodological principles on which this concept is based.

Key concepts: soft power, hard power, smart power, national strategy.

Ilchenko M.S. Inertia in the development of the Russian political system: approaches to the analysis. The article examines the main approaches to the analysis of inertia in Russian politics. The author states that despite the common practice to describe Russian political system in terms of inertness the phenomenon of inertia seems to be still poorly investigated. It is concluded that the study of contemporary Russian politics requires detailed analysis of inertia as a set of mechanisms, which ensure a stable reproduction of the present institutional order.

Key concepts: inertia, institutional mechanisms, path dependence, heritage of the past, historical institutionalism.

Lobovikov V.O. Historical materialism in the “digital format” (comparative analysis of intellectual conceptions and trends of social-political sciences in relation to attempts to understand modernization tendencies). The paper submits a simple discrete mathematical model of a formal axiological aspect of the historical materialism interpreted in a wide meaning of the term. “History” and “substance” are precisely defined and systematically investigated as value functions determined by value variables in double-valued algebra of formal axiology. In this algebra, formal axiological equivalence relation is defined precisely, and a list of equations is generated. This equation list induces interconnections of the value functions “history” and “substance” in the historical materialism.

моделирующих взаимоотношения ценностных функций «история» и «материя» в историческом материализме.

Ключевые понятия: история; материя; ценностная функция; ценностная-переменная; формальная аксиология.

Фан И.Б. Политико-правовой статус личности эпохи Московского царства: архаика или современность? Политико-правовой статус современного российского гражданина автор считает не равным статусу должностных лиц государства. В нем сохраняются некоторые черты архаичных отношений господства и подчинения. В качестве исторического основания такого положения автор рассматривает статус личности эпохи Московского царства, определяемый как частно-государственное подданство.

Ключевые понятия: политический и правовой статус личности, подданство, гражданство, Московское царство, «вотчинное самодержавие».

Дьякова Е.Г. Переход к электронному правительству и национальная специфика: чему учит опыт Китая? Проанализирован опыт Китая в сфере перехода к электронному правительству. Показано, что приоритетом при внедрении ИКТ в государственное управление является усиление надзора со стороны центральной власти за региональными властями и поддержание устойчивого экономического развития.

Ключевые понятия: электронное правительство, национальная специфика, административная реформа, устойчивое развитие.

Трусов М.А. Бельгийские политические партии как фактор влияния на взаимоотношения субъектов федерации. Статья ставит своей целью исследование характера влияния бельгийских политических партий на внутренние политические процессы и взаимодействие субъектов федерации.

Ключевые понятия: Бельгия, политические партии, внутренняя политика, федерализм.

Рыжий Д.С. Сетевые структуры и политические организации. В статье приводится обзор исследований отечественных и зарубежных авторов посвященных политическим сетям и сетевым структурам. Проведен анализ взаимодействия политических организаций и сетевых структур в условиях электоральных процессов. Показано, что информатизация и глобализация стали определяющими факторами, влияющими на существование традиционных политических организаций. Эти факторы стали основными для появления сетевых структур. Раскрыта диалектическая взаимосвязь сети и организации, которая обостряется в условиях электоральных политических процессов, когда политическая система становится неустойчивой.

Ключевые понятия: политические организации, сетевые структуры, электоральные процессы, политические сети.

СОЦИУМ

Костина Н.Б., Попов Д.П. Социальные оценки реформирования высшего профессионального образования: показатели для измерения. В статье сформулированы проблемы, возникшие в процессе осуществления реформ. Обосновано, что социальные оценки содержания, форм, методов реформирования со стороны непосредственных участников этого процесса (студентов, преподавателей, администрации вузов) – важный фактор

Key concepts: history, matter, value function, value variable, formal-axiology.

Fan I.B. Political and legal status of a person during the period of Muscovy: archaic or modern? Political and legal status of a modern Russian citizen is not equivalent to the status of state officials. It retains some features of archaic relations of domination and subordination. As the historical basis of this situation the author examines the status of a person during the age of Muscovy, which is defined as a private public citizenship.

Key concepts: political and legal status of a person, citizenship, Muscovy, «patrimonial autocracy.»

Dyakova E.G. E-Government implementation and national specificity: what can we learn from the experience of China? China's experience of e-government implementation indicates the presence of a number of specific features. The aim of ICT implementation in public administration is to strengthen the supervision of regional authorities by the central government and to maintain sustainable economic development.

Key concepts: e-government, national identity, administrative reform, sustainable development.

Trusov M.A. The influence of Belgian political parties on the relations of the federation subjects. The article studies the role and influence of Belgian political parties on the internal policy and the federation's subjects' relations.

Key concepts: Belgium, political parties, internal policy, federalism.

Ryzhiy D.S. Network structures and political organizations. The article presents the review of national and foreign research on political networks and network structures. The analysis of interaction between political organizations and network structures is made. Informatization and globalization have become key factors that influence existence of traditional political organizations. These factors are the basis for network structures. The dialectical interconnection between network and organization escalates during electoral political processes when political system becomes unstable.

Key concepts: political organizations, network structures, electoral processes, political networks.

SOCIUM

Kostina N.B., Popov D.P. Social evaluations of higher professional education reformation: indicators of measurement. In this article a variety of problems appearing during the reforming process is shown. It is also proved that social evaluations of content, forms and methods of this process could be an important factor of efficiency of higher professional education reformation. These evaluations come from direct participants of this process: students,

эффективности реформирования ВПО. На основе выявленных проблем предложена система показателей для определения социальных оценок реформирования ВПО акторами преобразований.

Ключевые понятия: реформирование высшего профессионального образования, социальные оценки, структура оценки, показатели для измерения социальных оценок.

Киселев В.Н. Факторы формирования трудовых ценностей молодых рабочих в современных условиях. В статье исследуются факторы, определяющие становление трудовых ценностей рабочих 18–30 лет, занятых на промышленных предприятиях. Выявляются основные факторы, побуждающие выпускников школ трудиться в качестве рабочего: семья, школа, личные склонности. Рассматривается процесс повышения ценности труда в результате наставничества, повышения квалификации. Выделяются причины снижения ценности труда у части молодых рабочих.

Ключевые понятия: молодые рабочие, трудовые ценности, формирование трудовых ценностей.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Савоськин А.В., Литвинова А.В. Институт обращений депутатов в конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации нуждается в совершенствовании. В статье приводится анализ направления запросов депутатами в порядке абстрактного нормоконтроля во всех 18 конституционных (уставных) судах субъектов Российской Федерации, а также обосновывается идея о необходимости нормативного закрепления индивидуального права депутата на обращение в орган региональной конституционной юстиции.

Ключевые слова: право на обращение, депутат, запрос, Конституционный суд, уставный суд.

Елфимова Е.В. Совершенствование соотношения чинов, званий и рангов в системе государственной службы Российской Федерации. Обосновывается необходимость учета периода пребывания в соответствующем воинском, специальном звании, классном чине и дипломатическом ранге при переводе (поступлении) государственного служащего с государственной службы одного вида на государственную службу другого вида; аргументируется необходимость определения актуального соотношения воинских, специальных званий, классов чинов и дипломатических рангов с учетом требований, предъявляемых к должностям на различных видах государственной службы.

Ключевые понятия: государственная служба, воинские звания, специальные звания, классные чины, дипломатические ранги.

Васильев В.А. Некоторые вопросы конституционно-правового регулирования представительства в сфере труда: исторический опыт и современное видение. Статья посвящена анализу конституционных основ представительства прав и свобод в сфере труда. С учетом международного опыта современных реалий предполагается изменение некоторых конструкций Конституции Российской Федерации, правового регулирования отношений в названной сфере.

Ключевые понятия: право на труд, свобода выбора труда, представительная и партиципаторная модель демократии, производственные, наблюдательные советы, Конституции зарубежных стран о праве на труд.

teachers, administration. On the ground of exposed problems the system of indicators for measuring social evaluations of reforms is proposed.

Key concepts: reforming process of higher professional education, social appreciations, structure of evaluation, indicators for measuring social evaluation.

Kiselev V.N. Factors of formation of labor values of young workers under current conditions. The factors that define formation of labor values of industrial workers from 18 to 30 years old are examined in the article. The main factors encouraging school graduates to become workers are stated: family, school, personal tendencies. The process of increasing the value of work as a result of mentoring, and professional development is reviewed. The reasons of decreasing the value of work of some of young workers are emphasized.

Key concepts: young workers, labor values, formation of labor values.

STATE AND LAW

Savoskin A.V., Litvinova A.V. Institute of deputies' appeals to constitutional (statutory) courts of the Russian Federation needs to be improved. The article gives an analysis of deputies' requests in the order of abstract normative control in all 18 constitutional (statutory) courts of the Russian Federation. It also explains the idea of necessary regulatory consolidation of deputies' individual right to appeal to the regional institutional body of constitutional justice.

Key concepts: right to appeal, deputy, request, Constitutional court, Statutory court.

Elfimova E.V. Improvement of the correspondence between officials, classes and ranks in the state service system of Russian Federation. In the article the necessity of record keeping of the period of stay in an appropriate military, special rank, class and diplomatic rank is motivated when moving (entering) from one kind of state service to another. The need of correlation between military special ranks, classes, diplomatic ranks with the requirements to different state services is explained.

Key words: state service, military ranks, special classes, diplomatic ranks, class ranks.

Vasiliev V.A. Some issues of constitutional and legal regulation of representation in the world of work. The article is dedicated to the analysis of constitutional principles of rights and liberties representation in the world of work. Considering international experience of modern realities some constructions of the Russian Federation Constitution and legal regulations of relationships in this field may be changed.

Key concepts: right to work, freedom of choice of work, representative and participatory democracy model, work and supervisory councils, Constitutions of foreign countries about the right to work.

Эмих В.В. Омбудсмены, содействующие защите прав предпринимателей: тенденции и перспективы развития. Автор выделяет три тренда развития омбудсменов, содействующих защите прав предпринимателей, на основе анализа их правового статуса. Первый – дифференциация компетенции омбудсменов, содействующих защите прав предпринимателей. Второй – сближение омбудсменов, содействующих защите прав предпринимателей, с институтом альтернативного разрешения споров. Третий – вовлечение общественности в деятельность указанных омбудсменов.

Ключевые понятия: бизнес-омбудсмены, омбудсмены в сфере поставок, саморегулируемые отраслевые омбудсмены, защита прав предпринимателей.

Никулочкин Е.О., Сергеев К.А., Сергеев А.Б. Конфискация имущества: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты. Реализация восстановленного института конфискации как иной меры принуждения на практике испытывает большие трудности. В статье излагаются отдельные проблемы принудительного безвозмездного изъятия и обращения в собственность государства преступно приобретенного имущества.

Ключевые понятия: конфискация, социальная справедливость, предмет доказывания, проблемы уголовно-правового и уголовно-процессуального характера.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Пинковецкая Ю.С. Анализ уровня предпринимательской активности в регионах. В статье представлены два методических подхода к оценке уровня предпринимательской активности на основе применения экономико-математических моделей и использования результатов глобального мониторинга предпринимательства. Представлен сравнительный анализ показателей по России и зарубежным странам.

Ключевые понятия: малые предприятия, средние предприятия, индивидуальные предприниматели, функции плотности распределения, регионы.

Якушев А.А. Эконометрическая модель прогнозирования предпринимательской деятельности торговой организации. Современный уровень организации и управления предпринимательской деятельностью объективно определяет необходимость использования инструментария финансово-экономического анализа оценки состояния и выбора прогнозных вариантов развития предпринимательства. Методология экономико-математического моделирования позволяет установить главные факторы изменения результативных показателей деятельности, определить степень их влияния на объемные и нефинансовые показатели, в конечном итоге сконцентрировать действия управленческого персонала на реализации стратегий активной социально-экономической направленности. Развитие экономико-математических методов и моделей с использованием их в области количественной и нечисленной информации (построение нечетких моделей) определяет новые возможности обоснования текущих и перспективных управленческих решений.

Ключевые понятия: факторы воздействия на торговый процесс, управленческое решение, математическая модель, прогнозирование результативности предпринимательской деятельности.

Emikh V.V. Ombudsmen contributing to business rights protection: tendencies and perspectives of development. The author determines three trends of developing ombudsmen promoting business rights protection on the basis of analysis of their legal status. The first one is differentiation of competence of ombudsmen promoting business rights protection. The second one is the approach of ombudsmen promoting business rights protection to the alternative dispute resolution schemes. The third one is involving the publicity in the activity of these ombudsmen.

Key concepts: business ombudsmen, procurement ombudsmen, self-regulatory industry-based ombudsmen, business rights protection.

Nikulochkin E.O., Sergeev K.A., Sergeev A.B. Forfeiture of property: criminal legal and criminal procedure aspects. Realization of reconstructed institution of forfeiture as another means of force has several difficulties. The article states some of the problems of compulsory uncompensated taking of criminal property into the state property.

Key concepts: forfeiture, social justice, circumstance in proof, criminal legal and criminal procedure problems.

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Pinkovetskaya Yu.S. Analysis of the level of entrepreneurial activity in regions. The article presents two methodic approaches to estimating the level of entrepreneurial activity on the basis of economic mathematical models and the use of the results of Global Entrepreneurship Monitor. Comparative analysis of indicators among Russia and foreign countries is presented in the article.

Key concepts: small enterprises, medium enterprises, individual entrepreneurs, functions of density of distribution, regions.

Yakushev A.A. Econometric model of forecasting business activity of commercial organization. Modern level of the organization and management of business activity defines objectively need of use of tools of financial and economical analysis of evaluating the condition and choice of prognosticative options of business development. The methodology of economic and mathematical modeling allows establishing main factors of change of activity indicators, defining extent of their influence on volume and non-financial indicators and finally to concentrate actions of the administrative staff on realization of active socially and economically oriented strategy. Development of economic and mathematical methods and models and using them in the field of quantitative and not quantitative information (creation of indistinct models) defines new possibilities of justification of current and perspective administrative decisions.

Key concepts: factors of impact on trading process, administrative decision, factors of impact on trading process, mathematical model, forecasting of business activity productivity.

Иванова Е.А. Сартрианские истоки концепции политической субъектности в работах Фредрика Джеймисона. В статье анализируются сартрианские истоки концепции политической субъектности в работах Фредрика Джеймисона. Предпринимается попытка сопоставить идеи Сартра о свободе и воображении с концепцией «когнитивного картографирования» Джеймисона как политической стратегии.

Ключевые понятия: Джеймисон, Сартр, субъектность, свобода, воображение.

Ivanova E.A. Sartrean Origins of Fredric Jameson's Concept of Political Subjectivity. This article provides an analysis of Fredric Jameson's concept of political subjectivity within the Sartrean origins. It is an attempt to juxtapose and connect Sartre's ideas on freedom and imagination with Jameson's concept of cognitive mapping as a political strategy.

Key concepts: Jameson, Sartre, subjectivity, freedom, imagination.

ИСТОРИЯ

HISTORY

Чупров А.С. Еще раз о так называемой новой хронологии. В статье анализируется получившая широкий общественный резонанс так называемая «новая хронология» А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского, в которой всемирная и отечественная история предстает в совершенно новом и даже экстравагантном виде. Автор показывает социальные условия и логические основания концепции Фоменко-Носовского, возможные социальные последствия ее утверждения в общественном сознании, а также определяет границы возможного применения концепции в исторической науке.

Ключевые понятия: новая хронология, всемирная и отечественная история, историческая наука.

Карипов Б.Н. Интерпретация либеральными мыслителями и учеными принципа разделения властей в России второй половины XIX – начала XX вв. В статье показано, что при рассмотрении вопроса о разделении властных полномочий российские либералы придерживались общей позиции, что государственная власть как верховная едина и неделима, и разделить ее можно только функционально. Различаются же они по целям, которые осуществляет государство, и по формам, в которых действуют его органы. Различие функций законодательства, управления и суда не совпадает с различием законодательной, исполнительной и судебной властей. Это несоответствие проявляется в том, что управление представляет собой более широкое понятие, чем исполнение. Деятельность государственных органов должна подчиняться праву, должна быть подзаконной. Принцип разделения властей был признан как необходимый компонент социальной системы, основанной на автономии личности, ее свободной деятельности в экономике и политике, либерально-демократической организации управления общественными делами.

Ключевые понятия: государство, принцип разделения властей, правовое государство, функции.

Тышта Е.В. Эволюция законодательной работы регионального парламента в 1990–2000-е годы (на примере Республики Хакасия). Данная статья посвящена анализу законодательной деятельности регионального парламента на разных этапах трансформационного процесса. Автор исследует процесс принятия законов, их направленность и определяет роль деятельности регионального парламента как участника трансформационного процесса.

Ключевые понятия: Республика Хакасия, трансформационный процесс, региональный парламента, законодательная работа.

Мишина М.А. Социальное обеспечение семей военнослужащих в 1920-е гг. на территории Южного Урала. В статье рассматривается исто-

Chuprov A.S. Once again on the so-called new chronology. The article analyzes the widely acclaimed so-called "new chronology" of A.T. Fomenko and G.V. Nosovsky in which global and national history is presented in a completely new and even extravagant form. The author shows the social conditions and the logical basis of the concept of Fomenko-Nosovsky, the possible social consequences of its adoption in the public mind, and identifies the possible use of the concept in historical science.

Key concepts: new chronology, world and national history, historical science.

Karipov B.N. Interpretation of the principle of separation of powers in Russia by liberal thinkers and scientists in the second half of the XIX – early XX century. The article shows that when considering the separation of powers, the Russian liberals held a common position that the state as one and indivisible as the supreme one, and it can only be divided functionally. They vary according to purpose, which the state carries out and the forms in which its elements function. The difference between the functions of legislation, administration and the court is not the same as the difference between the legislative, executive and judicial powers. This discrepancy shows that management is a broader concept than execution. The activity of state bodies should be subject to law and should be regulated. The principle of separation of powers has been recognized as a necessary component of a social system based on the autonomy of the individual and their free activity in the economy and politics, liberal-democratic organization of public affairs management.

Key concepts: state, the principle of separation of powers, rule of law, functions.

Tyshta E.V. The evolution of the legislative work of the regional Parliament in 1990–2000 (on the example of the Republic of Khakassia). This article is devoted to the analysis of the legislative activities of the regional Parliament at various stages of the transformation process. The author explores the process of adoption of laws, their orientation and determines the role of the regional Parliament as a member of the transformational process.

Key concepts: Republic of Khakassia, transformational process, regional Parliament, the legislative work.

Mishina M.A. Social security of families of military men in 1920-s in Chelyabinsk region. The article looks at historical experience of social support of

рический опыт социальной поддержки государства семьям военнослужащих. На основе анализа архивных материалов, автор составляет статистические таблицы, отражающие динамику данного процесса.

Ключевые понятия: социальная защита, военнослужащие, красный паек.

Подмарицын А.Г. Уполномоченные Совета по делам Русской православной церкви при СНК/СМ СССР по Куйбышевской области в 1943–1965 годах. В статье на основе архивных данных проанализированы должностные обязанности и практическая деятельность уполномоченных. Приводятся наиболее яркие примеры из практики указанного периода.

Ключевые понятия: Русская православная церковь, взаимоотношения государства и РПЦ, Совет по делам РПЦ при СМ СССР, советское законодательство о культах, уполномоченные.

ДИСКУССИИ И ПОЛЕМИКА

Тулчинский Г.Л. Современность и субъективность. Статья продолжает дискуссию вокруг проблем заявленных в статье профессора А.В. Павлова «Заметки о современности и субъективности», опубликованной в журнале «Социум и власть». В статье отмечается существование различных измерений феномена современности и доказываются необходимость выработки обобщающего, философского, «мировоззренческого» понимание современности, вариант которого предлагается в размышлениях автора.

Ключевые понятия: современность, мировоззрение, просвещение, гуманизм, либерализм.

Борисов С.В. Что значит быть современным (в контексте статьи А.В. Павлова «Заметки о современности и субъективности»). В статье рассматриваются экзистенциальные проблемы бытия-присутствия, временности, ценностей и коммуникации в контексте понятия «современность».

Ключевые понятия: экзистенция, бытие, время, ценности, коммуникация.

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Фадеечева М.А. Центр и регионы: историко-теоретический анализ нового российского имперского порядка. В данной рецензии автор проанализировала основные идеи монографии российского ученого Н.И. Краснякова о проблемах государственного строительства и управления западными территориями Российской империи и выявила связь современных проблем в отношениях между Российской Федерацией и бывшими республиками СССР, между Федеральным центром и субъектами Российской Федерации с имперским прошлым. Здесь показаны основные подходы самодержавной власти к формированию политико-правового пространства и модели взаимодействия имперской власти и национальных регионов. Главная сложность заключалась в сочетании трендов унификации и автономии в интересах укрепления царской власти.

Ключевые понятия: империя, государство, регион, регионализм, автономия.

the state to families of military men. On the basis of the analysis of archival materials, the author puts together the statistical tables reflecting dynamics of this process.

Key concepts: social protection, military men, "red" rations.

Podmaritsyn A.G. Representatives of Council for Russian Orthodox Church affairs at Council of People's Commissars/Council of Ministers of the USSR in Kuibyshev area 1943–1965. Kuibyshev area is taken as an example to analyze the duties of representatives of Council for Russian Orthodox Church affairs at Council of People's Commissars/Council of Ministers of the USSR. The most striking examples from the practice of the representatives who were consistently holding this post are given in this article.

Key concepts: Russian Orthodox Church, Council for affairs of Russian Orthodox Church at Council of Ministers of the USSR authorized in Kuibyshev area, the state and Russian Orthodox Church relationship, the Soviet legislation on cults, the state control over the religious organizations.

DISCUSSIONS AND DEBATES

Tulchinskiy G.L. Modernity and subjectivity. The article continues discussion round problems stated in article by professor A.V.Pavlov «Notes about modernity and subjectivity», published in the magazine «Society and the power». In the article the existence of various measurements of a phenomenon of modernity is marked and the necessity of development of generalizing and philosophical is proved, the "world outlook" understanding of the modernity, which variant is stated in the reflections of the author.

Key concepts: modernity, outlook, education, humanism, liberalism.

Borisov S.V. What being modern means (in the context of A.V. Pavlov's article "Notes about modernity and subjectivity"). The article examines existential problems of being-presence, temporariness, values and communication within the context of the concept "modernity".

Key concepts: existence, being, time, values, communication.

CRITICISM AND REVIEWS

Fadeicheva M.A. Center and regions: historical and theoretical analysis of the new Russian imperial order. In this review, the author analyzes the main ideas of the monograph written by Russian scholar N.I. Krasniakov about the problems of state building and management of the Russian Empire's Western territories. The author shows how the current problems in the relations between the Russian Federation and former Soviet republics, and the relations between the Federal Center and the subjects of the Russian Federation are connected with the state's imperial past. The article describes the autocracy's main approaches to form the political and legal space as well as the model of interaction between the Imperial power and national regions. The main difficulty was to combine the trends of unification and autonomy in the interests of the tsar's power strengthening.

Key concepts: empire, state, region, regionalism, autonomy.

АВТОРЫ НОМЕРА

Борисов Сергей Валентинович, доктор философских наук, профессор кафедры философии Челябинского государственного педагогического университета, доцент. E-mail: borisovsv69@mail.ru

Васильев Валерий Александрович, заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Челябинск. E-mail: v_vasiljev@nm.ru

Дьякова Елена Григорьевна, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург. E-mail: gf-urfo@bk.ru

Елфимова Елена Владимировна, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Уральского юридического института МВД России, подполковник полиции, г. Екатеринбург. E-mail: Elfimovaav@mail.ru

Зырянов Сергей Григорьевич, директор Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор. E-mail: director@rane74.ru

Иванова Евгения Александровна, аспирант Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург. E-mail: snowdrop7j@gmail.com

Ильченко Михаил Сергеевич, кандидат политических наук, научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург. E-mail: msilchenko@mail.ru

Карипов Балташ Нурухамбетович, кандидат исторических наук, докторант кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры философии Кокшетауского государственного университета имени Ш.Ш. Уалиханова, Республика Казахстан. E-mail: bkaripov@yandex.ru

Киселев Владимир Николаевич, ассистент кафедры философии и культурологии Уральского государственного горного университета, соискатель кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург. E-mail: V.Kiselev@elem.ru

Ковалева Дарья Михайловна, аспирант Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург. E-mail: dmkovaljova@mail.ru

Костина Наталья Борисовна, заведующая кафедрой теории и социологии управления Уральского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, г. Екатеринбург. E-mail: natalya.kostyna@uapa.ru

Литвинова Аэлита Владимировна, соискатель Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск. E-mail: aelita@mail.ru

Лобовиков Владимир Олегович, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, профессор, г. Екатеринбург. E-mail: vlobovikov@mail.ru

Мишина Мария Анатольевна, соискатель кафедры истории, культурологии, социологии и права Челябинского государственного педагогического университета. E-mail: fahrenheit-32@mail.ru

Никулочкин Евгений Олегович, преподаватель кафедры теории права и государства Южно-Уральского государственного университета, г. Екатеринбург. E-mail: gff-88@mail.ru

Пиньковецкая Юлия Семеновна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономического анализа и государственного управления Ульяновского государственного университета. E-mail: avtotr@mv.ru

Подмарицын Алексей Геннадьевич, кандидат исторических наук, докторант кафедры российской истории Самарского государственного университета. E-mail: algerpod@yandex.ru

Попов Дмитрий Павлович, аспирант кафедры теории и социологии управления Уральского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: Popov.vision@gmail.com

РусакOVA Ольга Фредовна, заведующая отделом философии Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, доктор политических наук, профессор, г. Екатеринбург. E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Рыжий Денис Сергеевич, соискатель Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, член Общественной палаты Челябинской области, заместитель председателя областного совета движения «За возрождение Урала», г. Челябинск. E-mail: d.rzyhiy@mail.ru

Савоскин Александр Владимирович, советник судьи уставного суда Свердловской области, кандидат юридических наук, доцент, г. Екатеринбург. E-mail: savoskin@e1.ru

Сергеев Андрей Борисович, доктор юридических наук, профессор кафедры теории права и уголовно-правовых дисциплин Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор, г. Челябинск. E-mail: sergeev_ab@bk.ru

Сергеев Константин Андреевич, кандидат юридических наук, научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Челябинск. E-mail: sergeev_ab@bk.ru

Трусов Михаил Александрович, аспирант кафедры теории и истории политической науки Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург. E-mail: glacial.abys@gmail.com

Тулчинский Григорий Львович, доктор философских наук, профессор кафедры прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики – Санкт-Петербург», профессор. E-mail: gtul@mail.ru

Тышта Елена Владимировна, кандидат политических наук, доцент кафедры истории и политологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. E-mail: tyshta@mail.ru

Фадеечева Марианна Альфредовна, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, доцент, г. Екатеринбург. E-mail: fm366@uralmail.com

Фан Ирина Борисовна, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела философии Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург. E-mail: Irina-fan@yandex.ru

Чупров Александр Степанович, заведующий кафедрой истории, философии и культурологии Благовещенского государственного педагогического университета, доктор философских наук, профессор. E-mail: alex.chupr@yandex.ru

Эмих Валентина Викторовна, кандидат юридических наук, научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург. E-mail: emikh.valentina@gmail.com

Якушев Анатолий Алексеевич, директор филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации в г. Челябинске, кандидат технических наук, доцент. E-mail: su-7@mail.ru

AUTHORS OF THIS ISSUE

Borisov Sergei Valentinovich, Ph. D., Professor at the Department of Philosophy at Chelyabinsk State Pedagogical University, Assistant Professor. E-mail: borisovsv69@mail.ru

Vasiliev Valeri Aleksandrovich, honored jurist of the Russian Federation, Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor at the Department of Civil Law Disciplines at Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service, Chelyabinsk. E-mail: v_vasiljev@nm.ru

Dyakova Elena Grigorievna, Doctor of Sciences (Political Science), Head Fellow at the Institute of Philosophy and Law at the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg. E-mail: gf-urfo@bk.ru

Elfimova Elena Vladimirovna, Candidate of Sciences (Law), Deputy Head at the Department of administrative law and administrative activities of law enforcement agencies at the Ural Institute of Law of Russian Ministry of Internal Affairs, lieutenant colonel of police, Yekaterinburg. E-mail: Elfimovaav@mail.ru

Zyrianov Sergei Grigorievich, Director of Chelyabinsk branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service, Doctor of Sciences (Political Science), Professor. E-mail: director@rane74.ru

Ivanova Evgeniya Aleksandrovna, graduate student at the Institute of Philosophy and Law at the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg. E-mail: snowdrop7@gmail.com

Ilchenko Mikhail Sergeevich, Candidate of Sciences (Political Science), Research Fellow at the Institute of Philosophy and Law at the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg. E-mail: msilchenko@mail.ru

Karipov Baltash Nurmukhametbetovich, Candidate of Sciences (History), Doctoral Student at the Department of History and Theory of Politics at the Department of Political Science at Lomonosov Moscow State University, Assistant Professor at the Department of Philosophy of Kokshetau State University named after S.S. Ualikhanov, Kazakhstan. E-mail: bkaripov@yandex.ru

Kiselev Vladimir Nikolaevich, lecturer at the Department of Philosophy and Cultural Studies at Ural State Mining University, doctoral candidate at the Department of Applied Sociology at the Ural Federal University named after the first president of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg. E-mail: V.Kiselev@elem.ru

Kovaleva Darya Mikhailovna, graduate student at the Institute of Philosophy and Law at the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg. E-mail: dmkovaljova@mail.ru

Kostina Natalya Borisovna, Head of Department of Theory and Sociology of Management at Chelyabinsk branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Yekaterinburg. E-mail: natalya.kostyna@uapa.ru

Litvinova Aelita Vladimirovna, doctoral candidate at South Urals State University, Chelyabinsk. E-mail: aelita@mail.ru

Lobovikov Vladimir Olegovich, Ph. D., Head Research Fellow at the Institute of Philosophy and Law at the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor, Yekaterinburg. E-mail: vlobovikov@mail.ru

Mishina Maria Anatolyevna, doctoral candidate at the Department of History, Cultural Studies, Sociology and Law at Chelyabinsk State Pedagogical University. E-mail: fahrenheit-32@mail.ru

Nikulochkin Evgeniy Olegovich, lecturer at the Department of Theory of Law and State at South Urals State University, Yekaterinburg. E-mail: gff-88@mail.ru

Pinkovetskaya Yulia Semenovna, Candidate of Sciences (Economics), Assistant Professor at the Department of Economic analysis and State Administration at Ulyanovsk State University. E-mail: avtotr@mv.ru

Podmaritsyn Aleksey Gennadievich, Candidate of Sciences (History), doctoral student at the Department of Russian History at Samara State University. E-mail: algepod@yandex.ru

Popov Dmitriy Pavlovich, graduate student at the Department of Theory and Sociology of Management at the Ural Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service. E-mail: Popov.vision@gmail.com

Rusakova Olga Fredovna, Head of Department of Philosophy at the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Yekaterinburg. E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Ryzhiy Denis Sergeevich, doctoral candidate at the Institute of Philosophy and Law at the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Member of the Civic Chamber of Chelyabinsk Region, Deputy Chairman of the Regional Council of «ZaVozrozhdeniyeUrala» movement, Chelyabinsk. E-mail: d.ryzhiy@mail.ru

Savoskin Aleksandr Vladimirovich, assessor at the Statutory Court of Sverdlovsk Region, Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor, Yekaterinburg. E-mail: savoskin@e1.ru

Sergeev Andrey Borisovich, Doctor of Sciences (Law), Professor at the Department of Theory of Law and Criminal Disciplines at Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service, Professor, Chelyabinsk. E-mail: sergeev_ab@bk.ru

Sergeev Konstantin Andreevich, Candidate of Sciences (Law), Research Fellow at Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service, Chelyabinsk. E-mail: sergeev_ab@bk.ru

Trusov Mikhail Aleksandrovich, graduate student at the Department of Theory and History of Political Science at the Ural Federal University named after the first president of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg. E-mail: glacial.abys@gmail.com

Tulchinskiy Grigoriy Lvovich, Ph. D., Professor, Professor at the Department of Applied Political Science at National Research University «Higher School of Economics – St. Petersburg». E-mail: gtul@mail.ru

Tyshta Elena Vladimirovna, Candidate of Sciences (Political Science), Assistant Professor at the Department of History and Political Science at Khakassiya State University named after N.F. Katanov. E-mail: tyshta@mail.ru

Fadeicheva Marianna Alfredovna, Doctor of Sciences (Political Science), Head Research Fellow at Institute of Philosophy and Law at the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Assistant Professor, Yekaterinburg. E-mail: fm366@uralmail.com

Fan Irina Borisovna, Doctor of Sciences (Political Science), Head Research Fellow at Philosophy Department at the Institute of Philosophy and Law at the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg. E-mail: Irina-fan@yandex.ru

Chuprov Aleksandr Stepanovich, Head of Department of History, Philosophy and Cultural Studies at Blagoveshensk State Pedagogical University, Ph. D., Professor. E-mail: alex.chupr@yandex.ru

Emikh Valentina Viktorovna, Candidate of Sciences (Law), Research Fellow at the Institute of Philosophy and Law at the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg. E-mail: emikh.valentina@gmail.com

Yakushev Anatoliy Alekseevich, Director at Chelyabinsk branch of Financial University of the Government of the Russian Federation, Candidate of Sciences (Engineering), Assistant Professor. E-mail: su-7@mail.ru

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет один экземпляр рукописи по электронной почте.

2. Текст статьи представляется на русском языке объемом не более 19.100 знаков без пробелов, включая сноски*. Файл должен читаться в формате Word 98/2000. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал – одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзачным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т.е. не вручную.

3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.

5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.

6. Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), город.

7. Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи – библиографический список в алфавитном порядке. Количество источников не более 15.

8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

9. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

10. Статья должна быть классифицирована – иметь УДК.

11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–3 предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

б) ключевые понятия (не более пяти);

в) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционно-экспертного совета журнала.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается.

Контактная информация автора (адрес электронной почты) в журнале указывается обязательно.

Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.

Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308.

Тел. (351) 771-42-30.

E-mail: kushtym@urags-chel.ru

* При отступлении от установленного объема статья может быть отклонена.

Requirements for articles and memos presented for publication in the «SOCIUM AND POWER» journal

1. The author will send one copy of the typescript by e-mail.

2. The article will be sent in Russian. The article will be under 19,100 characters without spaces, including the bibliography.* The file will be in Microsoft Word 98/2000 format. The font will be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides will be 20 mm. The text must be justified with no line breaks. The text of the article or memo (including the title) will be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.

3. All font highlighting will be done in light italics. All titles and subtitles will be done in bold.

4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) will be done in image editing software. All images must be numbered incrementally.

5. All numerical data will be done in tables. Each table will have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables will not have shortenings except for the unit names. The electronic versions of each table and image will be done in separate files.

6. The name of the article will be done centrally in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, their place of work and position, academic degree and rank (if applicable), city of residence will be done in the upper right corner over the article name.

7. The literature references will be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and as an alphabetized bibliography list at the end of the article. There will be fewer than 15 sources.

8. The references will be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».

9. The legal acts listed will quote the initial and latest edition.

10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).

11. The author will note the agenda (specialization) of the article presented for publication.

12. In addition to the text of the article the author will also present the following positions as a separate file in Russian and English:

a) Concise (2-3 sentences) annotation of the article with the name of the article, last name and initials of the author

b) Keywords (under 5)

c) Information about the author – Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work or study, degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).

The articles or memos not complying with the aforementioned requirements will not be reviewed and/or published.

The publication of the received articles will be approved or declined within 3 months from the registration of the typescript at the editorial office. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.

The members of the journal's editorial board will review the articles.

The typescripts will not be returned.

The articles will be run through the «Antiplagiat» system.

By presenting the typescript of the article to the editorial, the author agrees not to publish that same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIUM AND POWER» journal.

No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.

The contact information of the author (e-mail) will be quoted in the journal at all times.

The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.

Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.

Tel. 7 (351) 771-42-30.

E-mail: kushtym@rane74.ru

*A paper may be rejected if the special size requirements are not satisfied.